

МОЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

МИХАИЛ НАЙДИЧ

1.

Девчонка,
Подруга по школе;
Волос легкомысленный дым
И взгляд чуть насмешлив («Доколе
Ты будешь несмелым таким!»).
И матово-белая брошка,
Полночные краски вобрал,
Сверкала, как лунная стежка,
По самой середке Днепра.
Был профиль задумчиво-тонок,
Посмотришь — и все, наповал!..
...А я — как целуют девчонок —
Лишь те-о-ре-тически знал.
И птица ночная кричала,
И мы в первый раз влюблены...
И это — за час до начала
Отечественной войны...

2.

Дорога.
За дорогой рытвина.

Нашел я быстро этот дом.
Вот и кустарники молитвенно
Сложили руки над плетнем.
От стука
Вздрогнула акация,
И сердце екнуло в груди...
— Тебе чего?
— Рекомендацию...

Напишешь, Галя!

— Заходи.
Она смотрела как-то ласково,
Смотрела, белая, как мел,
(Не по системе Станиславского,
Как позже
Кое-кто смотрел).
Нет,
Самым искренним движением
Отбросила густую прядь.
Мальчишки тянутся в сражения,
И ей ли это не понять!
И выводила так старательно
(Склонялась низко голова),

Что я — идейный
И сознательный...
И в этом духе
Все слова.

Полоска солнца тускло-медная
Лежала на ее лице...
Как будто все...

И все же медлила
Поставить точку — там, в конце.
Вставала жизнь.
Простыми былями.
Но не напишешь все равно,
Что это с ней в кино ходили мы:
При чем же, скажут, здесь кино!..

...В отделе кадров, как в чистилище:
Одно — в костер,
Другое — в стол.
И писарь нашего училища
Бумажку к делу подколол.
Потом тянулся я за сильными,
Порой глотая пыль и гарь.
А вслед смотрел
Глазами синими
Мой комсомольский секретарь.

3.

— Ой, Галина! Чего ты задумала! —
Говорила встревоженно мать.
— Я с Расковой уйду,
с Гризодубовой,
Обязательно буду летать.

Но война приближалась.
И заняла
Свора вражеская
городок...
Ну, а Галя!
Она партизанила,

Все мечтанья пока —
На замок.
В полдень мартовский
каждое деревце,
Как в шинели, встает на пути.
...Но село окружили бандеровцы:
— Партизаны! Давай выходи!
Небосвод был наполнен пернатыми,
Но сгущалась зловещая мгла.
И Галина решила —
с гранатами
В полный рост на засаду
пошла!

4.

Вот и встретились.
Здравствуй, Галочка,
Здравствуй, палочка-выручалочка!
Наше детство прошло, как в сказке,
Там проказы твои
И подсказки.
Ты в саду сейчас,
Ты из бронзы,
А у ног — георгины, розы...
Те же косы, та же осанка.
Но не школьница здесь —
Партизанка.
Вспомни озеро,
Вспомни, Галочка,
Вспомни, палочка-выручалочка,
Ты слыла у нас недотрогой,
Я, простясь, не сказал тебе
Многого.
А теперь не сказать, не признаться мне.
Те же косы и то же платье,
Те же пальцы в накрапах рассвета,
Но чернильного пятнышка
Нету...

ХОЗЯЙКА ПОЕЗДА

Затерялась в лесах тихая чувашская деревенька Татшурут — десятка полтора дворов на двух с половиной улицах... А, говорят, есть где-то города огромные, есть железные дороги, по которым бегут, соперничая с ветрами, чудо-кони... «Вот бы глянуть на них одним только глазком. Нет, пожалуй, не глянуть, а забраться в кабину, сжать руками штурвал или — как он там называется? — реверс — и умчаться далеко-далеко. Мальчишки думают, что не девчачье это дело. Ну и пусть себе думают. На то и голова на плечах, чтобы думать». А вот Рашида Алиулова думает иначе.

Ведь не зря же пишут в книгах о том, что девчата водят самолеты и машины,

стоят на мостиках кораблей, прыгают с парашютами, ставят рекорды по бегу на коньках и лыжах... Девчонки все могут!..

А здесь тихо. Дремлет деревенька Татшурут под нежный шепоток шелковистой листвы.

Но скоро, скоро!..

Рашида еще и еще раз перечитывает письмо сестры. «Приезжай, Рашида, ко мне в Свердловск. Хотя и тесновато будет, но проживем. Выучишься. На хорошую работу поступишь...»

В Свердловск!

...На станции Канаш многолюдно. Того и гляди заблудишься среди толпы. Где-то за лесом пропел гудок. Повис над зелеными кронами белый дым. «Чу-чу, чу-чу!..» К перрону подошел поезд Москва—Свердловск. Рашида испугалась даже, впервые увидев паровоз. Потом, плененная его силой и красотой, стала восхищенно рассматривать и локомотив, и вагоны. О том, что едет в Свердловск, она вспомнила лишь тогда, когда перрон опустел. Бросилась к своему вагону. «Быстреей, быстреей, вдруг не успею». Кинула маленький багаж на ступеньки.

— Не горопись, не торопись, девочка. Ты что, первый раз едешь? Не знаешь, что билет показать надо, — строго сказала проводница.

— Первый, — шепотом ответила Рашида, покраснела от смущения и протянула билет.

Почти сутки она не отходила от окна. Нравилась ей и ритмичный перестук колес, и мелькающие деревья, и телеграфные столбы, и величаво проплывающие мимо поселки. Рашида приветливо махала рукой людям, которые провожали взглядами мчащийся на всех парах скорый.

Здесь, у окна вагона, девочка и решила свою судьбу — твердо решила быть вместе с теми, кто уверенно днем и ночью водит составы в далекие и близкие земли.

В Свердловске после учебы Рашида поступила работать на завод «Урал-электроаппарат», но, стоя у станка, она мысленно была там, где перекликаются паровозы, спешащие на север и восток, запад и юг.

И Рашида не выдержала. В 1956 году пришла она в отдел кадров Свердловского отделения дороги.

— Нет ли у вас работы? — сказала робко.

— Какой? — спросил начальник, просматривая ее документы.

— Все равно. Очень хочется поработать у вас.

— Знаешь, девушка, открываются у нас курсы старших кондукторов. Пойдешь? Только заранее тебя предупреждаю: будет трудно. Придется и ночью ездить. И в сильную жару, и в непогоду. И ответственность немалая. Справишься?

Рашида Алиулова справилась с этой очень трудной работой. За девять лет благодарности, благодарности и благодарности... За сохранность груза, за предотвращение аварий, за находчивость, за смелость.

Рашида стала главным кондуктором — хозяйкой поезда.

Пожалуй, и не вспомнишь, каким был тот первый рейс. Волновалась, конечно, страшно. И сейчас каждый раз перед очередным отъездом Рашида чувствует себя как перед боем. Несколько раз осмотрит вагоны, платформы. Проверит, на месте ли «орудия производства». А их немало: боковой, межбуферный и ручной фонари. Четыре флажка: два красных, два желтых. Три факел-свечи. Свисток. Шесть петард для остановки поезда.

В дороге надо быть начеку. Следить за сигналами, за ходом поезда, за соседними путями: нет ли на них посторонних предметов. Заметила, что букса перегрелась или вагон пошел юзом — немедленно принимай меры. Иначе авария, крушение.

В таких случаях поезд спасает находчивость и мужество его хозяйки — главного кондуктора Рашиды Алиуловой.

Ненастной октябрьской ночью прошлого года Рашида сопровождала эшелон угля. Рейс проходил нормально. И вдруг — это случилось на участке дороги Кузино — Свердловск — в темноте взвихрился сноп ярких искр. Они, словно фейерверк, разлетались из-под вагона, что находился в середине состава.

«Букса горит!» А на улице непогода: мокрый снег, ветер. Машинист не видел сигналов Рашиды. И тогда она рванула на себя рукоятку стоп-крана.

Авария была предотвращена.

Как-то, проезжая между станциями

Билимбае и Подволошино, Рашида услышала, что в привычную симфонию звуков, которую выстукивают колеса, вкрадлась фальшивая нота. Один из вагонов идет юзом (колеса не двигаются). Груз важный — цистерны с нефтью. И хозяйка поезда остановила состав.

Дорога, дорога, дорога... Если подсчитать, сколько километров Рашида проехала за девять лет, цифра получится внушительная: 600.000. Жизнь — в пути. В расчет не берутся ни время года, ни время суток, ни погода.

Все подчиняется этой женщине.

Идут поезда с машинами, станками, углем и нефтью, лесом и продуктами точно по расписанию.

Идут поезда на Дальний Восток, и в Среднюю Азию, в Ленинград и Прибалтику, на Украину и в Болгарию... Везут они грузы с маркой уральских заводов и фабрик.

Как-то в Нижнем Тагиле путевые рабочие спросили у Рашиды Алиуловой:

— Не первый раз тебя видим. Все ездешь? И не надоело?

И тогда Рашида с увлечением рассказала им о работе, о ночных поездках, об ответственных грузах, о своем небольшом, но важном хозяйстве.

— Конечно, — говорит Рашида, — есть неудобства. С мужем порой разъезжаемся в разные стороны. Он тоже главный кондуктор. В театр не всегда попадешь, когда хочешь. Иногда и кинофильм хороший пропустишь. А кино я очень люблю. Но нет для меня жизни без родных уральских просторов, без ритмичного перестука колес, без говора паровозов и тепловозов, без моих товарищей, которые помогли мне осуществить мечту.

И снова в путь! День морозный, но светлый, солнечный. Впереди сверкающие нити дороги. Мимо бегут чередой станции, поселки, города.

Мелькают заснеженные сосны...

Тяжелый состав с углем идет в очередной рейс. А на тормозной площадке невысокая черноглазая женщина — хозяйка поезда. Главный кондуктор Рашида Алиулова.

Е. КОНСТАНТИНОВА

ОЛЬГА ФОКИНА

УТРЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Полон тайной новизны,
Ветер в окна заплеснул,
И качнул, как лодку, сны,
И заснул... а ты — проснулся!
Ты проснулся, ты проснулся,
Полон тайной новизны.

Ты встаешь, рассвету рад,
Как подарку в день рожденья.
Даже птицы все подряд
Поздравляют с пробуждением.
— С пробуждением! С пробуждением! —
Даже птицы говорят.

И, внезапно озарен,
Ты встаешь с мечтой о чуде.
Мир звенит со всех сторон:
— Чудо будет! Чудо будет!
Чудо будет, чудо будет, —
Мир звенит со всех сторон.

Подшипник — долгожитель

Подшипник — очень важная деталь машины. Выйдет он из строя — и останавливаются механизмы, агрегаты, станки, нарушается производственный ритм.

На Свердловский подшипниковый завод часто поступают телеграммы: «Срочно, самолетом высылайте подшипник

3612», «Просим не задержать отправку подшипников»...

И каждый день уральские подшипники вылетают, отъезжают, отплывают в близкие и дальние области нашей страны, за рубеж.

Чтобы сделать подшипники более долговечными, заводские инженеры решили не выгачивать, а штамповать сепараторы (деталь, которая распределяет шары или ролики на одинаковом расстоянии друг от друга, не дает им сталкиваться или разбегаться в разные стороны). Проверка на испытательных стендах показала их легкость, прочность. Кроме того, штампованные сепараторы были дешевле. А что, если изготовить сепаратор из капрона?

Так появился на свет первый не только в нашей стране, но и в мире, капроновый долгожитель-сепаратор. Машина выдавала его за две минуты.

Как будто цель достигнута? Но коллектив был все-таки недоволен: «Шведские подшипники лучше наших, долговечнее. А почему?»

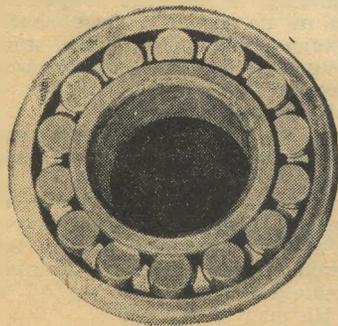
Чтобы ответить на это «по-

Уральская марка

чему», испытали не меньше ста партий деталей. Многие изменили в технологии их изготовления, ввели дополнительные операции. Экзамен показал, что если обычный подшипник при солидной нагрузке держался 257 часов, то новый с грузом свыше четырех тонн работал без перерыва более девятисот часов, — шведский остался позади!

А. КЫЧАКОВА

СПУТНИКИ

СПУТНИК — 1. Человек, который вместе с кем-нибудь совершает путь. 2. Прибор, запускаемый с помощью ракетных устройств в космическое пространство и имеющий, подобно небесным телам, определенную орбиту.

(С. И. Ожегов, «Словарь русского языка», 1963 г.)

„А все-таки она вертится!..“

«Ересь!» Нет, ошибиться невозможно. Так и написано. Николай Семенович невольно улыбнулся, хотя смешного в этой лаконичной резолюции было мало. Судите сами, что тут веселого, если ты отдаешь на суд свою мечту — итог долгих раздумий, поисков, расчетов, а мечта убивается одним обидным словом.

И все же Ходаковский усмехнулся. Он живо представил себе этого человека: насупив косматые брови, склонив над столом сидящий ежик и сложив в недовольную гримасу губы, он уверенно, заученным движением не пишет, а бросает наотмашь, наискось по титульному листу докладной: «Ересь!» Чудак. Неужто он и в самом деле думает, что обидная резолюция заставит Ходаковского отступить? И почему «ересь»? Почему не «ерунда», «галиматья» или какое-нибудь другое не менее резкое слово? Гм... А может, автор резолюции и прав. По-своему, конечно. Предлагаемый проект поточной линии действительно необычен. В глазах человека, не давшего себе труда вдуматься в расчеты, такой проект и впрямь покажется еретическим. Да и не впервые слышать Ходаковскому подобные мнения.

— Вы же опытный инженер, — говорили ему одни, и часто от чистого сердца. — Неужто сами не чувствуете, что идея ваша неосуществима? И потом, к чему спутники? Ведь их же только в автоматических линиях применяют, для небольших деталей. А вы проектируете поточную, и корпуса палет — это вам не болтики! Каждый корпус знаете сколько килограммов тянет... Вы сами-то в свою идею верите?

Николай Семенович верил.

Другие заходили в своих предостережениях дальше:

— Николай Семенович, — звонил старый приятель, — ты и правда хочешь свои спутники на колеса поставить?

— Правда!

— И пустить их самокатом, от станка к станку?

— Конечно.

— Ну, извини, это уже не технический риск, а нечто такое, что ни в какие рамки не укладывается: спутник — на колеса, на спутник — деталь. Да твой слоеный пирог рабочим ноги переломает, разнесет весь цех!.. Как такую машину остановишь? Да за это по закону отвечать придется... По закону!..

Ходаковский пробовал возразить: в проекте все предусмотрено, рассчитано. Но тогда «доброжелатели» выдвигали неоспоримый, на их взгляд, довод: «Такого нигде еще нет! Вы это знаете?»

Николай Семенович знал и это. Знал лучше своих «доброжелателей». «Еретик» яснее скептиков представлял неминуемые трудности, с которыми придется столкнуться, если поточная линия с чертежей шагнет в цех и начнется привычный, но всегда такой мучительный процесс превращения замысла в «живой организм». Он хорошо представлял, на что идет.

Нерадостные размышления прервал телефонный звонок. Секретарь директора напомнила: сегодня Виктор Васильевич примет Ходаковского. Уточнила время. Попросила не опаздывать. Николай Семенович машинально взглянул на часы: торопиться нужды не было. Но и сидеть за столом, ждать — не в силах. Лучше пройти за цеху.

Сектор новой техники отдела главного технолога — в дальнем углу громадной коробки, под крышей которой соседствуют четыре цеха. Новичку заблудиться здесь — пара пустяков. Николай Семенович шагает по пролетам уверенно, привычно «срезая» углы. Ходаковский осваивал эту коробку еще в тридцатых годах, вскоре после пуска Уралмаша.

В молодости решения принимаются легко. Работал он на одном из заводов Украины. В отпуск поехал не на юг, а в Свердловск, на Уралмаш. Походил по новым цехам, пришел к главному инженеру. Тот спрашивает:

— Как впечатление?

— Примите. На любую работу...

— Зачем же на любую? — улыбнулся главный и назначил Ходаковского механиком цеха.

Правда, потом с Уралмашем пришлось не по своей воле расстаться. Много лет спустя работал уже на другом крупном заводе. Все как будто бы наладилось. Но снова пришел Николай Семенович на Уралмаш.

— Примите. На любую работу!

— Зачем же на любую? — и направили Ходаковского в сектор новой техники.

И разговор вновь был таким же кратким, как тогда, в молодости. А ведь на этот раз, в 1959 году, когда Николай Семенович вторично пришел на Уралмаш, ему уже перевалило за пятьдесят. Не по годам, видно, о юности судить надо...

Сегодня в цехе крупных узлов Ходаковский задержался, разговорился со знакомым мастером. У мастера на сборке о чем речь? Все о том же: опять механические цеха срывают комплектровку, не дают палет — и баста. А причины пойдешь искать — только время потеряешь. «Побегу выкалчивать», — мастер юркнул на соседний участок.

«Снова эти палеты!» — Ходаковский ломал голову уже не один месяц, чтобы увеличить выпуск палет (есть такие тележки с решетчатым дном на агломерационных машинах). Наконец-то решение было найдено. Только бы убедить директора. «Может, об этом и рассказать ему? — подумал Ходаковский. — Пять цехов делают злосчастные палеты. Четыре стружку гонят, в пятом собирают. Как двадцать лет назад «размазали» по пяти цехам, так до нынешнего дня и ведется. Людей занято много, а сборку то и дело лихорадит. Правду говорит мастер: концов не найдешь, сваливают вину друг на друга. Хотя... рассказывать директору обо всем этом не стоит. Он и сам знает, надо изложить главное».

Друзья, узнав, что Ходаковский идет на прием к директору, предупреждали: «Сам» многошлория не любит. Постарайся уложиться минут в десять». Ну что же, десять так десять. Тогда он коротко доложит о спутниках. Так, мол, и так. Идея, правда, смелая, даже дерзкая, — он не спорит. Но не надо спешить с отказом. Давайте рассуждать логично. Делать палеты нужно в одном месте, на одном участке. Согласны? Хорошо. Но тогда почему не поставить обработку корпусов палет на поток? Ага, и с этим согласны? Чудесно. Но если есть механическая поточная линия, почему рядом не пустить поточную сборочную? Логично? Одобряете? Великолепно! Экономические расчеты? Пожалуйста. Это самые скромные. Удовлетворяют? Вот и все, Виктор Васильевич, дело за вами, решайте... Что? Подробнее о спутниках? Можно. Но придется, извините, говорить об элементарных вещах. Станки у нас используются варварски. Ну ладно, скажем мягче: не по-хозяйски. Какова главная задача станочников? Строгать, обтачивать, сверлить металл — одним словом, выполнять полезную работу. И они ее выполняют. Хорошо, мастерски. Повышают скорости резания, усиливают подачу, сокращают, ужимают время — счет идет на минуты, секунды. И этот же хозяин станка вынужден терять часы на так называемые вспомогательные операции. Вспомогательные — не основные, значит, а попросту — ненужные, лишние. Сколько времени они съедают! Прежде чем деталь поставить на станок, ее надо разметить. Потом изволь выверить — да точнее! — правильно ли установлена она, не скособочилась ли. Приладь режущий инструмент. И только потом снимай стружку. Да не сразу Пробную. А тут и перелет может случиться, и недолет. Пока прицеливаешься —

время бежит. Новый способ ликвидирует все эти вспомогательные операции. Полностью. Бесспорно! Все очень просто. Корпус палеты жестко, намертво крепится к спутнику. Станки настроены заранее. По спутникам. Все очень просто, Виктор Васильевич...

«Речь» Ходаковского прервал смех. Он поднял голову: смеялись пробежавшие мимо молоденькие работницы. Видимо, что-то забавное подметили в нем. И Николай Семенович взглянул на себя со стороны: немолодой, в круглых «макаренковских» очках, в старомодной кепке идет и бормочет себе под нос. Может, он последнюю фразу произнес вслух. Ну, ничего. Кажется, пора на прием.

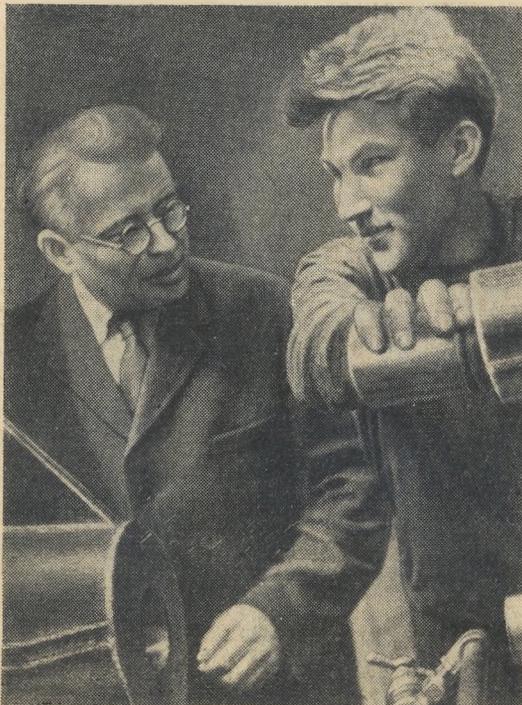
Из кабинета директора Николай Семенович вышел через час. Десяти минут не хватило.

От Уралмаша до Химмаша, в поселке которого живет Ходаковский, — путь немалый. Николай Семенович, как обычно, ехал домой через весь город, еще и еще раз прослеживая в памяти события сегодняшнего дня.

Как начиналась его биография? Слесарь учился и стал инженером. Ему доверяли сложные заказы, большие цеха — он выполнял заказы в срок, умело руководил людьми. На Уралмаше в тридцатые годы жил взахлеб — боролся, терпел неудачи, побеждал. Нет, нелёгко и тогда приходили победы.

Позднее уже я нашел в пожелтевшей подшивке «Уральского рабочего» номер, выпущенный 15 марта 1933 года. В нем — коротенькая заметка под заголовком: «Производительность увеличилась в 6 раз». Безымянный автор не поставил восклицательного

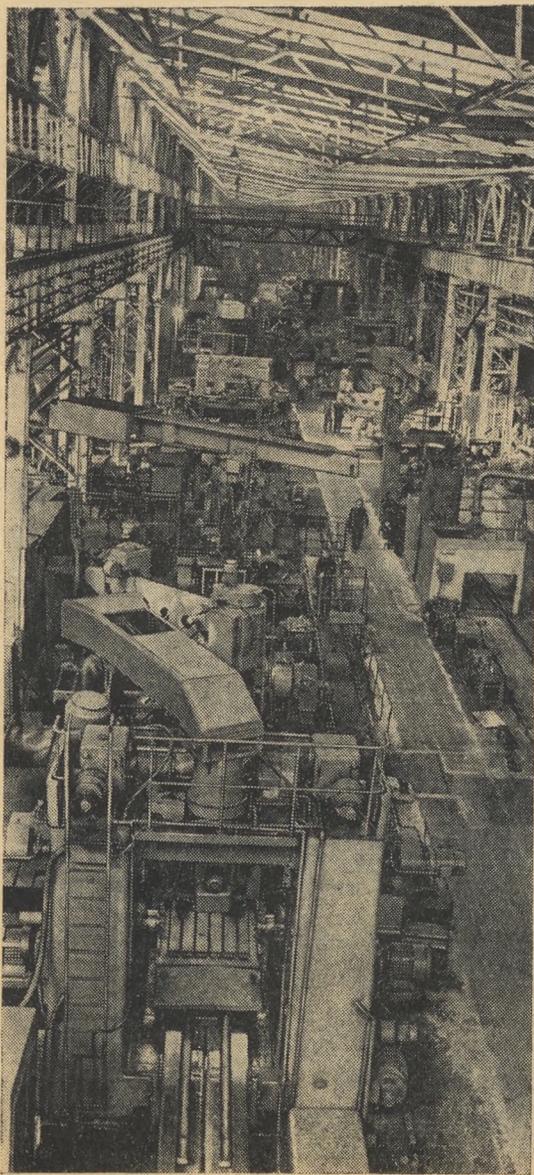
И. С. Ходаковский.

знака. Зря, дело-то было нешуточное даже по тем горячим временам первых пятилеток, когда, набирая знания, опыт, ударники штурмовали старые нормы. Заметка сообщала: «По инициативе механика механического цеха № 1 Уралмашзавода тов. Ходаковского применен новый метод конвейерной бесцентровой шлифовки тракторных пальцев на спаренном станке — шлифовальном и токарном, который увеличивает производительность в 6 раз. Вместо 200 штук тракторных пальцев, выпускавшихся в смену ранее, — при новом методе цех выпускает 1200».

Победы приходили к Ходаковскому еще не раз — успех любит одержимых и страст-

Это и есть поточная линия Ходаковского.

ных в работе! И когда перед войной ему предъявили нелепое, но расчетливо обдуманное обвинение, оторвали от семьи, дела, завода и послали строить на Севере, за Полярным кругом, огромный комбинат, он не прекращал борьбы. Только победы были теперь другими: приходилось побеждать самого себя, свои нервы, отчаяние, боль и разные сомнения, разъедающие силы. Не распускаться, просто жить, просто работать — там это было тоже подвигом и, наверное, не менее высоким.

Освобожденному, реабилитированному, ему предоставили пост главного технолога. Работа — не заскучаешь! А Ходаковский, просматривая чертежи молодых инженеров, вникая в их замыслы, споря или одобряя, невольно ловил себя на мысли, что он завидует авторам проектов, и ему самому хочется засесть за книги (столько нового! столько не прочитано!) и, может быть, потряхнуть старинной...

...Директор понял его сразу. Понял, заинтересовался и, упершись локтями в стол, не попросил, а потребовал: «Подробнее». Да, десяти минут им не хватило. Прощаясь, Виктор Васильевич сказал: «Верю в линию, в ваши спутники. Действуйте. Чуть что — ко мне. Считайте меня диспетчером этого дела».

«Верю...» Доброе это слово. Вспомнился директор, другой, не Виктор Васильевич. Тот возглавлял строящийся комбинат на Севере, за Полярным кругом. Старый коммунист, он на свой риск впервые поручил Ходаковскому — в то время заключенному — провести планерку вольных прорабов, начальников участков. «Верю я тебе, Ходаковский», — так сказал он тогда. Хорошее это слово — «верю»!

Директор завода обещание свое сдержал. Вскоре после памятной беседы Ходаковский читал приказ: создать... назначить... содействовать... «Спутники выходят на орбиту!» — остряли друзья. Но до орбиты было еще далеко.

Перед стартом

Есть такие должности: люди, занимающие их, — нарасхват нужны всем. Одна из таких должностей — заместитель начальника механического цеха по подготовке производства — выпала на долю Варганова. Хотя «выпала на долю» — это, пожалуй, не совсем верно, когда разговор идет о Варганове. Не такой он человек, чтобы смиренно принять «долю». В конструкторском отделе не усидел, вернулся, в конце концов, в цех «на свое место», как сам говорит. И вот Варганов всем нужен, у Варганова хлопот полон рот, его «рвут» на части, он проклинает и непорядки, и тех, «кто такую работу придумал», а бросить ее не может, не хочет!

Есть такие должности... И люди такие есть. Ходаковский, рассказав мне предысторию рождения поточной линии, посоветовал о дальнейшем разузнать у Варганова.

— Он умел в четыре часа ночи уйти домой, а утром в восемь — придти, как ни в чем не бывало, в цех... — В устах Ходаковского, который сам в горячие недели монтажа линии нередко оставался ночевать на заводе,

чтобы не тратить время на поездку домой, это звучало, как высшая похвала.

Ищу Варганова. Условились встретиться в 10.00 на участке поточной линии. Жду полчаса. Старший мастер участка Алексей Константинович Иванов — мужчина хмурый, неразговорчивый — скупое сочувствует мне, советует:

— Не ищи. За ним, длинноногим, не уговинишься. Сам подбежит. Раз договорились — не забудет.

Варганов «подбежал» минут через пять. Высокий, светлочубый, улыбчивый. Извинился за опоздание, заторопился снова: «Где бы нам местечко поудобнее выбрать для разговора?». Поспевать за его размашистым шагом действительно нелегко. Самым удобным местом, по мнению торопливого заместителя, оказалась кабинетик механика цеха. Кроме хозяина, в кабинетике было еще человека три, да поминутно хлопала дверь, впуская и выпуская слесарей.

Аркадий Иванович пробрался в самый дальний угол комнатухи, меня усадил напротив: «Здесь нам будет спокойно». Позднее я понял «военную хитрость» многоопытного зама: он просто-напросто отгородился мною, как стенкой, от посетителей, ото всех, кому нужен «во как!». А шум и разговоры других ему не мешали: Варганов, кроме умения мало спать и много работать, которое отметил в нем Ходаковский, обладал еще одним неоценимым качеством — мог сосредоточиться в любой невообразимой сутолоке.

— Крови пролили много, — сказал Варганов и улыбнулся. Без улыбки он не мог. Я вскоре это понял и перестал удивляться.

Объяснял-объяснял мне Аркадий Иванович сложнейшие головоломки и простейшие решения их: задним числом многое кажется таким простым! Даже рисовал на бумажке для пущей ясности. Наконец не выдержал:

— Идемте на участок. Там виднее.

Медленно шел вдоль линии, останавливался, напоминал:

— Вот люлька. Я рассказывал.

«Люлька» — установочная плита сверлильного станка — и впрямь чем-то напоминала детскую колыбель. Понянулись с ней — повторять не хочется. Начали монтировать — оказалось: не предусмотрен бак для слива эмульсии. Ругнули проектировщиков и стали искать выход. В бетоне этот бак устраивать долго, затянется дело. Да и эмульсия загрязняться будет. Цеховой механик предложил сделать бак прямо в плите.

Варганов взял в помощники себе сверловщика из первой смены. Рябокonia. Заработались, забыли про обед. Прикрепили металлический лист — получилось днище. Переглянулись: «Чем не мастера?»

Пришел Ходаковский. Осмотрел новинку, деловито спросил:

— А как отсеки между собой будут соединяться?

Замечание верное: эмульсия не может равномерно распределяться в баке, перегороденном сплошными ребрами. Над задачей бились втроем. Прикидывали и так, и эдак. Время шло. Варганов, глянув на серое небритое лицо Ходаковского, вдруг спросил:

— А сколько вам лет?

— Пятьдесят восемь, — машинально ответил тот. Потом удивился: — А причем тут мой возраст?

— Идите домой, отдохните.

— А вы?

— Мне тридцать пять.

То ли довод показался Ходаковскому веским, то ли он действительно почувствовал себя чертовски уставшим, но спорить не стал. Ушел.

Варганов поудобнее уселся, закурил и пристально уставился на немое чугунное тело «люльки». Оно вызывало у него явное чувство неприязни. Это было смешно — злиться на железо. И все же он злился. «Нет, так нельзя. Спокойнее, Аркадий Иванович, спокойнее. Возьми себя в руки...» Днем заедала текучка. А теперь можно пораскинуть мозгами. «Вот так, спокойно, не торопясь...».

Перегородки. Их трогать, конечно, нельзя. Но если расверлить ребра на перекрестках? Можно! Спокойно, не торопясь, Аркадий Иванович... Можно. Только разместить надо поточнее, чтобы попасть в «яблочко», не промазать...

Сверловщик, вышедший в третью смену, так и не поработал на своем станке: там хозяйничали Варганов и Рябокonia. Они расверливали ребра «люльки». Кончили за полночь.

Получилось удачно. Собрались домой. Варганов задержался у железного тела станда. Злополучная «люлька» лежала у его ног притихшая, покоренная. По крайней мере, ему так казалось. И вроде бы подмигивала всеми своими глазами-отверстиями. Он тоже подмигнул, вслух сказал:

— Смотришь? То-то. Еще говорить застави.

„Спутники“ — на орбите!

Митинга не было. Торжественных речей не держали. И никто под звуки духового оркестра не перерезал алую ленточку. Просто однажды, решив, что все уже готово, кто-то предложил:

— Попробуем?

— Давай.

И не дали. Спутник застрял под кожухом, на наклонных рельсах. Варганов, чертыхаясь, наклонился, примерился, а потом лег прямо в желоб, проложенный в бетонном полу, и начал, работая локтями, втискивать свое длинное тело в узкий, тесный тоннель. Спутник он протолкнул. Вылез сам, стал выпрямляться, вдруг охнул от резанувшей боли, схватился рукой за поясницу и снова присел. «Радикулит! Вот уж не ко времени».

Таким скрюченным и застал его Ходаковский. Узнав, в чем дело, разозлился:

— Допрыгался? Добегался? Все сам, вскуду сам...

— Вспотел, наверно. Ну, и продуло, — попробовал улыбнуться Варганов. — Сейчас пройдет.

— Сколько тебе лет? — хитровато прищурился Ходаковский.

— Тридцать пять. А вам сколько? — чувствуя подвох, ответил вопросом Варганов.

— Мне побольше. Но домой сегодня пойдешь ты. Отдыхай.

Аркадий Иванович нехотя двинулся к выходу. Не дойдя до дверей, обернулся:

— Серьезного там, на рельсах, ничего нет. Побегут спутники.

Ходаковский махнул рукой: «Ладно, ладно, без тебя разберемся». А в душе обрадовался словам Варганова. Рельсы и ему не дали покоя. Хитро он все-таки вывернулся из этой истории. Старый «друг» его, опасавшийся, что спутники, пущенные самокатом по наклонным рельсам, разнесут вдребезги цех и переломают рабочим ноги, добился своего, наложил запрет. Прокладывай рельсы горизонтально полу. И сослался на технику безопасности. Ходаковский решил не лезть напролом, а совершить обходной маневр. «Будь по-твоему», — согласился он. И по чертежам выходило, что рельсы лягут строго горизонтально. На деле они укладывались с уклоном.

Мы хорошо запомнили формулу: «Новое рождается в борьбе с трудностями». Мы даже привыкли к ней. Не раз и мне приходилось употреблять ее. Но только узнав об этом «обходном маневре» Ходаковского, я понял, насколько сложна и упорна «борьба с трудностями». Подписывая «правильные» чертежи и допуская на практике «ошибку», он хорошо понимал, что такое самоуправство может окончиться для него печально. Его могут обвинить в обмане, в нарушении правил техники безопасности, в техническом авантюризме, наконец. Но Ходаковский шел на все, твердо веря в свою правоту, в точность своего замысла. Ибо здесь были не риск, а расчеты.

Линию пустили. А Ходаковскому казалось, что все делается не так, как надо. На участок старшим мастером пришел хмурый, неразговорчивый Иванов. Посмотришь на его обиженное лицо и подумаешь: «Такой сам себя раз в году любит. До дела ли ему?» На станки поставили молодых — недавних подручных да выпускников технического училища... «Мальчишкам — новую технику!» — сокрушался Николай Семенович. Не обнадеживал и прогноз нормировщиков. После долгих расчетов они заявили: со станка в линии можно будет снимать по 5 корпусов в смену. Не больше.

Позднее, когда линия заработала на полную мощность, Ходаковский откровенно признался, что в «мальчишках» он счастливо ошибся. Пацаны опровергли прогноз нормировщиков и начали снимать со станка по 10—12 корпусов палет в смену вместо пяти, как предполагалось. И чем больше Николай Семенович присматривался теперь к «мальчишкам», тем больше проникался к ним каким-то теплым чувством.

Вон копошится на сборке Юра Левин. Тонкий, как свечка. Длинные волосы на голове сбились, перепутались. Говорят, мода сейчас такая. Впрочем, в эти минуты Юрке не до забот о своей прическе. Что-то, наверное, не клеится. Или придумал что-нибудь. Николай Семенович невольно ловит себя на мысли, что Юрка здорово похож на того далекого Кольку Ходаковского, на него самого. Может, прическа только другая, а повадка

та же: ищет, приглядывается, раздумывает. Правда, пока ничего выдающегося еще не изобрел. Но это — дело времени. Удалось же его дружку Сашке Лыкову удивить и мастера, и технологов. Он, Сашка, на сверловке стоит. Чуть не плакал парнишка, когда сверла у него ломались. Да и не у него одного. Отверстие большое проходить надо, а на выходе уступ. Как только сверло упрется в него — «кряк!», и готово. Сашка предложил простой, но надежный способ. Стали сначала выбирать этот проклятый уступ, а потом уже сверлить. Инструмент теперь не ломается. Башковитые сорванцы!

А в Юре Левине тот, юный Колька Ходаковский, повторяется не только, да и, пожалуй, не столько внешне, сколько всем душевным настроением. То, что быстро освоился и хорошо или, как говорит мастер Золотницкий, красиво работает, — тоже не главное сходство. Важнее в нем такая неутомимая творческая струнка. Не всякий сразу услышит ее в человеке. К тому же, еще и звучит она пока еще не в полную силу. Но Николай Семенович ее слышит. Слышит и радуется. Вот, скажем, пришли на участок ребяташки из школы, на учебную практику. Юра вмиг посерьезнел, — будто не восемнадцать ему, а двадцать с гаком, — и давай объяснять, показывать новичкам, что к чему, как «дюбель» от «гребешка» отличить. Он и сам учебу не бросает. Пришел на завод прямо после восьмилетки, сейчас в десятом, нацелился на институт.

Смотрит Ходаковский на ребят и, откровенно говоря, завидует:

— Мне бы их годы, чтобы выполнить все задуманное.

А может быть, и не надо, Николай Семенович, грустить. Додумают, доделают «мальчишки» в промасленных спецовках, с модными смешными прическами.

* * *

Организация нового участка позволила заводу сэкономить в год 29 187 нормо-часов или 61 000 рублей.

Когда я знакомился с историей создания новой поточной линии, на языке у меня все время вертелся вопрос. Приберег я его к концу. Не задать не мог. Да и какой журналист удержался бы от соблазна.

— Николай Семенович, — спросил я, — что общего между вашими земными спутниками и теми? — ткнул я пальцем в потолок.

Наверное, не я первый задавал ему такой вопрос. Уж очень явно напрашивалось соблазнительное сопоставление.

— Ничего общего между земными и небесными спутниками нет, — разочаровал меня Николай Семенович. — Если не считать совпадения в названии. Спутники земные появились лет 17—19 назад. На автоматических линиях... Нет, ничего общего.

И все-таки я утверждаю, что общее у земных и небесных спутников есть! Мы не знаем тех, кто запускал лаборатории в космос, но мне кажется, что они очень похожи на Ходаковского и его друзей.

Н. ШИРОКОВ,
Уралмашзавод

У МОСКОВСКОЙ ЗАСТАВЫ

Вести о февральских событиях 1917 года в Петрограде дошли до столицы Урала быстро. И в эти же дни в помещении Екатеринбургского общества потребителей по улице Уктусской (теперь улица 8 Марта) состоялось первое открытое собрание местной организации РСДРП. Было решено идти на фабрики и заводы, а затем двинуться к тюрьме, чтобы освободить политических заключенных.

15 марта (по новому стилю) в оперном театре в торжественной обстановке члены РСДРП и сочувствующие открытым голосованием избрали партийный комитет во главе с Иваном Михайловичем Малышевым. Комитет вынес решение: провести на всех площадях города митинги.

На фотографии, сохранившейся от тех времен, запечатлена демонстрация екатеринбургских солдат и рабочих около Московской заставы. «Граждане солдаты и рабочие, объединяйтесь!» — написано на одном из транспарантов.

Корреспондент нашего жур-

нала Иван Тюфяков вновь сфотографировал это место через сорок восемь лет. Вот как выглядит сейчас бывшая Московская застава, названная в сегодняшнем Свердловске площадью Уральских Коммунаров.

ДОБРЫЕ РУКИ

В. Стариков

Рассказ

Однажды мы, мальчишки, забрались в лесную чащу. Стоял знойный день, мы устали и хотели пить. Вдруг с высокого холма в дубовой роще послышалось журчание родника. Он выбивался среди корней могучих деревьев с широкими кронами. Вокруг росла высокая трава, цвели незабудки. Они ленточкой спускались вдоль русла к подножью, словно указывая роднику путь.

Мы припали к этой воде и долго не могли напиться. Ах, какая это была вода!

Потом мы пошли вслед за ручьем, и он привел нас в густые заросли смородины, унизанной черными и крупными, как вороний глаз, ягодами. Набрав ягод, мы опять поднялись к дубам и долго валялись в тени, слушая жужжание шмелей, пересвист лесных птиц.

Другой склон холма был почти совершенно голый. Хотя и тут росли деревья, пробивалась трава, но как хилы были эти дубки и липки, лишенные влаги, беззащитные перед солнцем!

— Давайте повернем ручей! — предложил кто-то из товарищей.

Мигом закипела работа. Трудились мы добросовестно, не жалея рук. Мы

расковыривали сухую землю рогами сучьями, выгребали ее ладонями. Часа через два несколько метров нового русла были готовы. Наступил торжественный момент перекрытия. Глиной мы начали забивать старый путь родника. На какое-то мгновение таинственный ключ, выбивавшийся из земли на вершине холма, словно взбунтовался. Нам даже показалось, что он стал бить сильнее, стараясь уничтожить нашу работу, размыть и снести перемычку. Мы ждали, что же получится из нашей затеи.

Но вот сперва маленькая струйка потекла по новому ложу, она пенилась все сильнее, и вскоре ручей побежал по другому, опаленному солнцем склону.

Веселые, торжествующие, мы шли в голове, помогая роднику преодолевать препятствия, срывая мешающие холмики, углубляя русло. Ручей, подчинившийся мальчишкам, набирал и набирал силы. Мы проводили его до холма и посмотрели, как дальше он сам выбирает себе дорогу, заполняя низинки, и, казалось, все торопливо углубляется в чащу.

Солнце склонялось к западу. Мы тронулись в обратный далекий путь,

Дорогой разговорились о том, что же теперь станет с той стороной холма, которую мы лишили воды. Засохнет все и погибнет? Признаться, мы даже пожалели, что легкомысленно вмешались в установившиеся порядки и, возможно, погубили хороший уголок нашего леса.

Маленький этот случай, наверное, не оставил бы никакого следа, если бы через десять лет не произошла новая встреча с родником.

Уже взрослые, мы как-то в летний месяц разом съехались домой. Затеяли, как в детстве, дальний поход в леса. И опять долго шли лесными тропами, вспоминая давние годы, опять истомил нас зной, опять мы мечтали о глотке холодной воды и опять наткнулись на журчащий родник.

Как в детстве, мы припали к холодной чистой воде. Потом долго отдыхали в тени деревьев.

— Не узнаете? — спросил кто-то из нас. — Наше место.

— Верно, — подтвердил другой. — Помните, родник в другую сторону повернули?

Действительно, это было наше место. Как же все тут по-хорошему измени-

лось! Не удивительно, что сразу мы не узнали «своего» холма.

Родник принял наше русло.

Его приняла и земля. За десять лет все тут переменялось. На месте чахлых полудеревьев стояли могучие стволы, не хуже своих собратьев по другую сторону холма. Высокая трава покрывала некогда голый склон, укрывая воду от жаркого солнца, оберегая ее для других деревьев. В густой траве путались ноги. Внизу разрослись кусты смородины.

Удивительные перемены за такое короткое время!

Самое радостное для нас заключалось в том, что другой склон холма, лишенный нами избытка воды, ничуть не пострадал. Окрепшие сильные деревья тут сами добывали себе воду из земли, поддерживали тенью зелень травы и кустарников. Нет, лесная жизнь тут не нарушилась. Трава и здесь была так же сочна, густа и пестрела цветами.

Тогда впервые шевельнулась мысль, как много может сделать человек, поступаая разумно, помогая природе, не нарушая мудрых законов жизни.

Мы тут были не разрушителями, а созидателями.

ХЛЕБ

Вл. ПЕТРОВ,
геолог

Вы ели когда-нибудь хлеб с солью,
Запивали его водой родниковой?..
Разувшись, раскинешь уставшие ноги,
Ляжешь спиною в колени березы
И дремлешь, глаза полузакрыв.
Листва разнозвучно шепчет в уши,
Ветер вспотевшую грудь ласкает,
И где-то поблизости будит ромашку
Шмель добродушным гудом.
Ромашка жарится, как глазунья,
Под знойным, распаренным солнцем.
А шмель лохматый, как медвежонок,
Трудится, трудится неуклюже,
Выпачкав лапки в пыльце цветочной...
Я отрезаю ломоть хлеба,
Толстый ломоть, ржаной, душистый,

И крепко солю его крупной солью
Задубевшими руками.

Потом, на живот перевернувшись,
Ловлю обветренными губами
Студеную струйку ручья лесного.
А после вкусно и аппетитно
Впиваюсь яростными зубами
В ядреную мяготь податливую...
Вы ели когда-нибудь хлеб с солью,
Запивая его водой родниковой?
Не ели?

Попробуйте.

Очень вкусно!

КОМИССАР ОСОБОЙ

Сергей НЕУСТРОЕВ

Весной 1912 года пермские железнодорожники выступили с протестом против расправы царских палачей над рабочими Лены. Одним из организаторов этого выступления был сын кизеловского кузнеца двадцатилетний слесарь депо станции Пермь II Михаил Николаевич Миков. Полиция установила слежку за молодым рабочим. Михаил вынужден был переехать в Москву. Здесь по поручению партийной организации он работал в профессиональном союзе металлостроителей, прошел замечательную школу агитатора и руководителя.

После Февральской революции Миков вернулся на Урал, принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти в Кизеле и Соликамске, работал председателем Кизеловского Совета.

В июле 1918 года на V Всероссийском съезде Советов посланец кизеловских шахтеров Михаил Николаевич Миков вместе с другими делегатами съезда принимал первую Конституцию Советского государства, разработанную под руководством Владимира Ильича Ленина.

Прямо с заседания делегаты ушли на подавление контрреволюционного мятежа левых эсеров.

Зимой 1919 года части Красной Армии готовились к разгрому Колчака. Тогда же была сформирована Особая бригада.

...Васильев, назначенный командиром бригады, вошел в помещение штаба. Навстречу ему поднялся стройный молодой человек в красиво заломленной папаче.

— Военком Миков.

Комбриг, пожимая комиссару руку, задержал взгляд на его энергичном обветренном лице. Михаил обстоятельно доложил Васильеву о том, что сделано, рассказал о нуждах и интересах бойцов. «По всему видно, толковый у меня комиссар,— отметил про себя комбриг.— С таким работать можно».

В середине февраля Особая бригада отправилась на фронт. Бойцы любили своего комиссара, который всегда был там, где особенно трудно:

Однажды 22-му Кизеловскому и 61-му Рыбинскому полкам командование поставило задачу ударить на Залазникский завод и село Красноглинье и выйти к реке. Предстояло преодолеть три линии вражеских окопов и водный рубеж. Миков сам повел Рыбинский полк в атаку.

Противник был разбит и бежал.

Комиссар придирчиво относился к подбору агитаторов и политработников, выдвигал на эти

посты безаветно преданных революции людей. «Работников политотдела,— писал он в штаб армии,— подбираем осторожно. Неподходящих выметаем... Агитаторов готовим самым решительным образом».

Комиссары полков в Особой бригаде утверждались только после того, как бойцы хорошо узнавали их в бою.

Как-то в бригаду пришло пополнение. Агитаторы маршевых рот, согласно установившемуся обычаю, сразу же собрались обратно.

— Это что за порядок?! — возмутился Миков.— Пойдете в бой со своими ротами. Слово большевистского агитатора не должно расходиться с делом.

Военному Совету армии полетела депеша: «Присланные вами агитаторы возвращаются обратно, что крайне нежелательно и служит разиюжению масс красноармейцев, каковые видят, что дорогой и в тылу агитируют, а затем уезжают от частей. Считая это явление ненормальным, взял на себя ответственность перед Реввоенсоветом — оставил их при частях бригады».

Красная Армия успешно продвигалась вперед.

Вскоре Миков, избранный в Пермский губернский ревком, был отозван из армии и направлен в Кизел.

— Невероятно трудное было время,— вспоминает Михаил Николаевич.— Шахты затоплены водой, шахтеры голодали. Стране нужен был уголь, а чтобы добыть его, надо было накормить людей. Но чем? И тут по распоряжению Владимира Ильича Ленина в Кизел пришло несколько вагонов хлеба. Целое богатство!

Шахтеры, воодушевленные заботой Ильича, выдавали на-гора все больше и больше угля.

В 1920 году кизеловцы послали Михаила Николаевича на Первый Всероссийский съезд союза горнорабочих, где он был избран в Центральный Комитет союза.

В Союзе горнорабочих Миков руководил культотделом и редактировал журнал «Горнорабочий», для которого писал и рисовал В. В. Маяковский.

Сейчас член Коммунистической партии с 1911 года Михаил Николаевич Миков — пенсионер, живет в Свердловске.

В Свердловске на улице Красногвардейской живет старейший рабочий Уралмашзавода Иван Егорович Зарецкий. Замечательную жизнь прожил он: по сигналу крейсера «Аврора» штурмовал Зимний, бился с белогвардейцами на фронтах гражданской войны, строил новые заводы и города.

Недавно Иван Егорович Зарецкий передал в пионерский музей имени Николая Островского вот этот документ, выданный ему в первый день Советской власти. На красном картоне написано: «Билет № 241 выдан члену Совета Ивану Зарецкому, третьего пехотинского запасного полка». Дата — 25 октября 1917 года. И печать: «Петроградский Совет крестьянских депутатов».

Л. КЕККЕЛЕВ

Сладкое озеро

Сотни озер в Челябинской области, и каждое чем-нибудь знаменито. Из легенд и преданий, связанных с ними, можно составить интересную книгу. Но я расскажу следопытам лишь об одном озере — Сладком.

Находится оно в Октябрьском районе. Конечно, вы сразу подумали, что вода в озере сладкая, что зачерпни котелок, вскипяти на походном костре, завари покрепче — и пей себе на здоровье!

На самом же деле вода в Сладком — горько-соленая. Нет в нем ни водорослей, ни рыбы. Даже птицы не гнездятся в густых прибрежных камышах.

Местные жители гордятся «своим озером». В нем, говорят, можно выстирать без мыла самую грязную одежду. Любые пятна (будь то масло или мазут) исчезают бесследно. Говорят, что вода озера Сладкого обладает целебной силой: заживляет раны и язвы, излечивает ревматизм.

А название, рассказывают, дал озеру Емельян Пугачев. Расположившись он однажды со своими полками на отдых у безымянного озера, купал любимого боевого коня и, поцеловав его, сказал: «Ох ты, мой сладкий Пегаш!» С тех пор и стали называть озеро Сладким.

На самом же деле щелочная вода озера, содержащая растворенную соду, придает на какой-то миг ощущение сладковатости вкуса.

Н. ШУВАЛОВ

Чудесная смола

Сколько неприятностей иногда доставляет нам полированная мебель. Прикоснешься чем-нибудь горячим, или брызнешь водой на гладкую поверхность — и появляется пятно, которое ничем не смоешь. А при перевозке не убежишь, стукнешь обо что-то — опять вещь испорчена.

На фабриках, когда лакируют столы, шифоньеры и серванты, тоже возникает много трудностей. Мебель, покрытую лаком, помещают для просушки в специальные камеры с очень высокой температурой. Камеры эти такие огромные, что не всегда возможно установить в них равномерную температуру. Поэтому лак порой оказывается непрочным.

А теперь представьте: поставишь горячий чайник на полированный стол, а он как новый; влажной тряпкой пыль сотрешь — никаких следов.

Скоро будет такая мебель.

В лаборатории химии высокомолекулярных соединений института химии УФАНа получен новый вид полиэфирной смолы. На основе ее созданы лаки, которые испытываются в настоящее время на мебельных фабриках.

Ведется работа по пропитке этой смолой различных стекловолоконистых материалов. Полученные таким образом стеклопластики приобретают новые свойства, становятся прекрасным конструкционным материалом. Вагоны и корабли, самолеты и станки, мосты и телевизионные башни, построенные из него, будут крепкими, легкими и долговечными.

Э. ФИЛИПОВА

„НАГРАЖДАЮТСЯ ПОСМЕРТНО“

Владимир ЕРЕМЕНКО

Небольшую комнату райвоенкомата заполнили лесорубы Афанасьевского леспромхоза — кряжистый, веселый народ.

— Проходите, размещайтесь, товарищи,— приглашает подтянутый, торжественный военком.— Мы пригласили вас, чтобы вручить вашему бригадиру товарищу Унжакову Геннадию Афанасьевичу орден Красного Знамени.— И военком зачитывает приказ войскам фронта от 2 октября 1942 года.

Унжаков смотрит в широкое лицо военкома, но до него доходят лишь обрывки фраз: «Они повторили подвиг панфиловцев... Шестнадцать героев три дня удерживали высоту... За ними была Волга... Они не отступили и все погибли... За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаются посмертно...»

В числе шестнадцати погибших героев значился и красноармеец Унжаков. На высоте у хутора Дубового Волгоградской области, где шел бой, был поставлен памятник.

...Геннадий Унжаков неподвижно лежал на искромсанной земле среди обгоревших вражеских танков. Ночью он очнулся. Казалось, все тело было налито свинцом. Хотелось пить. Унжаков приподнялся и медленно пополз...

Как это произошло? Днем взвод достиг высоты хутора Дубового. Командир младший лейтенант Василий Кочетков, осмотревшись, сказал:

— Вот тут, ребята, и будет наша позиция. Ройте окопы в полный профиль.— И, немного помолчав, добавил: — Соседей у нас — ни слева, ни справа.

Едва успели окопаться, как из лощины донесся шум. Все шестнадцать быстро заняли места. Рядом с Унжаковым расположились земляки — свердловчане: с одной стороны Михаил Степаненко, с другой Иван Федосимов и Алексей Двоеглазов.

Гитлеровцы шли в полный рост, не

ожидавая засады. Унжаков видел, как Кочетков схватил за руку лежавшего за пулеметом Владимира Меркурьева. С каждой секундой напряжение нарастало. Когда воздух рванула пулеметная очередь, почти одновременно раздался сухой треск автоматов и захлопали одиночные выстрелы. Схватка была короткой. Оставляя убитых и раненых, немцы откатились в лощину.

— Сейчас полезут снова! — крикнул Кочетков.— Готовьтесь к встрече!

Фашисты двигались с флангов.

— Не меньше роты,— определил Унжаков.

Горстка солдат, засевших на высоте, отбила несколько ожесточенных атак.

Ночь прошла в тревожном ожидании. На рассвете послышался гул танков. Они прорвались к окопам. Бойцы взялись за гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Две стальные громадины окутались черным дымом, остальные повернули назад. Потом все смешалось. Черная пелена дыма стлалась по земле, было трудно дышать. А на высоту все лезли и лезли пехота и танки. Погиб командир отделения Иван Касьянов, не стало Алексея Двоеглазова.

Раненый Кочетков опирался на плечо Меркурьева, держа наготове связку гранат. Когда началась новая атака, он крикнул: «Не посрашим комсомольского звания, друзья!» — и бросился навстречу танку. Унжаков приготовился к встрече второго рычащего чудовища. Перед глазами вспыхнул огненный столб. Сознание померкло...

Кроме Геннадия Афанасьевича Унжакова, в живых остался и солдат Павел Александрович Бурдин. Его тоже считали убитым. Но Бурдин был тяжело ранен. Придя в сознание, он выбрался из полуразрушенного окопа и пополз к оврагу. Здесь его подобрала наша санитары. Павел Александрович работает мастером на Очерском машиностроительном заводе в Пермской области. Ему, так же как и Унжакову, вручен орден Красного Знамени.

Трудно найти человека, который бы не читал знаменитого «Конька-Горбунка». Более чем сто лет живет эта занимательная и остроумная поэма-сказка. Ее высоко оценили современники, горячо одобрил А. С. Пушкин, она восхищает и поныне — и прежде всего юных читателей.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения автора «Конька-Горбунка» Петра Павловича Ершова, и мы попросили московского литератора Виктора Уткова дать журналу главу из его готовящейся к печати книги о П. Ершове.

РЫБЬЕ ЦАРСТВО

Виктор УТКОВ

Рисунки М. Брусиловского

1.

Позади остался стольный град Сибири — Тобольск с его белостенным Кремлем на горе Алафейской. Мимо проплывают тихие берега реки. Правый, на десятки саженей взметнувшийся к небу, — Иртышская гора, как называют ее рулевой дощаника, доверенный купца Нижегородцева Демьян Бронников, тобольский житель. Порос берег могучей тайгой. Плывут мимо великаны-кедры, островерхие пихты-красавицы, кражистые сосны, напоминающие древних старцев, темные елочки-монашки... Редко-редко мелькнет в хвое белый ствол березки, ее нежная зелень. Левый берег — широкая пойма, с озерами, болотами, буйными травами, густо населенными дичью; за ним синее на горизонте, то приближаясь, то исчезая, Полуденная гора — левый коренной берег Иртыша...

Чем дальше на север, тем все меньше встречается сел, тем все полноводнее Иртыш и глуще его берега, тем обильнее воды и леса.

Тихими вечерами видит Петя, как выпрыгивают из воды, гоняясь за рыбой, щуки, как низко над водой, почти задевая ее острыми крыльями, проносятся косяки уток, пролетают над поймой гуси, отяжелевшие за лето, слышит крик лебедей, посвист куличков, зловещий голос выпи — водяного быка...

От устья Конды, чьи темные воды долго текли, не смешиваясь с желтой водой Иртыша, дощаник уже не останавливался по ночам, которые с каждым сутками становились все длиннее, а продолжал свой путь в темноте. На носу зажигали костер, и лодка плыла по черной воде в багровом круге трепетного света...

Как-то заглянул Петя через борт на освещенную воду и замер. Свет пронизывал глубину, и в текучих струях мальчик увидел мелькание каких-то живых тел, затейливую игру красок, блеск серебра...

Вот промелькнула, блестя чешуей, стайка чебаков. Не успели они скрыться за пределами светлого круга, как темная зеленоватая разбойница-щука молнией пронизала воду, и чебачки

рассыпались, словно горсть серебра из ладони, и исчезли... Важно, еле шевеля плавниками, проплыл осетр. Петя ясно различил его зубчатый, как пила, хребет. На смену ему, играя и резвясь, возникла из темноты стайка франтоватых окуней; их красные плавники вспыхивали в воде, словно язычки пламени... Еле уловимо для глаза пронеслись остроносые, похожие на веретено, стерлядки. Они скрылись в темноте так же неуловимо, как и появились...

Иногда в свете костра возникали очертания чудовищных, искривленных рук, тянущихся к поверхности из непроницаемой глубины, или смутно виднелись какие-то кражистые тела, покрытые, как волосами, водяными травами... И, хотя Петя догадывался, что это всего лишь затонувшие коряги, все же озноб пробегал по спине, и мальчик, крепко вцепившись руками в борт, похолодев от волнения, пристально вглядывался в светлую воду, и сказочный подводный мир казался ему таким доступным, что думалось: стоит только соскользнуть вниз, как и он тоже легко и свободно заскользит в воде... Недаром у него фамилия Ершов — он тоже из рыбьей

породы, а ерш — не последняя персона в подводном царстве: Ерш — забияка, Ерш Ершович сын Щетинкин, — вспоминалось ему из сказок Марфы... Петя с трудом отрывался от волшебных картин и, подняв голову, возвращался в реальный мир. Он видел трепетный круг от контра, за пределами которого стояла непроглядная темень ночи, слышал журчание воды, плеск рулевого весла, которым управлял Демьян.. Привычные звуки успокаивали, и он снова начал смотреть вниз, в таинственный и безмолвный подводный мир...

Погожим теплым днем приплыли в Самарово, старинное русское село вблизи устья Иртыша. Здесь Ершовы прожили несколько дней, отец по поручению губернатора знакомился с казенными хлебными магазинами. Демьян помогал ему. Петя проскучал эти дни и был рад, когда дощаник отправился дальше. Было это поздно вечером, когда Петя уже ложился спать. Он быстро уснул, убаюкиваемый плеском воды.

Утром вылез из своего убежища на корме, под навесом, и, пораженный, замер. Мимо проплывала высоченная береговая гора, поросшая лесом. Потом гора крутым утесом оборвалась в воду, левый берег ушел куда-то вдаль, и перед дощаником открылась необозримая водная равнина. Ей, казалось, не было конца-края, лишь очень далеко, там, где небо сходилась с землей, угадывалась какая-то темная неясная полоска.

— Что это? — спросил Петя у Демьяна.

— Обь-матушка... Теперь до самого Березова-городка по ней пойдём. Чисто море, не дай бог ветер! Страх, что тогда делается... Залютует Обской старик — пощады не жди!

— Какой старик?

— Остяцкий бог. Обью он владеет и рыбой всякой в ней...

— А какой он?

— Страховидный, висо-о-кий, с рогами, да с жестяным клювом и стеклянными глазами. — Демьян надвинул на лоб поярковою шляпу и, надув щеки, сделал страшное лицо.

— Ну уж, — недоверчиво сказал мальчик.

— Сам не видал, люди говорили... — Демьян подмигнул Пете. — Сейчас обской старик на Конде живет... Сжечь его Филофей хотел, ну на Конду он в леса и переселился...

— Филофей?

Демьян мельком взглянул на Петю и снова подмигнул.

— А то не знаешь! Митрополит... Лет сто назад это было. Только сожгли тогда не старика, а бревно. Глаза им старик отвел, а сам на Конду уплыл и оттуда распоряжается своим царством. В Затуманьи... И Медный Гусь с ним... Остяцкий боготворимый истукан. Птицу охотникам загоняет...

Ровно падали в тихую воду весла. Гребцы с силой откидывались назад, и лодка, раздвигая воду, шла вперед. Огромная водная гладь растянулась перед Петей, противоположный берег, горный и лесистый, все яснее вырисовывался впереди. Пете уже казалось, что из того вон оврага, черной щелью выходившего к реке, вот-вот выскочит железноклювый огромный старик и спросит у него, зачем он едет на север, что ему нужно здесь, на Оби... Тогда Петя скажет ему, что он не боится железноклювого, и Обской старик найдет старшую бурю, но они смело поплывут вперед, не страшась ни бури, ни Обского старика...

Обь встретила путешественников тихими и

почти по-летнему теплыми днями. Залитые поздним августовским солнцем берега медленно проплывали мимо, а река была, как зеркало: ни одной морщинки не бороздило ее могучую грудь. Вести лодку было легко, и Демьян целыми днями лежал на корме, ничего не делая, лишь изредка направлял дощаник на струю, чтобы движение его было быстрее, да покрикивал на гребцов. Петя, пристроившись с ним рядом, любил следить за медлительным бегом берегов, за сменой картин, за отражениями облаков в текучей воде, и порой казалось ему, что лодка стоит на месте, а лесистые берега относятся какой-то неведомой могучей силой назад. Демьян посапывал трубочкой-носогрейкой и внимательными глазами посматривал вокруг. Он был, что называется, человеком «себе на уме», говорил скупо и часто насмешливо, очень любил поговорки, пословицы и загадки. Появятся комары, и Демьян, сощурившись, посмотрит на Петю, пыхнет трубочкой, подмигнет и скажет: — А ну-ка, Ершович, что это такое: летит птица, нос долгов, голос звонок и кричит: была я у царя в Москве, у короля в Литве. Цари меня боялись, в палаты запирались. Только не ела я рыбы в море, птицы в большой воле... Кто эту птицу убьет, тот свою кровь прольет...

Петя, который только что раздавил напившегося кровью комара на руке, сразу понимал, о чем говорит Демьян, но, уловив игру, делал вид, что не может отгадать; а если здесь были Марфа или Коля, нарочно называл имена разных птиц и, подмигивая Демьяну, смеялся вместе с ним над нелепостью отгадок и, лишь улучив момент, когда Коля совсем уже терял надежду на то, что отгадает загадку, выпаливал:

— Комар! — и наслаждался эффектом. А Демьян кивал и тоже, играя свою роль, говорил с восхищением:

— Чисто дело! Комар!.. А вот еще... — И тут он скороговоркой проговаривал: — Четыре стукоты, четыре громоты, два коктырка, два моктырка, да еще коктырек, да еще моктырек... Что это?

Сама загадка, ее звучание доставляли удовольствие Демьяну, и он так артистически произносил ее, что только глухой не мог услышать в звуках скороговорки грохот телеги по сухой дороге. Красное словцо Демьян всегда имел про запас. Варит, например кашу, вместе с Марфой, видит, как она засыпает в котел соль, и тут же готова присказка-загадка:

— Из воды родится, а воды боится...

Скажет так, пыхнет трубочкой и между делом поведает Пете, как ходил на Ямыш-озеро, что лежит по Иртышу южнее Омска в степях, за солью для купца Плеханова. И по его рассказу выходит, что соль-то на Ямыш-озере хороша — и бела-то и солоната, а вот Плеханов-купец, тобольский рыбопромышленник, человек чистый поганый, на обмане барыши зарабатывает.

Скажет так, пыхнет трубочкой и замолчит...

Петя оказался мастаком отгадывать загадки Демьяна и любил слушать его побасенки. Невольно начал он подражать рулевому и сам так же, как Демьян, стал сыпать прибаутками в стихах. Получалось у него это порой ловко, так, что Демьян одобрительно кивал и отвечал мальчику новой прибауткой.

Словом, плыл Петя по Оби пока весело, и родители его были рады, что он занят и не беспокоит их. Ефимия Васильевна и Павел Алексеевич в дороге больше спали, живописные берега

Иртыша и Оби их мало трогали, а прибайтки Демьяна были им неинтересны.

В конце августа Ершовы приплыли в старинное село Кондинское. Оно стояло на правом берегу Оби. Снизу на высокий мыс вела крутая лестница. Она поднималась к древней церкви, что далеко была видна с реки,— Кондинский монастырь. Ефимия Васильевича все сокрушалась, что не сможет подняться вверх и поклониться монастырской святине — иконе, подаренной еще Екатериной II. Но монахи сами спустились к дощанику, едва только он пристал к берегу. Монахи были упитанные, рослые, в грязных засаленных подрясниках. Они взяли с дощаника дань — с Ершовых деньгами, которые Ефимия Васильевна отдала охотно и с благоговением, попросив монахов помолиться о благополучном окончании путешествия. Демьян, ругаясь, отсыпал монахам муки и соли из запасов хозяина...

После недолгой остановки Ершовы поспешили дальше. Приближалось осеннее время, а с ним ветра и дожди.

Молитва монахов не помогла. Близ Перегребного мыса, там, где река разделяется на два рукава — Большую и Малую Обь — ударил северный ветер, река забушевала саженными волнами. Небо затянуло низкими тучами, все потускнело, сразу же стало холодно, неудобно. Переправляться в такую непогоду через Обь было опасно, пришлось переждать непогоду. Демьян причалил к высокому мысу, за которым ветер был потише, и семья Ершовых расположилась под крутояром.

Потянулись тоскливые дни выжидания. Через три дня ветер разогнал тучи, вновь проглянуло солнце, а затем и ветер стал спадать. Но по Оби все еще ходили свинцовые волны, а воздух был холоден, словно буйным ветром унесло остатки лета...

Утром на четвертый день Демьян, видя, что ребята заскучали, попросил разрешения взять их с собой за сухим плавником.

Они пошли по бичевнику берега, собирая в кучки сухие ветки, обломки деревьев, чтобы потом, на обратном пути, перетаскать их к костру. Однообразно плескались волны. Вдали виднелась необозримая водная равнина, все еще не успокоившаяся после бури.

Когда они зашли за мыс, то увидели в версте впереди по берегу, на песчаной отмели, три островных шалаша, около которых висели сети на длинных жердях и бродили собаки. Из шалашей лениво выползал сизый дымок.

— Эге! — сказал Демьян, останавливаясь. — Стало быть, песок, а мы и не ведали! За рыбой, однако, надо сбегать...

2.

Петя сразу заметил, как построены летние чумы ханты-рыбаков: жерди связаны, нижние концы воткнуты в песок, а весь этот остов покрыт старой, задымленной и много раз залатанной берестой. Рядом с чумами виднелись навесы, под которыми на длинных гибких жердях вялилась рыба. Берег был замусорен чешуей и высохшими рыбьими головами, в воздухе стоял острый запах той же рыбы. Несколько собак лениво слонялись вокруг чумов...

Ребята, одетые в широкие балахоны, из которых торчали их черноволосяные головенки, уви-

дев, что к чумам приближаются какие-то люди, бросили игру и побежали к берегу. А лодки были разные, одна из них, самая большая, — тоболка, остальные — обласки. Трудно было представить, как на таких утлых суденышках можно плавать по могучей Оби...

От лодок отделился невысокий седой человек, одетый в такой же, как и у детей, балахон,

низко подпоясанный ремнем. Он подошел к Демьяну и поздоровался. Седой был скуласт, узкоглаз, и волосы его были заплетены в косичку.

Не спеша подошли остальные четверо мужчин, из чума вышел шестой — согнутый годами старик с красными, воспаленными от дыма или болезни глазами. Редкая седая борода, в которой, кажется, каждый волосок был отделен от другого, лежала у него на груди. Из дверей чумов выглядывали женщины, а детишки стояли поодаль, готовые при первой опасности убежать...

Демьян присел на бревно, вытащил кiset. В то же мгновение к нему протянулось пять рук. Демьян угостил всех табачком, и несколько минут все сидели молча, посапывая маленькими, из березового корня сделанными трубочками. Потом Демьян не спеша выколотил трубку о бревно и спросил, как ловится рыба. Ханты скупно ответили. Седой ханты, который, вероятно, был старшим на стойбище, осторожно задал вопрос Демьяну, кто он и куда плывет. Когда Демьян сказал, что дощаник принадлежит Нижегородцеву, ханты оживленно заговорили между собой на своем языке, а седой сказал Демьяну:

— Добрый человек твой хозяин, хороший человек! Помогал нам зимой, когда голод был, в Сугмут-воже помогал...

— Известно, не чета Плеханову, — с достоинством сказал Демьян. — Александр Иванович человек понимающий!..

— Плехан — худо! Шибко худо! Черный человек Плеханов! — согласно сказали ханты.

Потом разговор опять перешел на рыбу, и ханты сказали, что скоро они уходить с реки будут.

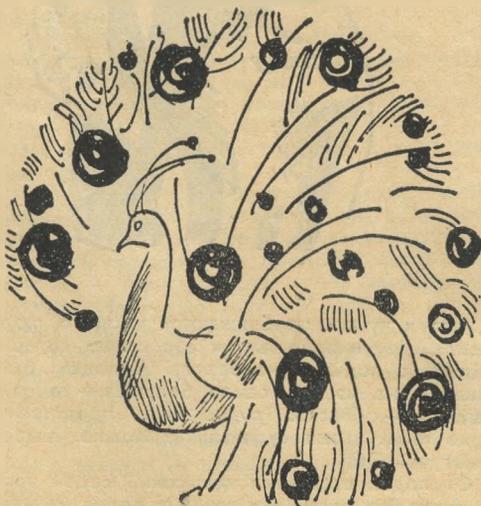
— Тебе тоже скоро ехать надо, к новой луне снег пойдет, холодно станет, ветер будет! — сказал старик. — Шибко ехать надо!

— Дня три еще постоит погода? — спросил Демьян.

Ханты внимательно посмотрели на небо, на далекий горизонт, очистившийся от туч на севере, необычайно ясный, словно замороженный.

— Однако постоит...

— Они, Петя, погоду знают, — сказал Демьян,

увидев, что мальчик внимательно следит за разговором. — Верить им можно... Завтра выезжать будем. Вот что, друг, — обратился он к старику, — рыбкой разжиться у вас нельзя ли? А то совсем животы подвело без живинки-то...

Седой кивнул и что-то сказал на своем языке. Трое молча поднялись и пошли к воде.

И тут-то увидел Петя, как ловко управляют ханты своими легкими лодочками-обласками... Обласки плясали на крупной волне, их почти скрывало порой, но они держались на воде, как пробки, и ханты успевали не только ловко править веслом, ставя лодочку носом наискось навстречу волне, но и вытравлять сеть, заводя ее в глубину.

Потом Пете наскучило это зрелище, и он увидел ребятшек, которые, осмелев, подошли к бревну и смотрели на пришельцев круглыми черными глазами, приоткрыв рты. Петя соскочил с бревна и подошел к ребятам, следом за ним потянулся и Коля. Сначала ребята боязливо отступили, но потом быстро нашли общий язык. Петя вытащил из кармана старую солдатскую пуговицу, которую за время сидения на берегу до блеска начистил песком, и протянул ее старшему мальчику, примерно одним с ним лет. Мальчик осторожно взял подарок, остальные тесно окружили его, пытались отнять блестящую вещицу, но он быстро сунул пуговицу за пазуху и что-то сказал малышам. Тот сорвался с места и, перебирая быстро ножонками, побежал в чум. Он мигом вернулся, неся в руке вырезанную из дерева рыбу. Старший мальчик-ханты протянул ее Пете.

— Спасибо, — сказал Петя. — Как тебя зовут?

Мальчик смотрел на него, не понимая. Тогда на помощь пришел Демьян. Он шагнул к ребятам и, показав пальцем на себя, потом на Колю и Петю, сказал:

— Демьян... Коля... Петя...

Потом он коснулся пальцем груди мальчика и, улыбаясь, ждал ответа. Мальчик закивал:

— Пырри! — Потом добавил, указывая на своих приятелей: — Этты, Хора, Веляй...

Демьян засмеялся и подмигнул Пете.

— Ну вот, теперь познакомились, а я пойду к рыбакам, помогу.

За игрой незаметно прошел час, и рыбаки подтянули сеть к берегу. Ребята побежали навстречу. Чуя добычу, кинулись к берегу и собаки. Однако до лодок не добежали и расселись полукругом в некотором отдалении.

Улов оказался богатым. Петя воочию увидел то разнообразное рыбье царство, которое он наблюдал ночами при свете костра. На песке бились даже два небольших осетра. Их тяжелые шишковатые тела были словно закованы в панцири, только животы белели, мягкие и беззащитные... Множество чебаков живым серебром рассыпались по берегу, и ребяташки ловко хватили их, не давая ускользнуть в воду. Крупные окуни сердито топорщили колючки и пучили янтарные глаза. Петя и не представлял, что окунь может быть так красив. Нежные нельмы беспомощно лежали на песке, слабо шевеля хвостами, зато язи трепыхались отчаянно, стараясь во что бы то ни стало пробиться к воде. Крупные ерши, ощетилившись, широко разевали огромные пасти; узконосые стерлядки извивались, как змейки, на бледном песке. Усатый пятнистый налим зеленоватым полешком неподвижно лежал среди трепещущей мелочи...

— Шибко хорош улов, счастливый невод был, твой невод был, Демьян! — говорили рыбаки, выбирая рыбу в берестяные ведра.

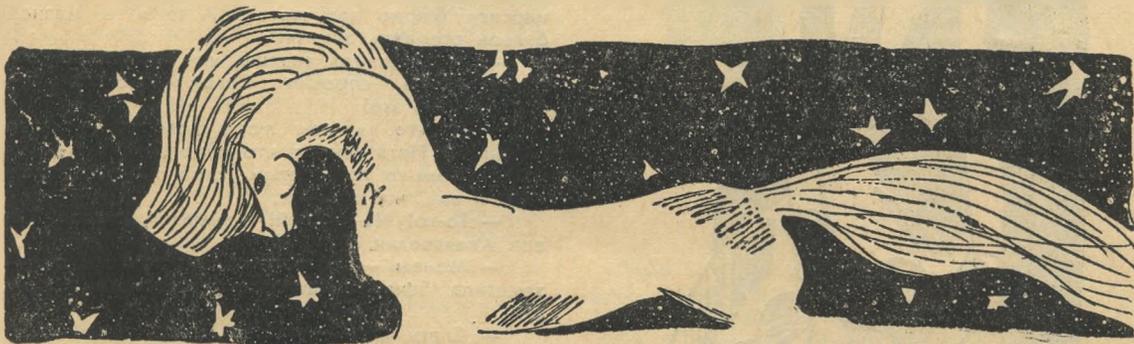
Демьян, щурясь, глядел на это богатство.

— Эх, ребята! — сказал он, — видать, правду говорится: у рыбака голы бока, да обед генеральский!

Когда заполнили два ведерка, Демьян сделал знак: «Довольно!». На берегу оставалось еще много рыбы. Демьян сказал рыбакам:

— Эта вся ваша...

Собаки облизывали морды широкими влажными языками и, когда кто-нибудь из рыбаков бросал чебака или пескаря, пес ловко ловил ее на лету и, мгновенно проглотив, снова замирал в ожидании.

Обратный путь до стоянки дощаника проделали все вместе. Два рыбака несли на шесте осетров, еще двое — ведра, старик шел рядом с Демьяном, а Петя и Коля — вместе с четырьмя мальчиками. Карманы братьев были полны подарков.

У дощаника Петя сразу же кинулся к Марфе, а ребята, опасаясь новых людей, остановились поодаль. Петя выпросил у Марфы несколько стеклянных пуговиц, цветные лоскутки, и все это отнес ребятам. Те онемели от такого богатства. Даже седой ханты и тот завистливо покосился на ребят. Но Демьян вынес из дощаника пригоршню цветных бус и щедро высыпал их старику в подол малицы.

— Ай спасибо, вот спасибо, богатый купец какой, спасибо тебе! — сказал тот.

Когда ханты ушли и Марфа вместе с гребцами была занята чисткой рыбы, Демьян ловким движением сдвинул на затылок шляпу и весело сказал, ни к кому не обращаясь:

— Теперь пусть Плеханов к ним сунется! И рыбку и пушнину Александру Ивановичу понесут...

3.

Пышно горел костер, вырывая из темноты часть глинистого берега, сушняк, сложенный рядом, нос дощаника и черную воду. Уха была необыкновенно вкусна и пахуча, и Петя, не-

вкусив до отвала, болтал без умолку. Его слушали Марфа и мать. Отец, обеспокоенный предсказанием ханты, о котором сказал ему Демьян, хмурился, погруженный в свои думы, а Коля, утомившись за день, дремал на оленьей шкуре.

Петя фантазировал:

— В рыбьем царстве, в рыбьем государстве мы захватили в плен двух генералов и множество офицеров, дворян-окуней, приказного налима, фрейлин царского двора нельм, язвой-толстосумов, купчишек подводных, ершей-забияк, а больше всего простого люда — чебаков да пескарей...

— Ну, малый, и здоров же ты врать, — добродушно заметил Демьян, посапывая своей трубочкой-носогрейкой. — А скажи, Ершович, где рыбий царь живет, а? — Демьян хитро улыбнулся, и глаза его сощурились. Петя быстро нашелся:

— Живет он в самом глубоком омуте, и к нему со всех концов гонцы бегут — осетры-генералы... Вот!

— Ан, и нет!

— А где же?

— А в море! То — рыба-кит! Агромадней-

ший, как слон. Повернется вполборота — буря на море, а если в полный оборот — то страшнейший ураган поднимется, и ни один корабль целым не уйдет с моря... Во какой он, рыбий царь!

— Как все цари? — спросил Петя.

— Что?... — растерянно спросил Демьян. — То есть как это?

— А так — людей губит...

— Петр, не болтай глупостей! — сказал отец.

— Царь властен над телом и душой своих подданных, — поучительно заметила Ефимия Васильевна.

— А бог? — спросил Петя.

— Бог над всеми...

— И над царем?

— Да, и над царем.

— Тогда он должен наказывать злых царей...

— Петр! Что я тебе сказал!

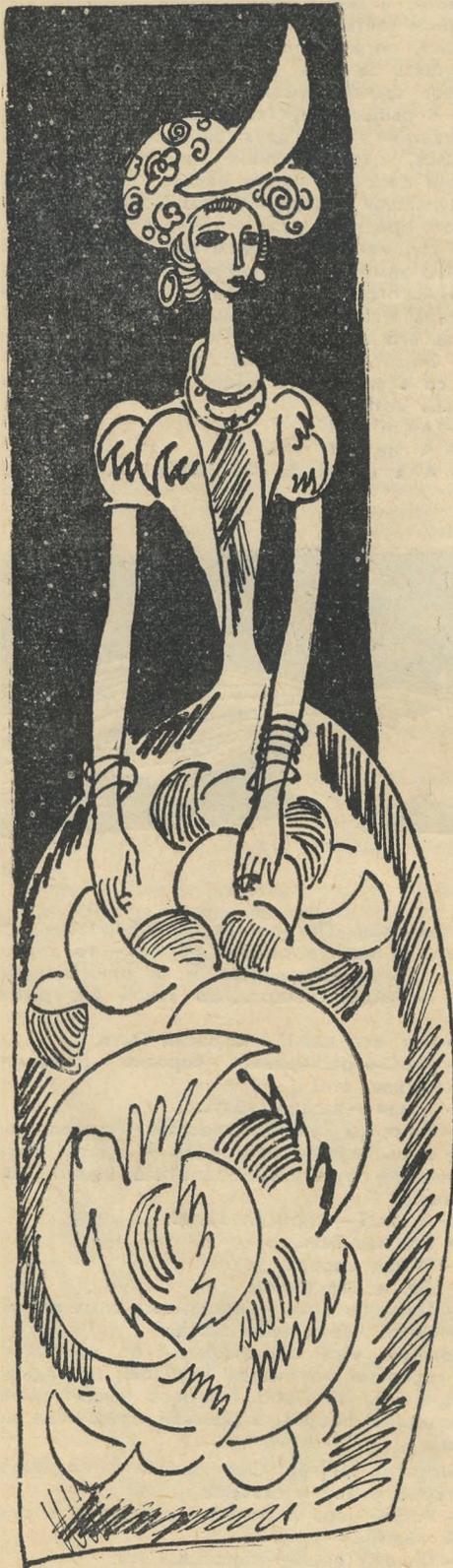
Демьян, уже оправившись от удивления, опять спокойно посапывал трубочкой, поглядывая из-под шляпы на Петю. Разговор начал принимать опасный оборот, и Демьян предпочел помолчать.

Выручила Марфа. Она деловито подкинула в костер сушняк и сказала:

— Рыбий царь рыба-кит — в море, а в реке самый главный — ерш!

— Почему ерш? — спросил Петя.

— Его все боятся, а он никого не боится,

Даже щуки. Щука на него, а он растопырит свои колючки — и дело с концом, повернется вокруг него щука, плюнет да и давай бог ноги...

— Щука плеваться не умеет, — сонно сказал Коля. На его слова никто не отозвался.

— Ерш никому спуска не дает, — продолжала Марфа. — А за обиженных всегда заступается. Только карасей он не любит. Карась ленивый, все в тине лежит да на судьбу свою плачется, пузыри пускает — это у него все одно что слезы. Ерш, как только увидит эти пузыри, так к карасю, расшевелит его, а тот бежит к генералам-осетрам жаловаться, плачет и всяческими словами ерша поносит. Те, конечно, в гневе, грозятся заарестовать ерша... А куда там! Глядишь, ерш уже с зяями схватился, жирных трясет или пескарей донимает...

— Уха из него хороша! — сказала Ефимия Васильевна.

— Отменная ушица! — подтвердил Демьян. — Видели монахов в Кондинском?

— А что? — спросила Ефимия Васильевна.

— На ершовой ухе отъелись. Сварят ершей, мясо их выбросят, а в навар стерлядь пустят — царское блюдо получается... А то и в мясной бульон стерлядь завалят...

— А ты откуда знаешь, как монахи уху варят? — строго спросил Павел Алексеевич. — Сплетни все это!

— А что, я как люди говорят... — сказал Демьян, и Петя увидел, что лицо Демьяна вдруг стало каким-то глуповатым, словно он не понимает и сам, что говорит.

— То-то! Не болтай! — хмурясь, сказал Павел Алексеевич.

— Монахи — служители бога, святые люди, — заметила Ефимия Васильевна, зевая и крестя рот.

— Спать пора! — сказал Павел Алексеевич и поднялся. — Завтра в дорогу, а то занежит — сгинем здесь!..

Следом поднялись Ефимия Васильевна и Коля. Петя остался у костра, пригревшись и задумчиво смотря на пламя, пожирившее сухой плавник. В меняющихся очертаниях углей, в пляске языков пламени чудились ему новые, невиданные еще очертания каких-то сказочных фигур, строений, чудовищ. От костра уходить не хотелось.

Марфа чистила посуду. Демьян полулежал, опершись на локоть, иногда бросал исподлобья быстрый взгляд на мальчика и на Марфу. Потом он посмотрел на темный берег, где в дощанике укладывались спать Ершovy, и, усмехнувшись, сказал:

— Святые люди! Знаем их — обороти поросся в карася!..

Петя засмеялся. Он уже слышал эту приткзку от Марфы. В великий пост на именинах у купца подали жареного поросенка. Очень уж захотелось попу отведать его! Он и поднял руку с крестом и перекрестил поросенка, бормоча как молитву: «Благослови бог, а хорош ли пирог... Бойтесь греха и ада, покормить попа надо...».

Однообразно накатывала на берег волна. Шум от нее был тише, чем в прошлую ночь, а на небе, чистом от туч, горели яркие звезды.

Демьян пыхнул трубочкой, вынул изо рта и выколотил о каблук.

— Пойдем, Ершович, спать. Завтра, ужo, по-толкуем еще о рыбьем царстве-государстве.

— Спать-то не хочется. Расскажи еще про ерша...

— Поздно уж.

— А ты коротенькую...

— Коротенькую? — сказал Демьян. — Ну ладно... Знаешь, Ершович, как твоего тезку сгубить хотели?

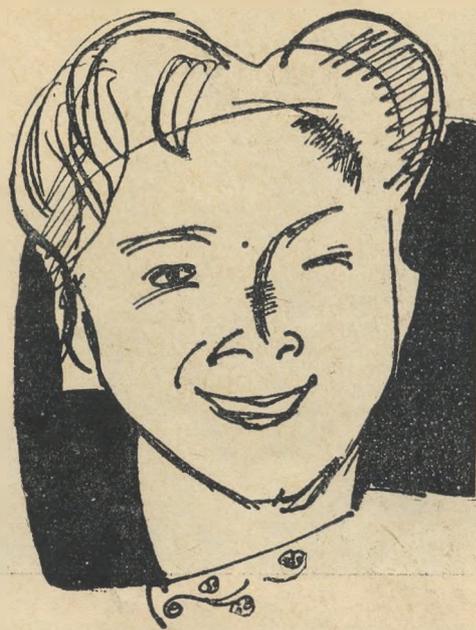
— Нет, не знаю.

— А вот так. Жил Ершишка, на лбу шишка, парень смелый, до всего ему дело, за обиженных горой стоит, а обидчиков на чем свет костерит, ну, и задумала щука Ерша сгубить, со свету сжить. Стала всех рыб на то подговаривать. Окуню говорит, а тот все свое твердит: «У меня глаза посоловели, да перья подопрели...» Налиму говорит, а тот свое твердит: «У меня губы толсты, брюхо мягко, усы коротки...» Щуке, своей сестре, говорит, а та свое твердит: «Я щука щекотлива...» — значит, боится, что ерш ее своими колючками пощекотит, — пояснил Демьян. — Язю говорит, а он ей в ответ: «Я — язь, всем рыбам князь, негоже мне пустяками заниматься, с Ершом сражаться...». Карасю говорит, ну тот и рад стараться. Сразу к осетру-генералу: так и так, ваше превосходительство, ерша требуется сгубить, потому он о вашей особе неуважительно отозвался. А генералу, известно, есть не давай — кого-нибудь засудить. «Действуй! — говорит, — даю тебе полные права!». Тут карасишко на попятный: «Вы бы сами... Нет у меня силов на это...» Осетр как закричит: «Дурак! Приказываю тебе ерша сгубить. Вон с моих глаз, а то прикажу щуке тебя съесть!». С тех пор карась с ершом враждуют, и живет карась в озерах, куда осетры и не заходят. Вот и сказка вся. Сам разумеи, что к чему!

— А ерш?

— Ерш гуляет по-прежнему... А нам с тобой спать пора.

— Иди, дитяtko, в постельку, — сказала Марфа. — С посудой вот управлюсь, приду и еще сказку на сон расскажу...

Петя побежал к дощанику, смутно черневшему у края воды.

Демьян проводил его взглядом и сказал:

— А парень-то не похож на исправничьего сынка!..

— Сердце у него доброе. — Марфа вздохнула. — Опять же болел он тяжело, солдата у него на глазах забили...

— Трудно будет ему в жизни, — сказал после раздумья Демьян.

— И то правда, — ответила Марфа, — с добрым-то сердцем у нас куда тяжело жить...

Демьян подтащил оленью шкуру поближе к костру, улегся на нее и, укрывшись зипуном, затих.

Марфа вытерла руки и пошла к дощанику. О берег однообразно билась обская волна.

4.

На четвертые сутки после стоянки у перевалки дощаник подплывал по Сосье к высокому левому берегу, на котором стоял древний Сугмут-вож — Березовый городок, Березово.

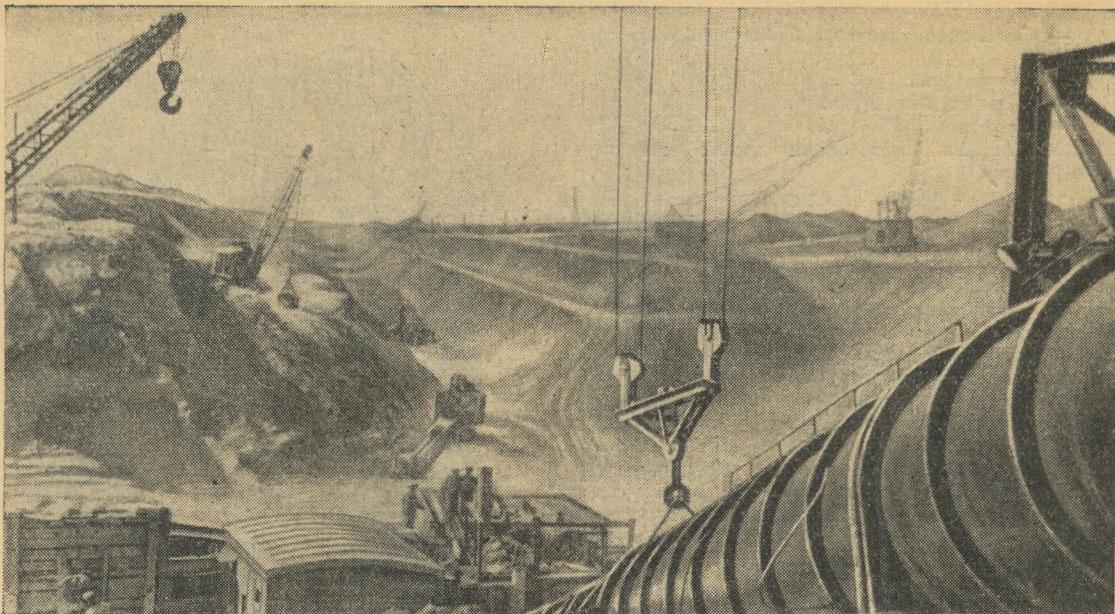
Северный городок встречал Ершовых неприветливо. Старый ханты не ошибся — моросил мелкий дождик, было холодно, зябли руки и ноги.

Из-под навеса дощаника Петя различил на высоком берегу темные от дождя, приземистые домики и несколько неподвижных фигур людей, одетых в черные совики. Под берегом на кольях виднелись обрывки сетей и намокшие, перевернутые кверху днищами лодки. Грязный глинистый подъем вел наверх.

Дощаник мягко ткнулся носом в берег.

— Слава богу, доехали, — сказал Демьян, перекрестился и, вынув из кармана трубку, стал набивать ее отсыревшим табаком.

МАШИНЫ СОЗДАЮТ РЕКИ

Пески... пески... пески... Изредка среди барханов топорщатся жалкие кустики саксаула. А в зените будто замерло пышущее жаром и ослепительно яркое солнце. Пустыня кажется бесконечной, неотвратимой, грозной. Под ее песчаным покровом захоронены города и села.

Могучие реки теряли свои силы в борьбе с пустыней. Но вот пришел сюда упрямый человек. Он решил дать скрытой под песками плодородной земле воду, стал строить каналы и оросительные системы.

Когда-то река Зеравшан в нижнем течении, как утверждают ученые, была могуча и полноводна. Вдоль берегов его тянулись зеленые долины, в весеннюю пору наполненные запахом цветов урюка, граната, яблонь. Было... А потом? Не выдержал Зеравшан схватки с песками, ослаб. Чтобы вернуть ему былую силу, люди начали строительство Аму-Бухарского оросительного канала. Скоро агрегаты Куюмзарской насосной станции перекачают воды Аму-Дарьи в водохранилище, а оттуда они хлынут в выжженную долину. В этом нелегком сражении принимает участие и коллектив уральского завода «Гидромаш» (Сысерть, Свердловская область).

Для Куюмзарской станции завод изготовил вертикальные насосы высотой с семиэтажный дом. Гиганты-насосы поднимут воду на 22 метра.

Говорят, что они создают реки.

В марте 1964 года был собран юбилейный — пятидесятилетний насос для Кызкеткенской станции Каракалпакской АССР. На этой станции шесть уральских насосов. Поток воды, который они выбрасывают, чуть меньше реки Урал.

Если поставить на берегу Верх-Сысертского пруда все выпущенные заводом насосы, они осушили бы пруд за один час. Двадцать пять миллионов кубических метров воды — за час!

У насосов, изготавливаемых уральцами, интересная и разнообразная работа. Одни — делают реки судоходными, другие — охлаждают конденсаторы паровых машин на теплоэлектроцентралях. Третьи — орошают земли. Четвертые — выкачивают воду из доков, где ремонтируют огромные суда. И, наконец, самые маленькие снабжают людей и промышленность питьевой и технической водой.

Крупные насосы большой мощности для Аму-Бухарского канала выпускаются только на Урале и только на заводе гидромашин.

Впервые в мире уральцы спроектировали насос, который вместе с электродвигателем будет работать под водой. Этот уникальный агрегат установлен на Северокрымском канале.

Сысертский завод — уральский старожил. Он построен еще в 1732 году. А Гидромашем он стал с 4 ноября 1942 года.

Самая первая турбина, созданная на предприятии в 1943 году, была установлена на Алапаевском заводе, Свердловской области. Здесь же в свое время впервые в России стала работать гидравлическая турбина, изобретенная в 1832 году известным уральским умельцем Игнатием Евстафьевичем Сафоновым.

За 22 года завод выпустил 170 видов самых различных машин. Ведь производство, как правило, индивидуальное — выполняется заказ той или иной насосной станции или ГЭС. И в каждом отдельном случае особые условия: разный напор воды, вода может быть чистой и загрязненной. На Куюмзарской станции, например, за час через насос пройдет вместе с водой 350—400 тонн песка. Это надо учитывать.

Для Алма-Атинской ГЭС создана гидротурбина мощностью 5000 киловатт, действующая при напоре воды 500 метров. Но чем яростнее напор воды, тем прочнее и сильнее должны быть

турбины. Стали увеличивать их мощность: 9700 киловатт, 19 000, 48 000...

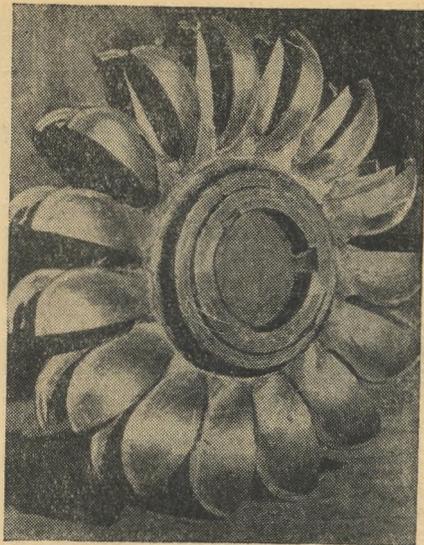
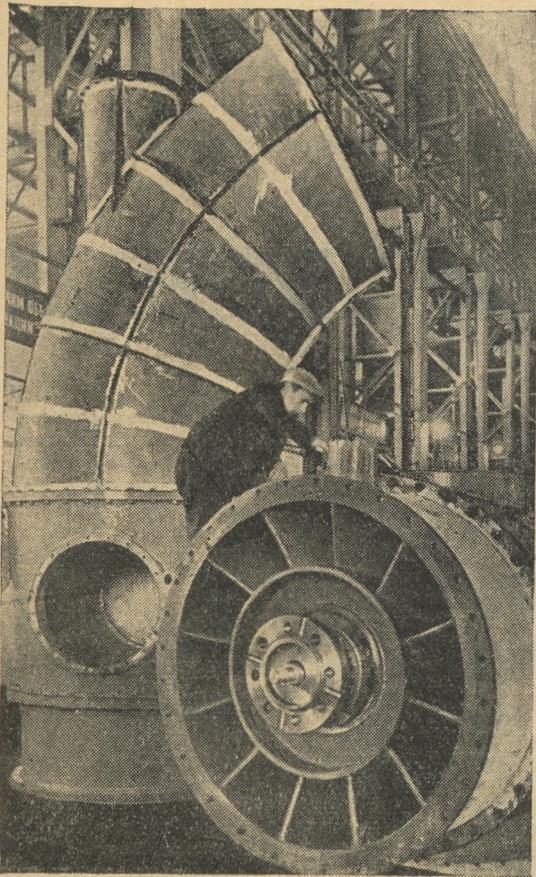
Коллектив завода постоянно в поиске. Проектируя новые машины для Ириклинской подземной ГЭС, Бхилайского металлургического комбината в Индии, конструкторы и рабочие создают десятки вариантов чертежей.

Недавно появились так называемые обратимые машины. Сегодня она работает как турбина, а завтра потребовалось — и превращается в насос.

Химические предприятия и азотно-туковые комбинаты широко используют еще одну «новинку» уральцев — «мотор—насос—турбину». В этом агрегате электродвигатель, насос и турбина соединены общим валом, работают на отходах промышленной воды. Между прочим, шестьдесят таких машин сэкономили 30 000 киловатт-часов электроэнергии!

Посмотрим на карту. Узбекистан, Украина, Краснодарский край, Эстония, Казахстан, Южный Урал, Поволжье, Кавказ, Дмитровградский химический комбинат в Болгарии, ГЭС «Пули Хумри» в Афганистане, ГЭС «Растан» в Сирии и «Напаути» в Непале, Куба, Индонезия, Венгрия, Польша, Румыния, Индия, Корейская Народно-Демократическая Республика... — отовсюду в Сырть идут письма с благодарностью.

Осевой насос.

Рабочее колесо турбины.

Любям нужно больше электроэнергии, зерна, хлопка. А для этого надо построить гидростанции, заставить реки течь по новым руслам, превратить засушливые степи и пустыни в цветущие сады, пастбища. Делать это помогают человеку наши уральские машины.

М. ДИАНОВА,
Е. КОСТИНА

ЗНАЧОК АКТИВИСТА ЖУРНАЛА

Редколлегия журнала наградила значком „Уральского следопыта“ Ганзелку Иржи, Зикмунда Мирослава, Дрияка Мирослава, Коринку Йозефа, известных путешественников и исследователей, всемирных следопытов; Арзамазцева Александра Александровича, методиста общества „Глобус“ Свердловского Дворца пионеров; Добровольскую Анну Афanasьевну, руководителя отдела краеведения общества „Глобус“, Коврижных Людмилу Михайловну, руководителя отдела геологии общества „Глобус“; Хоркунову Соню, председателя совета общества „Глобус“; Сорокина Льва Леонидовича, поэта; Толстикова Павла Поликарповича, инженера.

НАД ТАЙГОЙ

Репортаж

Недavno, приехав в Тавду, я встретился со своим старым знакомым Яковом Михайловичем Ударцевым, председателем стройкома строительства новой дороги Тавда — Сотники.

— Вертолеты у нас каждый день по трассе ходят. Облети хотя бы, — уговаривал он меня. — Прогуляйся.

Вскоре мы с Ударцевым уже были на аэродроме. Вертолет поднял нас в воздух.

— Смотри, какая красота! — хлопнул меня по плечу Яков Михайлович.

Северное Зауралье — край необъятных таежных просторов. Все пространство между Уральским хребтом и рекой Обью — необозримое лесное царство, разреженное оконцами бесчисленных таежных озер.

В этих глухих местах и должна пройти новая железная дорога.

Сотни грузовых автомашин, тракторов, бульдозеров упорно продвигаются через болота и

лесную глухомань, возводя насыпь. За ними идут путеукладчики. Стальная лента все дальше углубляется в тайгу.

Дорога пройдет от Тавды до поселка Сотники. Длина ее 186 километров. И на всем протяжении — ни одной деревни.

Давно известно, что тюменская тайга — это богатство, но богатство слишком дорогое. Очень трудна и накладна перевозка здешнего леса. Крайне нужна лесозаготовителям дорога. Она явится той артерией, которая заставит биться сердце нового целлюлозно-бумажного комбината в Тавде. Вдоль нее возникнут десятки новых леспромхозов. Один из них — Карабашский — уже создан и дает лес строителям дороги и тавдинским предприятиям.

От Сотников рукой подать до другой кладовой тюменской тайги — нефти и газа.

Лес, газ, нефть — три основных природных сокровища этих мест.

А есть еще рыба, пушнина, грибы, ягоды... Как считают ученые, тысячи западно-сибирских озер могут ежемесячно давать эшелоны свежей рыбы.

Стальная магистраль уже далеко врезалась в тайгу. Появились новые станции — Щучье, Хмелевка, Куминский разъезд. Маленькой точкой на карте обозначен поселок Сотники. Скоро здесь будет большой промышленный пункт, который свяжет зауральскую таежную целину с индустриальным Уралом.

На Куминском разъезде начальник строительно-монтажного поезда Владимир Евлампиевич Дитковский, достав карту с графиком работ, рассказал:

— Эти 186 километров, — конечно, расстояние небольшое. Его можно на электричке проехать за несколько часов. А нам, как видите, нужны пока еще годы. Более четырех с половиной миллионов кубометров земляных работ, более тысячи гектаров просеки, шестнадцать с половиной тысяч квадратных метров жилья, десятки искусственных сооружений — вот что такое наша стройка. Учтите при этом, что из 186 километров пути 50 идут

ГОРНЫЙ МЕД

На Советской торгово-промышленной выставке, которая экспонировалась весной прошлого года в Италии, внимание посетителей в отделе «Геология СССР» привлекли образцы полупрозрачного минерала фиолетового и желтого цвета со стеклянным блеском — плавикового шпата, или флюорита. Адрес их — Забайкалье.

Ни одна тонна стали не может быть выплавлена без этого минерала. Немыслимо без него и производство алюминия.

В Забайкалье флюорит находили издавна. Еще в конце XVIII века управитель Шилкинского завода Павел Томилов, отправившись в плавание по реке Шилке, обнаружил в семи верстах ниже деревни Черной белый камень, «мелкозернистый, кубического листоватого образования, к роду сущего шпата принадлежащий».

Добыча плавикового шпата началась в горах Акатуя, где звенели кандалы каторжан. Но потребление минерала в дореволюционной России

было незначительным, поэтому его предпочитали ввозить из-за границы. А своим забайкальским рудникам Горный совет вынес приговор о бесперспективности их: «вследствие обеднения руд, дурного их качества и дорогостоящей добычи».

Только в советские годы усилиями сотен и тысяч людей, геологов и горняков, были полностью перечеркнуты безграмотные прогнозы царских чиновников.

...Однажды старому охотнику Семёну Константиновичу Соболеву посчастливилось подобрать в таежной пади кусочек незнакомого камня. Он передал его геологам.

А потом в Усугли, таежную падь на севере Читинской области, прилетели геологи, чтобы пройти тропой старого зверолова, проторить путь к новым рудным кладовым. Они нашли несколько жил плавикового шпата, имеющих промышленное значение. В тайгу пришли строители и вбили первые колышки на месте будущего рудника.

по болотам. А среди них есть такие, как, например, Тунгульское, которое на каждый километр трассы потребует более двухсот тысяч кубометров земли, песка и балласта. Научиться бороться с болотами, их капризами было нашей первой задачей. И особый экзамен в этом отношении мы выдержали на Кумбайском болоте¹.

Уже потом я узнал, что Кумбай встретил строителей затишьем. Шел январь, стояли сильные морозы. Пользуясь ими, строители и надеялись победить коварную Согру. Но едва трактор вступил на болото, как оно вдруг задышало, закачалось, выступила вода. Трактористы отступили, собрались вместе, заспорили, обсуждая положение.

Идти-то все равно надо!

С тракторов на всякий случай сняли дверцы, к каждому привязали тросы.

Дитковский скомандовал:

— Тройгай!

Тракторы пошли. Первые метры болото держало тягачи.

¹ О штурме Кумбая изыскателями см. очерк Б. Беленького «Дорога длиной в сто двадцать дней» в «Уральском следопыте» № 11, 1962 год.

Потом, где-то на десятом, передовой трактор вдруг заглох и стал медленно погружаться в трясины. Кто-то успел набросить трос на хвостовой крюк трактора. Однако вытянуть его было уже невозможно. Тогда строители с ключами бросились к тонущей машине, разобрали ее, и так, по частям, вытащили.

Едва спасли один трактор, как чуть не ушел другой. Болото покорилося лишь на третьи сутки — строители соорудили стлань, которая дала возможность штурмовать Согру широким фронтом.

Теперь перед строителями еще один опасный рубеж — Куминское болото.

На пятнадцать километров простирается оно. На морозы особых надежд нет: глубина болота в отдельных местах достигает тридцати метров, и толстая моховая подушка не дает ему промерзнуть до дна.

Вот почему сегодня здесь, на краю Куминского болота, сосредоточено много техники.

В постройке уже поступают первые сводки с фронта работ — штурм начался!

А. МОТЫРЕВ

Январь, 1965

Из усуглинского плавика можно получать криолит, необходимый для растущих гигантов цветной металлургии Восточной Сибири, — Шелеховского и Красноярского алюминиевых заводов. Но для этого нужна серная кислота. Ее даст медь. А пока что большую часть забайкальского флюорита отправляют для переработки на Урал — Полевской криолитовый завод.

Глубоко прячет свои тайны природа, но она вынуждена отступить перед упорством рудознатцев.

Ценное сырье мощной промышленной концентрации и значительных запасов найдено в обжитом районе Восточного Забайкалья, в предгорьях седого Акатуя.

История открытия этого месторождения, названного Гарсонуйским, связана со многими именами.

Еще в тридцатых годах академик Сергей Сергеевич Смирнов при разведке полиметаллических руд встречал флюорит как второстепенную примесь.

А позднее, спустя тридцать лет, шофер Даурской экспедиции Роман Макушев увидел невдалеке от дороги, идущей по северо-восточному склону горы Кличка, странный камень медового оттенка и привез его на анализ в лабораторию. И именно на этом участке впоследствии

была выявлена первая жила, названная по имени шофера-геолога Романовской.

Виталий Евгеньевич Анферов — главный геолог Даурской экспедиции, и Александр Кузьмич Охотник — старший геолог Гарсонуйской партии, посвятили открытию нового месторождения многие годы своей жизни.

Некоторые сорта флюорита напоминают медовые подтеки, словно в недрах древних забайкальских сопок скрыты гигантские соты — вместилища горного меда. Мед этот, конечно, несъедобен, зато он служит незаменимой пищей для химической промышленности. Из него получается плавиковая кислота — самая сильная из всех известных кислот, разъедающая даже стекло. Ее хранят в специальных восковых сосудах.

«Горный мед» используется для производства свыше двухсот различных фтористых соединений. Участвует флюорит и в создании целого ряда полимеров и других производных нефтехимического синтеза.

Забайкалье стало основным добытчиком плавикового шпата. Отсюда ценный минерал вывозится на заводы Урала, Средней Азии, Ленинграда, Закавказья.

Э. МОЛЧАНОВ

РУЧЕЙ Золотой

Рассказ

Святозар БАРЧЕНКО

Рисунки Н. Мооса

1

Выпал долгожданный снег. Лег она прихваченную крепким утренником грязь, и сразу посветлело в Еремее. Черные избы словно распрямились, засверкали подбеленными стеклами окон, а речная вода, еще не скованная настоящими морозами и лишь чуть подернутая ломкой ледяной корочкой у берегов, приняла мутный свинцовый блеск.

Василий Карпович встал поздно. В окна пробивался блеклый рассвет. Привязанный у амбара Кустик беспокойно скулил и взлаивал. В избе было свежо, и Василий Карпович накиннул на плечи ватник.

«И чего это он там расхотелся?» — недоумевал Василий Карпович, нащупывая в промозглых сенях заржавевший крючок. Согнувшись в дверях, он ступил за порог и остановился: крупные и частые снежинки кружились в морозном воздухе.

Кустик, загремев цепью, кинулся на грудь хозяину, лизнул его в густую с рыжиной бороду и радостно завертелся, приминая вокруг пушистый снежок.

— Ну пошел, пошел...— ворчал Василий Карпович, отталкивая собаку, а глаза его щурились от непривычной белизны и от той необъяснимой радости, которая неизменно рождается в сердце при виде первого чистого снега.

А уже недели через две, когда встала река и начали куриться на ветру белыми дымками покатые гребни рыхлых, еще неустоявшихся сугробов, Василия Карповича вызвал директор совхоза.

На холодной половине избы Василий Карпович как раз прилаживал к нартам новую шлею.

Дед Никифор, совхозный рассыльный, сам по старческой блажи напросившийся на эту беспокойную должность, зашел к нему уже под вечер. Долго сидел на лавке, в углу, молча курил, приглядываясь к подвешенным на растяжках старым беличьим шкуркам и лишь потом, словно кончая затянувшийся разговор, спросил:

— Так забегешь, Вась, в контору, ай нет? Тебя чегой-то директор кликал...

И только когда дед Никифор, так и не дождавшись ответа, поплелся куда-то дальше по селу, тяжело шаркая рас-

топтанными валенками, Василий Карпович прислонил нарты к стене и отправился в контору.

Что там и говорить: ждал Василий Карпович этого вызова. Ох как ждал! Может, потому и не ушел по первотропу на Золотой ручей, где стоял охотничий зимник — избушка Афанасия Михайловича Попова.

Давно уже Василий Карпович считал этот зимник своим и всякий раз еще с осени забрасывал туда порох, соль, муку — словом, весь охотничий припас на долгие зимние месяцы.

Лет шесть тому назад привезли Афанасия Михайловича с покоса. Он тяжело дышал, облизывал сухим языком запекшиеся губы и восковыми пальцами старался приподнять, скинуть с груди горячее одеяло: возвращаясь вечером к балагану, он неловко оступился и с размаха упал на подвернувшуюся под бок косу.

— Лешке... Лешке... телеграмму... отбей... — прошелестел он одними губами Ксюше-фельдшернице.

Лешка приехал только спустя четыре дня после похорон. И не было слышно в тот день в Еремее ни заливистых переборов хмельной гармоники, ни призывного девичьего смеха, как бывало всякий раз, когда приезжал в отпуск из армии кто-либо из еремеевских парней.

Одинокó шел Лешка вдоль улицы за Макарову гарь на погост в неосевшей еще на нем солдатской форме, — служил Лешка всего несколько месяцев, — вытянувшийся, худой. Кирзовые сапоги широко болтались на тонких ногах, а на голове коробилась пилотка с черным, отпотевшим по низу ободком. Бабы провозжали его жалостливыми взглядами, а он все шел, глядя себе под ноги, и деревянные мостки глухо отбивали его шаги: прогибались, поскрипывая, и тогда сквозь щели в досках показывалась росшая под ними бледная, худосочная трава.

Матери у Лешки не было. Умерла она вскоре после родов. Отец больше так и не женился, и Лешка любил отца сначала по-детски — открыто и нежно, а потом уже по-мужски — грубовато и застенчиво.

До поздних сумерек просидел он перед отцовской могилой.

Раз десять посылали толпившиеся у магазина бабы сопливаю девчонку Нюр-

ку за Макарову гарь. Нюрка, крадучись, выглядывала из-за низеньких елок и во весь дух неслась обратно в деревню.

— Сидит ишо? — спрашивали бабы, и Нюрка голосом, перехваченным от бега и непонятного, восторженного страха, чуть слышно отвечала:

— Сидит...

Бабы молча переглядывались и качали головами. Нюрка смотрела на них и тоже покачивала белыми завитками, а глаза ее возбужденно поблескивали...

С той поры как-то незаметно для других Василий Карпович прибрал к рукам и пустующий зимник на Золотом ручье, а вместе с ним и весь облесованный Лешкиным отцом участок тайги, который по давним и неписаным законам должен был остаться за Лешкой, вздумай тот заниматься промыслом. Правда, как-то на собрании мужики заговорили было о том, что не худо бы сообща приглядеть за хиреющим угодьем, покуда вернется Лешка, но Василий Карпович повел дело так, что все оступились.

Только после собрания механик Игнат, потерявший на фронте левую руку, человек непримиримый и жесткий, поглядев на Василия Карповича так, будто впервые увидел его, предостерегающе заметил:

— Жаден ты больно стал, Василий. Ухватист. Все за деньгой стараешься поспеть... Ан споткнешься, гляди!

— Деньга что! — попробовал отшутиться Василий Карпович. — Она карман не тянет...

— Она душу тянет, — не принял шутку Игнат.

А Василий Карпович весь расплылся в широкой улыбке.

— Да ты что, Игнат? Ведь не о своем пекусь-то. Тут ведь и государственное добро изведут, а спросить не с кого будет. Известное дело: у семи нянек дите без глазу!

— Ну, а лодки? — не отступался Игнат.

— Что лодки? — загорячился Василий Карпович. — Небось, и лодки не для себя тешу. Сам знаешь!

И вправду, не для себя тесал Василий Карпович ходкие и верткие на воде остроносые лодки.

За последние годы зачастили в эти края то топографы, то лесостроители, то еще какой-то неизвестный, но вечно

спешащий куда-то народ. Большинство шло к горам, в верховья рек и речушек, и всем нужны были лодки. И само собой получалось так, что в то время, когда побригадно, всем совхозом ловили рыбу или же сплачивали и гоняли в низовья длинные плоты строевого леса, Василий Карпович с утра и до ночи тесал, шпаклевал и заливал кипящим варом крутые бока новых лодок.

Обычно начальники партий и отрядов приходили к Василию Карповичу, довольные находившись по деревне, но так и не найдя ни одной свободной посудины.

Тогда Василий Карпович вел кого-нибудь из них вниз, к реке, где на приколе, среди новеньких маслянисто-черных лодок болталась старая, выбеленная речной водой развалюха.

Василий Карпович балагурил:

— Трудно нынче стало с лодками. Трудно... Хотя вам правду сказали: есть у меня тут одна лодочка. Берите! Мне не жалко, если для дела... Берите.— И, заметив, что его спутник уже с готовностью отстегивает ремешки на полевой сумке, с неуловимой хитринкой продолжал:— А денег я с вас, дорогой товарищ, не возьму. И не говорите. Разве только на полбутылочки?.. Вот к моим грибоккам и принесите, чтоб вам, значит, легче плалось...

Приезжий недоверчиво и радостно косился на Василия Карповича, а он, добродушно улыбаясь, широко шагая по берегу, подводил приезжего к развалюхе.

— Вот эта. Вот, вот, которая в середочке... Побелее, пообкатанней... Хоть сейчас мотор вешай— сама пойдет!

И куда разочарованный начальник топтался на берегу, не решаясь залезть в полузатопленную лодку, Василий Карпович скучающе глядел куда-то вниз по реке и только погода спрашивал:

— Ан не хороша? Текеть? Да ну?! А я на ней давеча полтонны до самого Шешима поднял... Отсюда верст семьдесят будет, не меньше...

Когда же приезжий окончательно отказывался брать развалюху и просилступить какую-нибудь лодку поновее, он отводил глаза от реки.

— А об этом особый сказ,— круто менял разговор Василий Карпович, и не было случая, чтобы он возвращался в избу, не получив за свою работу втрое.

Еще с весны ходили слухи, что Лешка Попов собирается приехать в Еремей.

Василий Карпович не шибко верил до-сужим бабьим разговором, но все же где-то в его груди, словно куница в старом и трухлявом кедре, притихла до времени смутная тревога. Знал он, что не видать ему больше Золотого ручья, если и вправду задумает вернуться Лешка, и потому до последнего дня тянул, не уходил в тайгу. Все ждал— и дождался!

И хотя у Василия Карповича стоял в тайге повыше Валганова острова свой добротный зимник, и облесовал он вокруг него тайгу аж до Шалой пади, но не могла примириться его душа с тем, что уходит из рук. Видно, и впрямь жгла, тянула его куда-то, в особицу от людей, от их большого и дружного дела, незаметно, словно старческая бессонница, подкрадываясь к нему жадность.

Даже когда он расписывался в совхозной ведомости, получая заработанные деньги, то прикрывал строчку ручкой, словно от сглазу, будто боялся, что немалая цифра перед его фамилией вдруг уменьшится под чьим-нибудь завистливым оком...

В сенцах конторы Василий Карпович долго обметал с валенок снег, топал ногами и лишь после этого отворил дверь.

Лешка Попов сидел сбоку от директора на лавке у стены.

Директор поднялся навстречу Василию Карповичу.

— Здравствуйте, садитесь...

Василий Карпович вяло пожал руку директора и, грузно опустившись на лавку рядом с Лешкой, глухо спросил:

— Совсем приехал, али как?

— Совсем, дядь Василий,— ответил Лешка, вскидывая на Василия Карповича отдающие радостной бирюзою глаза.

...После армии Лешка даже не заехал в деревню. Демобилизовался и в город. Начал работать токарем на заводе.

Работал хорошо, но с какой-то надсадной злостью, словно хотел заглушить в себе что-то тягостное, зовущее. Так и проработал он почти три года. Жил в заводском общежитии, рядом с пристанью.

Как-то в конце зимы, возвращаясь с завода, он совсем неожиданно столкнулся с теткой Марфой, бывшей соседкой. Лешка обрадовался, пристал с расспросами. Тетка Марфа отвечала неохотно,

скучно. Приехала она, дескать, в город за какими-то лекарствами, да позабыла в избе бумажку от врача и теперь торопилась к железнодорожному поезду, где должна была ждать совхозную машину.

— Ну, как там у нас? — нетерпеливо переминался с ноги на ногу Лешка. — Изба-то наша стоит?

— Да стоит... Чего ей станется... — тянула тетка Марфа.

— А как совхоз теперь?

— И совхоз стоит...

Лешка в сердцах даже не попрощался с незадачливой теткой.

А однажды, уже весной, в воскресенье, когда по реке, шурша и сталкиваясь, плыли посеревшие пузырячатые льдины, а влажный ветер приносил откуда-то, должно быть со старых запаней, горьковатый дух еловой коры, от которого начинала сладко кружиться голова и становилось легко, словно во сне, Лешка встал раньше обычного. Его потянуло к реке. Он взошел по скрипучим сходням на высоко поднявшийся, зачальный толстыми тросами, безлюдный причал и вдруг остановился, потрясенный. По сердцу ударила длинная и томительная боль, а по спине побежали колкие мурашки.

В глубине зеленоватого немеркнувшего неба возникали пронзительные звуки, отдающие чистым металлическим звоном.

«Лебеди, что ли, на озера в тундру пошли...» — подумал Лешка и, странно притихший, ушел с причала.

В тот же вечер он чуть было не подрался в железнодорожном клубе с деповскими парнями, да вовремя подоспели ребята с завода.

Все лето работа валилась у него из рук, а когда начальник цеха вызвал его

однажды к себе в конторку, Лешка неожиданно попросил расчет.

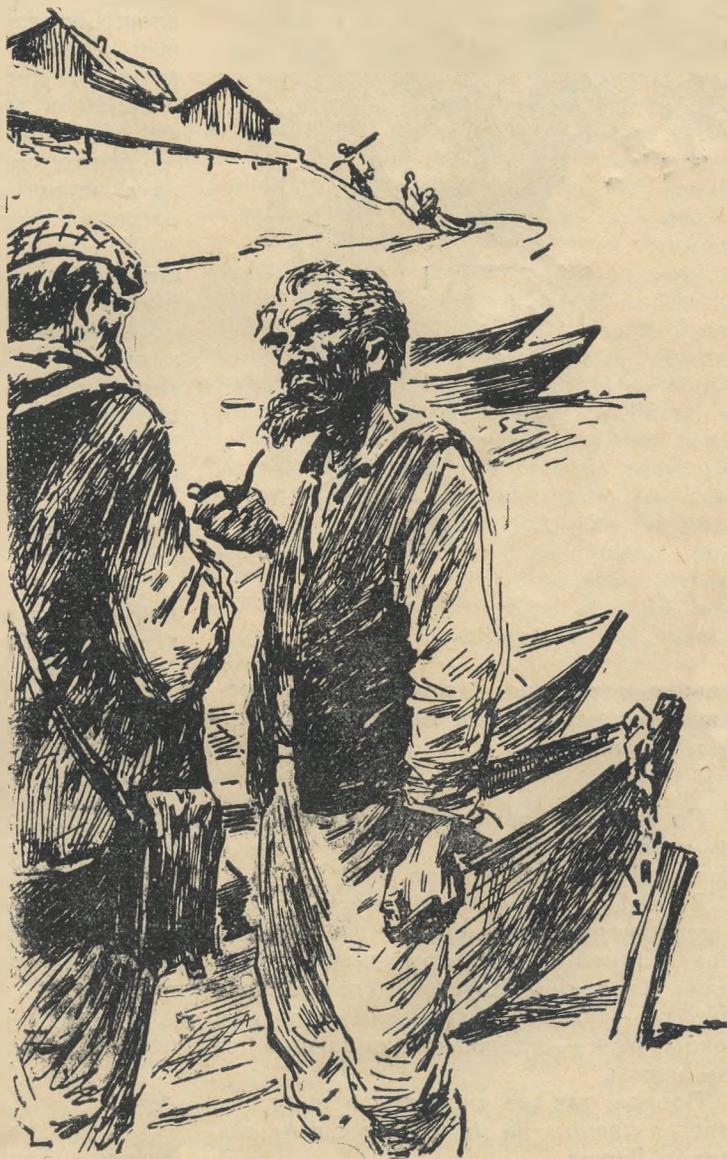
Начальник цеха внимательно посмотрел на него и спросил:

— Может быть, подумаешь?

Лешка отрицательно покачал головой.

— Ну, что ж. Тогда через две недели, — сказал начальник цеха, — пряча в стол Лешкино заявление. — Иди работай!

— Не могу больше... — чужим и хриплым голосом сказал Лешка. — И на-

чальник цеха, еще раз внимательно поглядев на него, отдал Лешке подписанную бумажку.

* * *

По мертвой, заваленной глухими снегами реке, волоча за собой узкие и длинные нарты, шли двое.

Впереди, приминая снежную целину и равномерно перемещая всю тяжесть тела с одной ноги на другую, шагал Василий Карпович. Широкий след от его камусов — подбитых скользким оленьим мехом лыж — сглаживали ползущие за ним нарты.

Позади, так же сноровисто и ладно, налегая плечом на ременную шлею, поспевал Лешка.

Темная полоса взрыхленного снега

тянулась за ними, огибая торосы. Она то скрывалась за близким поворотом, то ложилась все дальше и дальше на прямых стремнинах, покуда высокие берега реки не сжимали ее, сдвигаясь вместе чуть ли не у самого горизонта.

Усталые собаки плелись далеко позади. И если Кустик привычно бежал за Василием Карповичем, то молодой Лапко, которого Лешка взял у деда Никифора на пробу, норовил повернуть обратно, и Лешка то и дело оглядывался.

К вечеру, пройдя напрямик заросший голым и сквозным ивняком островок, охотники свернули влево. Долго петляли среди низеньких, столпившихся вокруг елок, цепляясь нартами за припорошенные снегом, пригнувшиеся к сугробам ветки. И уже почти в сумерках вышли, наконец, к затаившемуся в непролазной чащобе зимнику Василия Карповича.

Лешка, проваливаясь чуть не до пояса в нетронутый сугроб, лыжей откидал от двери снег.

Каменка нагрелась быстро. Под низким потолком тянулся к узенькому окошечку и уплывал в звонкую морозную ночь синий и едкий дым. А вместе с ним поднималась из промерзлых углов и, оттаяв, уходила из зимника нежилая, мышьячая затхлость.

— Значит, до Шалой пади я тебя проведу, — голос Василия Карповича с мороза звучал глуховато, — а оттуда на Золотой сам подавайся. Только берега держись.

— Да нешто берегом-то, дядя Василий? — Лешка блаженно щурился, прихлебывая обжигающий чай. — Мы там с батеи всегда прямо по ручью, низом добирались...

Василий Карпович пригладил редкие потные волосы на лысеющей голове.

— Хошь, так и низом беги, мне все одно. Только гляди, парень: там летошний год каменьев навалило. А снег еще не улегся. Пуховый он, снег-то, мягкой... Неровен час, оступишься и лыжи заубишь. А если по берегу самую вышину минуешь, то и по ручью можно: там чисто.

На другой день у Шалой пади Лешка попрощался с Василием Карповичем.

— Спасибо тебе за все, дядь Василий...

— Ну, да чего там... — махнул рукой Василий Карпович и долго смотрел на уходящего Лешку, словно хотел зачем-

то вернуть его, да не решался. Потом снял старый треух, повертел его в руках, потоптался на месте и, снова нахлобучив шапку почти на самые брови, повернул назад.

У зимника Василий Карпович посвистал собаку и, сидя на чурбаке возле двери, задумчиво поглаживая теплую собачью шерсть, старательно и долго нащупывал в кармане ватного лузана кусок прочной веревки.

* * *

Лешка шел легко, будто вовсе и не было многолетней разлуки с тайгой.

Привыкший к новому хозяину, Лапко иногда понуро и недовольно бежал по утоптанному снегу далеко позади, а иногда забегал вперед, по уши утопая в глубоком снегу, судорожными рывками вымахивал из распадка наверх и пропал в настороженной темноте леса. И минуту спустя по тайге начинал греметь и перекатываться эхом звонкий собачий лай.

Тогда выделось Лешке, как скребет когтями Лапко сосновую кору, и слюдяные чешуйки, покачиваясь в безветрии, падают в глубокие лунки собачьих следов. А там, в вышине, распластавшись на пологом суку или же стараясь вжаться в промерзлую древесину ствола, дрожит от ужаса маленький дымчатый зверек.

Лешка до боли в пальцах стискивал задубевший на холоде ружейный ремень, даже сквозь рукавицу чувствуя, как неистово и радостно колотится под рукой сердце.

Дойдя до Золотого ручья, Лешка присел на нарты, привалился к высокой елке спиной и счастливо закрыл глаза.

Торжественная и тихая, стояла вокруг него тайга, и Лешке было непонятно, как он мог так долго прожить без этих чистых снегов, без молчаливых и ласковых пихт и без этого по-зимнему низко неба над ними.

Отдохнув, Лешка выбрался из-под низко осевших еловых лап. Не спеша отряхнул сорвавшийся с ветки прямо на шапку снег и стронул ногой прихваченные морозом полозья.

«А, чего там думать! Берегом оно, пожалуй, и вправду вернее будет»,— решил он, наконец, и стал подниматься на крутизну, подтягивая за собой сползающие вниз нарты.

Когда Василий Карпович с оглядкой перебрался через ручей и набежал на уходящий вверх неровный след Лешкиных нарт, он остановился и посмотрел на небо. По верхам деревьев пробегал легкий ветерок, и редкие снежинки опускались на подрагивающую бороду Василия Карповича.

— Ну вот, и слава тебе, господи! Глядишь, там и по ручью ходить можно будет,— пробормотал Василий Карпович, хотя думалось ему и не совсем об этом.

Еще с осени заприметил Василий Карпович, как глубоко подмыла обрывистый берег высокая вода. А там кто его знает, отчего оседают и срываются вдруг скованные стужей глинистые пласты и летят в пропасть, увлекая за собой и ломая в щепки могучие деревья?

Может, зверь невзначай прошел; может, гулко лопнула на морозе старая осина, и эхо, ударившись о берег, обрвало ту последнюю ниточку, что привязывала оторвавшуюся глыбу к твердой земле; может, птица над нею неосторожно крылом взмахнула; а, может, и человек ступил... Всяко бывает в тайге.

Василий Карпович прислушался. Было тихо. Снятой рукавицей вытер взмокший лоб и только почему-то теперь вдруг остро и беспощадно понял все. Понял и то, что где-то совсем рядом, может быть вот тут, за поворотом, идет к непоправимой беде доверившийся ему во всем сын Афоньки Попова. Идет так же беспечно и не раздумывая, как ходил когда-то за своим отцом, ладным мужиком и добрым охотником. Липким холодом обдало взмокшую спину Василия Карповича.

— Эге-ге-ей! Лешка!.. По-о-стой!— закричал он и сам испугался того, как слабо прозвучал в бескрайней тишине его голос. Чувствуя, как у него подкашиваются непослушные ноги, Василий Карпович торопливо полез на крутизну.

«Нет, куда там... Разве угонишься,— с тоскою подумал он и, задыхаясь от напряжения, бессильно опустил прямо на снег.— А может, и не поверил. Может, стороной подался?»— мелькнула слабая надежда, но, еще раз взглянув на следы, Василий Карпович, уже ни о чем не думая, сорвал с плеча ружье и почти одновременно нажал оба курка.

Сквозь звон в ушах почудилось ему, будто в ответ на выстрелы что-то ухнуло тяжелым вздохом далеко впереди.

А когда он, выбравшись, наконец, на опушку, огляделся, то, понял, что опоздал. Осторожно пробуя снег камусом, Василий Карпович приблизился к самому краю свежего срыва. Глубоко внизу еще стояло мутное облако, сквозь которое можно было разглядеть искореженные остатки сорвавшихся лесин.

Трясущимися руками полез Василий Карпович в карман за кисетом, но так и не закурил: сбоку за удержавшейся старой валежиной что-то ворохнулось.

Привычным движением старого охотника Василий Карпович вскинул к плечу ружье. И вдруг мушка расплылась перед его помутневшими глазами...

Когда-то в юности, совсем еще мальчишкой, наткнулся он на годовалого пестуна, за которым на залитую весенним солнцем полянку выкатилась медведица. Но и тогда не дрогнула рука у Василия Карповича.

А сейчас он стоял, опустив ружье, и побелевшими от страха глазами смотрел, как вырастал из сугроба, поднимался, придерживаясь обеими руками за валежину, Лешка. Как поднялся, наконец, как встал, по колена в снегу, с окровавленным лицом — падая, видно, ударился с наката о спасительный ствол, и было не разобрать: талый снег или слезы текут по его щекам.

— Ты чего это?.. Чего?.. Погоди... — торопливо бормотал Василий Карпович, не отводя глаз от приближающегося к

нему страшного Лешкиного лица. — Я же следом за тобой побег... Да не поспел, видишь... Сердце зашлось... Погоди... все тебе скажу... Ведь и стрелял-то, чтобы знак дать... Кричал я тебе...

— Стрелял, говоришь? Знак подавал? Волк старый, сволочь! — Лешка подошел вплотную к Василию Карповичу. Схватил его за расстегнутый на груди ватник. Тряхнул так, что у Василия Карповича жалко мотнулась обмерзлая борода. — А собака где? Небось, в зимнике привязал? Чтоб не помешала, не выдала? Нет, ты не мне, а всем мужикам скажешь, куда меня проводить хотел! Выйдем из тайги, скажешь... Да я бы тебе и здесь знак показал, так ведь собаку в зимнике не жравши сдохнет. Жаль ее! Ступай отвяжи... Слышишь?!

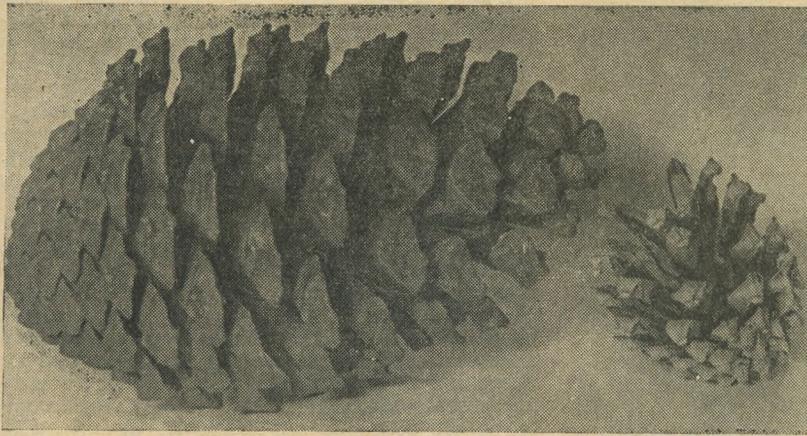
Трудно переставляя отяжелевшие ноги, Василий Карпович медленно направился к нахмуренным пихтам. Лешка тяжело смотрел ему вслед. А Василий Карпович, сжимаясь, будто в ожидании выстрела, уходил все дальше и дальше в тайгу. Шел он, петляя между деревьями, и взмокшей спиной чувствовал на себе гневные глаза парня. И казалось ему, что уже не один Лешка смотрит на него. Словно наяву, видел он молчаливых односельчан — охотников, видел их суровые и беспощадные лица. Видел лица тех людей, которые могут простить многое, но только предательство и подлость не простят никогда...

Следы
СООБЩАЮТ

Это дерево-кольцо растет на опушке леса, недалеко от села Покровского, Алапаевского района, Свердловской области.

Фото А. БРЫЛИНА

Сестры

Две сосновые шишки отличаются друг от друга! Малюсенькая — с обыкновенной сосны, очень распространенной в лесах Урала. Она — настоящая фабрика зеленого золота, содержит до двух граммов семян, из которых за 100—120 лет вырастут лесные массивы.

Большая шишка — детище довольно редкого вида сосны — пицундской, живущей на Черноморском побережье Кавказа и в Крыму.

Вес семян в шишке пицундской сосны иногда достигает 5 граммов.

А. КЛЕБАНОВ, инженер

Что за гриб?

В траве на опушке соснового леса, неподалеку от поселка Арти (Свердловская область) мы нашли этот странный гриб. Съедобен ли он и как он называется?

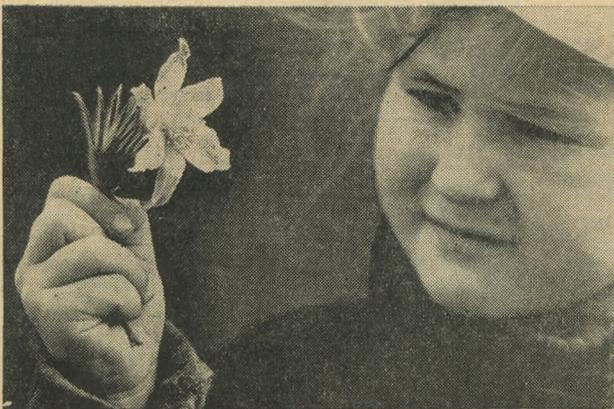
Отвечает лаборант-ботаник УФАНа А. Фирсова.

Русского названия этот гриб не имеет. Но есть латинское, которое в переводе означает — гриб с жестким покровом. Мясистая шляпка его никогда не загнивает. Центральная, или боковая, ножка как бы расщеплена на красивые жесткие пластинки.

Такие грибы (большинство видов) живут в тропических странах на гнилой древесине, реже — на живых деревьях. Ядовитых среди них нет. Некоторые даже можно употреблять в пищу.

Второе цветение

Этот подснежник я нашел в лесу на солнечной открытой поляне 20 сентября 1964 года.

Как появился весенний цветок осенью?

Сергей Михайлов, ученик 11-го класса.

Удивительное дерево привлекло внимание всех в нашем городе Артемовском. В сентябрьскую прохладную погоду среди красных гроздей рябины появились шапки белых цветов.

Почему это произошло?

С. Ермаков

Отвечает геоботаник Института биологии УФАНа М. Сторожева.

Второе цветение бывает у тех растений, которые закладывают почки для будущего года с осени. Например, у деревьев, кустарников, корневищных трав.

В те годы, когда осенью (в сентябре) долго стоит теплая погода, некоторые почки набухают и развиваются цветы.

Осенью прошлого года около Свердловска второе цветение пережили шиповник, купавки, калюжницы, ива, черемуха и рябина.

Ю. КУРОЧКИН

Операция „Баба“

Операция «Баба» была задумана еще в 1961 году.

За год до этого Агентство печати «Новости» распространило по газетам страны занимательную заметку «Утерянное сокровище». В ней, правда скомканно и путанно, излагалась история «Золотой бабы» — древнего идола северных народностей Урала. Хотя об этом идоле существует обширная литература, для широкой публики это выглядело как открытие. Прочитали заметку и в селении Нахрачи Ханты-Мансийского национального округа. Школьник Алеша Сургучев вспомнил, что он слышал от отца-охотника о какой-то статуе женщины, стоящей где-то у реки Конды. Правда, судя по рассказам, она не золотая, а каменная, но Алеша все же написал об этом в «Комсомольскую правду». Там его письмо попало в руки молодому археологу В. Лебедеву. И вот вскоре, 1 апреля 1961 года, в «Комсомолке» появилась статья В. Лебедева — «В поисках «Золотой бабы». Отрывки из нее стоит процитировать.

«При чем же здесь «Золотая баба», когда речь идет, видимо, о камне? Во-первых, место, указанное Сургучевым, совпадает с тем, которое указывает легенда,— как раз недалеко от слияния Оби с Иртышом.

Во-вторых... каменная статуя — не такая уж

редкость в археологии. «Каменные бабы» есть и в Причерноморье, и на Алтае, и в Монголии... Но на всей гигантской территории Западно-Сибирской низменности ни одного каменного изваяния не известно — это утверждают ученые-археологи. Все, кроме одного.

В начале нашего века хранитель коллекций Тобольского музея В. В. Пигнатти предпринял экспедицию на левый приток Иртыша — Конду. Первоначальной целью экспедиции были поиски «Каменной старухи», которой поклоняются ханты. Экспедиция летом 1910 года обследовала реку от села Нахрачи до устья, собрала этнографические, ботанические и геологические коллекции, но «Каменной бабы» не нашла.

«...3 августа мы были в юртах Сиглинских,— пишет Пигнатти.— Здесь долго и тщетно я искал проводника до Нюрковских с тем, чтобы они же указали путь к «Каменной бабе»... Все в один голос утверждали, что «Каменная баба» существует, но что дойти до нее летом нет никакой возможности, так как она стоит посреди болот, и только нюрковские жители знают к ней дорогу».

Позже прошел слух, что «бабу» разбили. Кто? Зачем? Этого никто не знал...

Я лечу на место действия.

Первый человек, который здесь слышал о «Каменной бабе», догнал меня в пути. Высокий усатый мужчина ввалился в избу, где я дожидался, пока сменят лошадей.

— На Полуденной горе у «Каменной бабы» вы не бывали?— спросил я.

— Нет, не бывал, а слышать — слышал... Вам бы с Вайветкиным поговорить, вот уж он там все дыры облазил...

Вайветкина не было дома. Зато на другом краю деревни в недавно срубленном доме я застал Дмитрия Матвеевича Глазырина, сухощавого темноволосого человека лет сорока пяти, и его зятя Сергея Конюхова. Это были «последние из могикан», побывавшие на Полуденной горе. Вечером сюда же зашли и Иван Савельевич Вайветкин и старый охотник-манси Степан Федорович Кумышев. Они мне рассказали многое...

Правый берег Иртыша называется Северной стороной, левый — Полуденной. Полуденная —

Наташа

огромный массив тайги, тянувшийся от Конды до Ханты-Мансийска. Его прорезает речка Кама, отсюда берет свое начало и левый приток Камы — Хой.

На высоком мысу, образованном Хоем, долгое время возвышалась двухметровая глыба серого камня, напоминающая фигуру женщины. Ни один ханты не ходил раньше охотиться, не умиловив старую хозяйку горы, Или монетой, или едой — все равно. Иначе не будет удачи.

А по бокам старухи стоят ее сын и дочь...

Но пришли недобрые люди. Кто они? Назвали себя «культурными охотниками»: барон какой-то немецкий и некто Сидельников... Пришли, обкопали «бабу», хотели вывернуть — только наклонили. Отбили у нее нос, грудь и уши. Было это в 1913 году. А теперь уж она совсем легла.

Спрашиваю у Кумышева, который был в свое время проводником у Сидельникова и барона:

— А зачем же они разбили «Каменную старуху»?

— Искали чего-то... Копали сначала, вывернуть хотели... Потом Сидельников ей грудь и нос отрубил.

— А какой раньше она была?

— Сидела, как человек... По пояс видно...

Мечта увидеть «Каменную старуху» зимой казалась заманчивой. Но добраться до изваяния мне так и не удалось...

В заключение статьи автор писал:

«...нужна подробная археологическая разведка горы Полуденной. Я уверен, что там, среди болот и топей, затерялся один из интереснейших памятников исчезнувших культур. Летом этого года на Полуденную гору состоится археологическая экспедиция».

Такая экспедиция не состоялась. Но статья попала на глаза молодому инженеру Уралмашзавода Михаилу Шаравину, заядлому туристу. Мишу она заинтересовала больше всего тем, что в ней шла речь о его родных местах (сам он — уроженец деревни Камы, жил там до 1951 года). И, решил он, — поскольку обещанная в статье археологическая экспедиция не состоялась, — почему бы не организовать поиски идола силами туристов?

Туристы, конечно, народ более быстрый на подъем, чем археологи. Летом 1963 года самодеятельная туристская экспедиция под руководством Миши Шаравина вышла в путь. Операция «Баба», как назвали они свой поход, началась.

Дружные ребята

Состав экспедиции был довольно пестрым. Обычно идут в поход ребята и девочки одного класса, одного курса — почти ровесники. Здесь возраст колебался от 18 до 28 лет: недавняя школьница и инженер, молодой врач и опытный мастер, бывалый охотник.

Начальником единогласно утвердили Мишу Шаравина, инициатора похода. Что еще желать: инженер-конструктор, бывалый турист, хорошо знает места, где развернется «операция», спокойный, уравновешенный, рассудительный человек.

Вакантную должность главврача заняла профессиональный медик — Лариса Кокарева. Она только что получила диплом, и, есте-

Валерик

Гоша

Миша

Река Хой

По Согому

Стариков мыс на Согомском соре.

ственно, ей не терпелось проверить свои знания на живых объектах. «Объекты» поэтому поглядывали на нее с опаской, но на утверждение ее в должности эскулапа все же согласились.

Завхозом назначили Игоря Шестопалова, радиоинженера из Свердловска. В походах бывал не раз, знает, почему в тайге щепотка соли и фунт лиха, у такого зазря лишнюю банку тушонки не вытянешь — и не проси. Зато рассчитает все — до грамма: и на весь поход хватит, и лишнего груза нести не придется.

Еще одним главным стал Валерий Печенин, инженер-металлург из Запорожья. Уроженец далекого нижеобского городка Березова, он к ружью привык с детства. «Вот и будь, — сказали ребята, — главным охотником, благо сам говорил, что на твою двустволку даже вороны сами садятся». Флегматичен, нетороплив, любит поспать — и зверю и птице это тоже, наверное, понравится.

Гоша Белоногов, тоже инженер, самый старший из всех по возрасту, но самый младший по туристскому стажу, получил звание главного физорга. Его сестра Наташа, самая юная в группе, стала главным фольклористом. Мастер из Запорожья Рудик Петерсон — главным политпросветчиком. Лишь жена Миши Шаравина, Тамара, была просто участницей — зачем раздувать административно-управленческий аппарат, и, если все главные, то кем же руководить: нужен хоть один руководимый.

Распределив посты и решив десятки других, не менее важных задач, 10 августа, в воскресенье, группа выехала в Тюмень.

Бабушкин адрес

От Тюмени до Тобольска ехали в автобусе — это быстрее, чем пароходом. А дальше до Пристани Тюли, что в устье реки Камы, недалеко от Ханты-Мансийска, — на «Ракете» (опять-таки выигрыш в скорости: на «Ракете» — 10 часов, пароходом — двое суток!). Оттуда местный теплоходик довез до деревни Кама. Это уже то, что мы привыкли считать глушью, медвежьим углом — деревенька, «затерянная» в прикондинских болотах, при слиянии Конды и Камы. Да-да, Кама. Не той, которая... а той, что малоизвестна и которую далеко не на каждой карте найдешь.

Как же получилось, что имя великой приуральской реки носит еще одна речка, далеко (километров 600—700 по прямой) отстоящая от нее — по другую сторону Уральского хребта? И пути этих рек разные: одна течет к Волге и Каспию, другая — к Оби и Ледовитому океану. И история несхожая. И обликом друг на друга непохожие. А вот имена одинаковые. Почему?

Оказывается, когда-то северные племена, переселяясь с западного склона Урала на Восток, захватили с собой «на память» и имена родных рек. Кама тут в этом отношении не одинока. Среди притоков Конды есть Вачкур (которому в Прикамье соответствует Вачкур), Муртомья (Муртым — в Прикамье),

Улья (Уль), Лемья (Лемья тут и там), Касынья (Казым). Предполагают даже, что величественная Обь, впадающая в океан, собирательница тысяч притоков, прототипом своего имени имеет скромную Обву — приток приуральской Камы.

А что касается «медвежьего угла», то установлено, что в Москве медведей больше, чем в деревне Каме. Скажете, территория не та? Возьмите такую же в радиусе от центра Камы, и все же Москва возьмет верх — там в зоопарке куда больше. К тому же учтенные, чуть ли не с паспортами. А около Камы если и появится какой заблудящий Топтыгин, там его сразу же приволокут... на пушной заготпункт.

В Каме есть клуб, магазин, медпункт, почта и прочее.

Экспедицию гостеприимно встретили родные Миши Шаравина, соседи, знакомые. Конечно, пошли расспросы, ибо сам Миша, хотя и слышал с детства о Полуденной, о Согоме, но о Старухе — не приходилось. Выяснилось, что и вообще мало кто знает о ней — не пользуется популярностью «Старуха», или «Каменная бабушка», как еще здесь называют ее. Редко кто ходит на Полуденную — хорошие места для охоты есть и поближе. Кажется, последний, что побывал там, — Сергей Конюхов. Лет за восемь до этого он набрел на «Бабушку». Нашел ее уже поваленной, полузросшей. Особого почтения она у него не вызвала — камень как камень. Развел на ней костерок, топор поточил о ее туловище.

— Адрес «Бабушки», значит, знать хотите? — переспросил Конюхов, хитро прищурясь. — Адрес-то простой: река Хой, гора Полуденная, Старухин мыс, в собственные руки... Да вот дойти туда, ребята, нелегко. Хлебнете забот...

Но пугать туриста трудностями — только разжигать его любопытство.

— Ну, тогда, значит, так... По Каме и Хою вроде прямее, но завалов на реке много, вода сейчас малая, но лодки вас, а вы лодки тащить будете. А на моторке и совсем не пройти. Идите-ка лучше через Тентим, по Согому. Также не асфальт, но полгече путь-то. А что в обход, так ведь недаром говорят: «Напрямки ходить — дома не ночевать»...

Маршрут пришлось переработывать. Теперь он выглядел так: по Каме до озера Лебезова, потом через Тентимский сор и другое озеро — Суруптор — в реку Согом, по ней до Согомского сора, а из него по системе маленьких озер, соединенных протоками, можно попасть к Полуденной горе.

— Там уж недалеко. Только тес старый найдете, он вас и приведет прямо к «Бабушке».

Вроде все ясно. Прямо, как в адресном бюро.

Флотилия идет к цели

Но ясность указаний таежного адресного бюро, конечно же, была весьма относительной. В натуре это выглядело гораздо сложнее.

Вначале все шло хорошо. Флотилия из одной моторки и прицепленных к ней четы-

Тамара

рех осиновок двинулась вверх по Каме, здесь довольно широкой и чистой от завалов. Но километрах в пяти от Лебезова подвела техника — поломался мотор. Флотилия уменьшилась на одну списочную единицу. Груз из моторки разложили по осиночкам и дальше пошли на веслах.

Да если бы только на веслах! Завалы стали попадаться чаще и чаще. Где в обход по берегу, а где прямо по валежинам, плотно перегородившим реку, перетаскивали лодки и груз на себе. Кроме неожиданных перетасков — были еще и «плановые»: волоки от озера к озеру. Эти ничуть не лучше. Во-первых, их надо искать. Да еще как! — часами бродить по болотистым берегам в надежде наткнуться на единственное возможное для волока место, когда-то проторенное охотниками, а ныне заросшее «мелкачом» и травой. Полученные в «адресном бюро» приметы не помогли: пожары изменили местность на свой лад. А, во-вторых, тащить километр-два на себе лодки и груз по болотам и кочкам, продираясь сквозь кусты и коряги, сквозь комариные тучи, — тоже не мед.

14 августа дежурный по дневнику Гоша Белоногов записал на отведенных ему страницах походной тетради:

«Небесная канцелярия».

Аллаху.

Жалуюсь тебе, о Аллах, если ты существуешь! А что ты существуешь, сегодня утром меня убедил наш начальник Миха, сказав: «Иди ты,

знаешь ли, к Аллаху!». А жалуюсь я тебе, во-первых, на того самого Миху, который сманил нас искать в таежных дебрях какую-то Каменную

На волоке

Старуху и завел в такую глушь, куда никакой Макар никогда телят не гонял, и ведет нас еще дальше целыми днями, без передыху, охотничьи ми тропами, о которых уже забыли и сами охотники, и извилистыми запруженными речками, где на каждом километре по 40—50 поворотов. Утром Миха поднимает нас чуть свет, отдыхать в пути через каждые полчаса не позволяет, постоянно ворчит, что идем медленно, часто останавливаемся, мало едим, много спим и т. д.

Во-вторых, жалуюсь я тебе на комаров и мошек, что наплодил ты здесь на наши шеи. Что они кровопийцы, мы знали еще в детском садике, но таких лютых зверей до этого не встречали. Кондинские комары — это, очевидно, помесь крокодила с ягуаром: по кровожадности с ними, конечно, никакие другие не сравнятся.

Потом жалуюсь я еще на нашу группу — завхоза нашего, рыжебородого пирата Игоря, главного врача Лариску, главного охотника Валерку, главного культпросветчика Рудика и не имеющих чина Тamarу с Наташей. Жалуюсь на

ФУТБОЛИСТЫ-ПОДПОЛЬЩИКИ

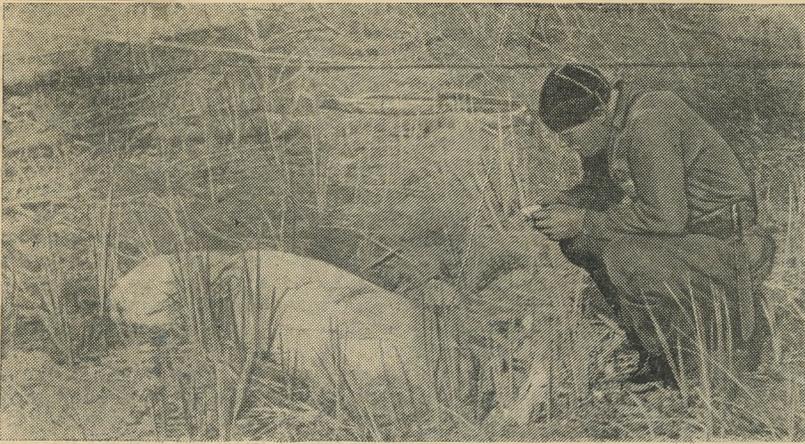

В Миньяре, Челябинской области, живет ветеран революционного подполья Николай Михайлович Воропанов. Он в 1905 году вступил в РСДРП и стал активным членом боевой дружины миньярских большевиков.

Сначала Николай Воропанов изготовлял вместе с товарищами самодельные бомбы, затем поехал на курсы «бомбистов» во Львов. Оттуда привез в Уфу «фрукты» — три корзины маузеров, браунингов и патронов.

У Николая Михайловича хранится фотография первой футбольной команды городских железнодорожных мастерских. Сделана она в 1907 году, но свою жизнь команда начала раньше. В те годы в Миньяре среди рабочих стала распространяться запрещенная политическая литература. Но где собираться и читать книги: за каждым шагом следят жандармы? И тогда решили создать футбольную команду. Раздобыли правила и руководство для игры, соорудили площадку, установили ворота, сшили мяч и начали «тренировки». Никому из начальства и в голову не приходило, чем на самом деле заняты рабочие. Нужны были соперники, и футболисты поехали на станцию Кропачево, потом дважды в Уфу. Во время спортивных встреч выполняли различные поручения партии.

А. КИШКИН

Вот она!

то, что они, покинув наш гостеприимный Свердловск, вязались в это мероприятие и даже еще рады этому.

А еще жалею я на себя, о Аллах! И зачем это я, великий грешник, увязался за ними, кормлю комаров собственной кровью, мучаюсь, ведя свою осиновку по извилинам Согома, насажаю, перетаскивая ее на себе по волоку, да еще и дальше иду вперед, не собираясь, как это полагалось бы правоверному, бросить все и повернуть обратно. Такой уж я олух царя небесного».

Записывая все это в дневник, Гоша рассчитывал потешить ребят. Нельзя сказать, что он преуспел в этом — день выдался трудным, и было, пожалуй, не до смеха. Пока Гоша истощался в остроумии, ребята тоже захрапели, веселить стало некого. Перечитав написанное и пофыркав в кулак, Гоша тоже залез в спальный мешок...

Но вот и Суруптор — последнее озеро перед рекой Согом. Можно и отдохнуть, спокойно пройдя его 10-километровую длину.

Спокойно?..

«Только вошли в Суруптор,— записывал в дневнике Рудик Петерсон,— как поднялся приличный ветерок и устроил довольно неприличные волны. А запас борта над водой у наших лодок мизерный — всего лишь 5—7 сантиметров. Тут и мышь рядом проплывет — заметно. Пришлось идти не напрямик, а вдоль подветренного берега, под его защитой».

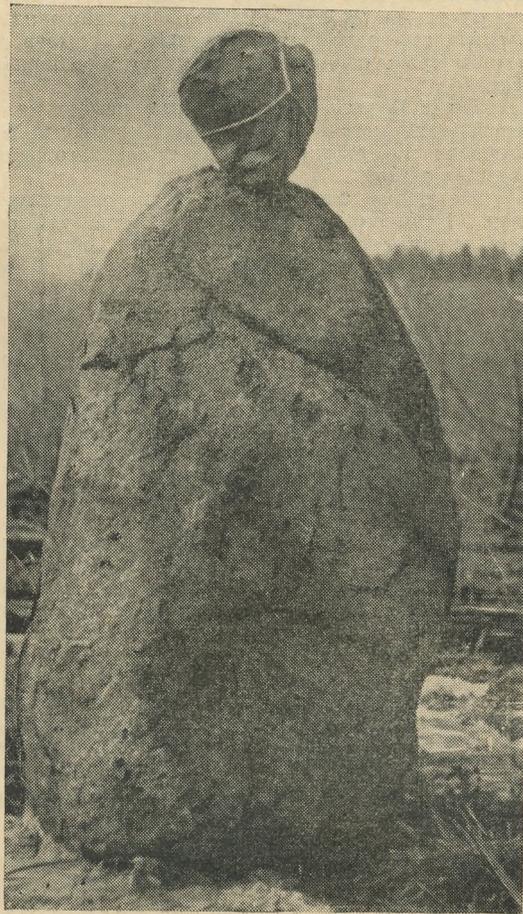
Зато, когда вышли на ветер, мы сделали гениальное открытие. Вернее говоря, мы его заимствовали у наших далеких предков. Мы открыли, что по озеру можно плыть... под парусами! Соединяем лодки вместе, устанавливаем мачты из весел, поднимаем парус из штормовок — и наша бригантина катамаранного типа с гордо поднятыми парусами быстро преодолевает озеро».

И снова протока, последняя перед рекой Согом. Но какая же она неудобная! Вереница бесконечных петель, словно запутанный клубок ниток,— на одном километре расстояния по прямой «спидометр» лодок накручивает 4—5 километров. Берега болотистые, неприятные, пристать негде, налево — «львы» (так здесь называют покрытые тонким слоем

воды болота), направо — кочкарник с «окнами», в которые если попадешь, то пиши — пропало. И Согом где-то рядом, и где-то должен встретиться борок — небольшая возвышенность с сосняком, и сил уже нет, да и вечер... Перспектива оказаться ночью на воде не радовала. Так и заночевали в реденьком болотистом березнячке... в нескольких километрах от Согома. Все же, хоть и относительная, но твердь.

Согом — быстрая и довольно глубокая речка, но по прихотливости извилин не от-

Каменная старуха позирует.

В гостях у «Бабушки».

стала от других своих прииртышских сестер. Не порадовала она и изменением пейзажа — те же луга да болота и направо и налево. Однако плыть можно...

И плыли. Кормя комаров и подкармливая мошек, отмеривая по извилинам километр за километром, оглядывая невысокие безлюдные берега...

Стоп! Безлюдные? А что там, невдалеке — словно бы копны свежескошенного сена? Не медведи же устраивают себе сенозаготовки. Близко люди!

Но людей встретили только на следующий день. Колхозники из деревни Согом, той самой, куда держит путь флотилия, обрадовались: не часто в этих краях встретишь свежего человека.

Вдоволь наговорившись, помогли колхозникам убрать недавно накошенное сено и к вечеру торжественно — на буксире у колхозной моторки — прибыли в деревню. Это уже, меряя здешними масштабами, совсем близко от «Старухиных мест».

Потерянный тес

— Недалеко, — подтвердил старый охотник Сергей Сургучев. — Согомский сор переплывете, от него речкой Верхней до озера Верхнего же доберетесь, а из Верхнего по реке Широкой до озера Безымянного. Тут и конец воде, дальше посуху пойдете. Старым тесом. Он и приведет к Старухе.

Все ясно. Как в справочном бюро: трамвай такой-то... Почесали в затылках, порасспросили о деталях и... попросили проводника. Что ж, можно и проводника. Условились: на том берегу Согомского сора встретит рыбак. Он и доведет.

Это уже надежнее.

Вечер в Согоме ушел на разговоры с охотниками. Главным образом, конечно, о Старухе.

Рассказал Сургучев. Рассказал старик

Пагилев. Нового, по сравнению со статьей в «Комсомольской правде», мало.

...Нашли де ее старики. Давно. Кто ее сделал, как она туда попала — неизвестно. Стояла будто на каменном основании. Хотя и грубо обтесана, но ясно видно, что женщина. На руках ребенок маленький... Был. А сейчас нету. В 1905 году (в газете написано в 1913 году) купец (в газете — «некто»). Сыромятников (в газете — Сидельников) хотел увезти ее с собой, но только уронил да испохабил — куски отбил зачем-то. Такой ее Пагилев и увидел в 1926 году. Но она еще не совсем лежала, кто-то из охотников уж позднее «добил» Старуху — костры на ней разводили, топоры об нее точили.

А почему она именно там поставлена — разве ж непонятно? Место возвышенное, сухое, зверь туда часто приходит, глухари слетаются гальку клевать, — самое что ни на есть охотничье место. Тут, в благодарность богам своим, и поставили ее древние манси.

— А вот еще «Конь» есть, — сказал Пагилев. — Про «Коня» слыхали? То-то. А есть таковой. Каменный тоже. И тоже богом служил. Там же, недалеко, в болоте островок маленький — на нем и стоял он когда-то. Только что-то давно уже охотники его найти не могут, видно, утонул в болоте.

Это уже нечто новое. Семейство ненайденных богов увеличивалось.

— Да еще «Стариков мыс» есть. Значит, и «Старик» какой-то был, — добавил кто-то.

Прямо таежный Олимп!

...С проводником-таки разминувшись. И, заглядывая в тетрадь с подробной записью примет маршрута, пошли одни.

Водная часть пути была спокойной — на воде заблудиться трудно. Можно сказать,плыли даже с комфортом: по озеру Верхнему — под парусами, а по речке Широкой (действительно широкой и спокойной) — под песню «Вдоль да по речке, вдоль да по широкой...» В конце водной части маршрута как нельзя кстати встретилась избушка — новая, отличная! Заночевали. А утром...

Нет, утром главным было не то, что их несколько раньше намеченного часа разбудил... медведь, набредший на избушку и недвольным ревом возвестивший подъем (устроили погоню за ним, но не догнали). И не то, что на удивление быстро нашли старый, уже заплывший тес, ведущий прямо к Старухиному мысу, а то, что... его потеряли.

Тес! Жителю города это слово не говорит ничего. Но как многозначительно оно в тайге! Важнее, чем улица в городе, увещанная табличками и указателями, просматриваемая далеко вперед и назад, с приметными, издали видными ориентирами. В городе, если потерял нужную улицу, есть кого спросить: «Язык до Киева доведет». А в тайге спросить некого. Ничего не расскажут прохожему немые ее жители — вековые замшелые деревья.

Но, оказывается, они могут «заговорить». Разведав дорогу к богатому охотничьему угодию, к гостеприимной лесной избушке, к жильельному роднику, бывалый таежник оставляет вдоль пути на деревьях затесы. Эти заметные знаки, расположенные в 50—100 метрах друг от друга, в пределах видимости, и выведут путника к цели. Потерять в глухома-

ни тес — столбовую дорогу тайги — иногда равносильно гибели. Особенно, если ты в этих местах впервые, а места далеки от человеческого жилья. Тес говорит: вот я, не теряй меня и иди смело вперед!

Так вот, на другой день, переплыв сор и оставив там лодки, ребята отыскали указанный им заранее тес, бодро и уверенно пошли по нему, как по городской магистрали, а затем... потеряли его. Тес исчез!

То ли упали, поверженные временем, несколько деревьев, несущих заветные знаки, то ли пожар или бурелом повалил их, а может заплыли старые затесы смолой, поросли мхом и стали не заметны, только не стало теса — и все тут...

Недавно еще казавшаяся приветливой и оживленной, тайга как бы насупилась, стала угрюмой и недоброжелательной, злоеще молчаливой. Подавленные неприятностью, растерянные и огорченные замолкли и ребята.

Таежное диво

Хорошо, что догадались не упустить конец теса, «сесть ему на хвост», чтобы в случае чего суметь вернуться и не заблудиться совсем. Разбившись на группы, разошлись по лесу, в пределах видимости друг друга, и принялись барражировать местность,

Такими вернулись в Каму.

тщательно осматривая каждое дерево — стоящее и лежащее.

Метр за метром прочесывается тайга, не пропущена, кажется, ни одна колодина, ни один сантиметр коры лесных великанов, а заветных знаков нет и нет.

Когда, казалось, была потеряна всякая надежда и все настойчивее приходила мысль о возвращении на базу, возвращении пусть бесславно, но неизбежном, откуда-то из глубины леса раздался восторженный вопль:

— Тес?!..

И вот уже видна возвышенность над болотом, не такая уж высокая, но по здешним местам необычная, уже в просветы мелкокосясь мелькают знакомые по рассказам склоны «Старухино мыса»... Цель близка. «Да здравствует Старуха!».

Но она еще не сразу далась им в руки. Вскоре опять потеряли тес. Но теперь цель видна и без него, не заблудишься.

Однако, когда забрались на вершинку, на этот «пузырек земли» в море таежных болот, то увидели, что вершинок-то, собственно говоря, несколько. И какая из них «та», а какая «не та» — угадать трудно. Но именно эта цепочка вершинок и носит имя Полуденной горы, хотя, строго говоря, это не гора, а возвышенность. А та часть ее, что спускается в болото, ведущее в сторону Хоя, и есть Старухин мыс. Кстати, сам Хой, приток Камы, отсюда не близко — километров пять-шесть (а Лебедев в своей статье уверял, что Старухин мыс образован излучиной Хоя!).

В торжественном молчании остановились ребята на вершине. Даже говорить хотелось шепотом, чтобы не разбудить древнее чудовище. «Она» где-то здесь! Близко.

Но где? Вот уже час и другой обшаривают ребята каждый клочок земли, каждый кустик, каждую складку местности. «Бабы» нет — как провалилась. Пробовали даже аукаться — не надоест ли ей прятаться, и не окликнется ли она. В конце концов, это невежливо: к ней пришли в гости, а она...

Шутки шутками, а Старухи-то все же нет как нет. Возвращаться назад ни с чем? Инициатор похода Миша Шаравин чувствовал на себе вопросительные, недоумевающие взгляды ребят.

И только спустя несколько часов в 300—400 метрах от места поисков именно Миша-то и нашел ее.

На его крик сбежались в момент. И остановились вблизи, несколько разочарованные увиденным. Так это и есть «она», числившаяся по рассказам двухметровой каменной статуей женщины на мощном каменном постаменте?!

Из земли выглядывала плоскость какого-то камня. Едва ли большого. Едва ли похожего на хотя бы часть статуи, по крайней мере такой, какие мы привыкли видеть в музеях и в художественных альбомах. Вокруг большого камня лежало несколько других, мелких.

Но все-таки это была она, «Каменная старуха», то самое, ради чего они шли сюда. Поверженная кем-то когда-то на землю и полужаросшая травой и лишайниками, полуразбитая, со следами отколов и трещин, она словно прилегла отдохнуть.

Камень откопали, подняли и поставили.

Никакого постаментов под ним не оказалось (охотничьи рассказы издавна славятся преувеличениями).

Это туловище. Конечно, не торс Венеры Милосской, ее далекой и более изящной родственницы... Но, несомненно, женский торс, хотя и покалеченный чьей-то недоброй рукой. А что до красоты, то у разных народов в разное время бывали разные представления о ней. И древние скифы, расставившие тысячи «каменных баб» по степям Средней Азии, возможно, видели в этих примитивных изваяниях вершинные образцы своего искусства.

Это туловище. А где же голова?

Подобрали осколки камней, лежавшие около «Старухи», попробовали приладить их друг к другу. И вот она, голова! Скуластая, угловатая, топорная голова таежной «красавицы».

Правда, голова почему-то сделана из другого материала. Туловище — из серой кристаллической породы вроде гранита. А голова — из красноватого тяжелого камня. Стрелка компаса около нее «гуляет» — значит, какой-то железняк, руда.

И пока изваяние приводится в божеский вид, пока его устанавливают, приставляют к нему перевязанную веревками голову и фотографируют с разных точек, стихийно вспыхивает «научная дискуссия». Вопросы, догадки, загадки...

Как она попала сюда? Когда? То ли привезли ее древние насельники края после одного из своих походов в южносибирские степи, где таких «баб» всяких видов и размеров множество? То ли не так уж давно откопал здесь поблизости какой-то охотник редкий в этих местах камень, вытесал из него в меру своих способностей фигуру идола и поставил ее в благодарность богам за удачную охоту...

А почему голова из другого камня? Может быть, она откололась некогда при транспортировке и эту, новую, вытесали из подручного материала? А может в том, что она из другого материала, тоже скрыт какой-то смысл, какой-то символ? И еще — откуда этот железняк? Нет ли поблизости богатого рудного месторождения? Может быть, идол — лишь условный знак, примета его?

А чем объяснить, что в этом районе намечается что-то вроде таежного Олимпа — жилища богов? Кроме Старухино мыса, «штаб-квартиры» женского идола, есть еще Стариков мыс на Согомском соре. Может быть, там стоит мужской идол — Старик? Местные жители говорят, что на мысу есть следы древнего городища.

А «Конь», о котором рассказывал Пагилев? Тоже ведь какой-то идол. Кстати, он где-то близко. Где? Ага! Метрах в 300—400 от Старухино мыса в болоте заметным пятном выделяется кедровый островок. Именно на него и указывал старый охотник. Но добраться туда сейчас едва ли возможно. Придется отложить до другого визита сюда. А интересно было бы посмотреть и на этого таинственного идола, совсем, кажется, неизвестного в специальной литературе.

Словом, вопросов много. А ответить на них некому — молчит лес. Молчит «Каменная старуха».

О том, чтобы увезти ее с собой, не может

быть и речи: без вертолета не обойтись. Ну что ж, Старуха, стой пока здесь, как стояла прежде, придет и твое время переехать в город, в музей.

А пока составим на тебя акт, того требуют интересы науки. В бутылку из-под шампанского кладется письмо.

«1963. 22 августа.

Мы, группа туристов г. Свердловска, под руководством М. П. Шаравина сего числа нашли «Каменную бабу»... (Далее следовало подробное описание ее)... Убедительно просим всех, нашедших ее, не разрушать это древнее изваяние и не растаскивать камни, сложенные у подножья»...

Здесь же в виде «жертвоприношения» поставили банку из-под сгущенки, наполненную использованными проездными билетами. Это, как видно, первое «жертвоприношение» идолу после долгого перерыва.

Ну и прощай, Старуха! Когда-то еще снова придется встретиться с тобой. Но встретимся обязательно. Ведь точный адрес твой теперь известен.

А пока — пора в обратный путь. График! Да и продукты к концу. Домой, домой! Чтоб побыстрее сообщить о находке всем тем, кто ею интересовался.

Крокодил от хвоста до головы

Но еще целых семь суток прошло, прежде чем довольные находкой ребята добрались до деревни Камы — исходного рубежа операции «Баба».

Иные шутники любят задавать невинный вопрос: «Какова длина крокодила от головы до хвоста?», чтобы вслед за тем задать другой, каверзный: «А от хвоста до головы?» И не знают они, эти шутники, что и в шутке есть немалая доля правды.

Да, от деревни Камы до Старухино мыса один путь, а от Старухино мыса до Камы — другой. По крайней мере, на этот раз.

Обратно решили идти не по Согому, а по Каме, чтобы разведать и этот путь — по карте он выглядит короче.

Он и в самом деле короче. Но тяжелей. Завалы на Каме почти полностью парализуют реку, особенно в пору малой воды. А река нужна — она здесь единственная транспортная артерия, связывающая заготовительные базы пушнины с районами заготовки ее. И не поэтому ли деревня Ньюкой на Каме (недалеко от устья Хоя) «самоликвидировалась» — обезлюдела? А некогда это было доброе гнездо промысловиков.

И если летом, в мелководье, река из-за завалов просто непроходима, то весной — опасна. Где-то сверху полье воды сорвет один из завалов, понесут перепуганный вал древесины вниз — на другой, тот — на третий, и бросится вся лавина на чистое судоходное место. Тогда берегись! Сомнет, разобьет в щепки зазевавшуюся лодку или катерок. Был же случай, когда одна самоходка попала в такой переплет и вначале попробовала было спастись бегством, но, слава богу, догадалась и выбросилась на берег у какой-то протоки.

Но Каму возрождают. Уже гремят в ее низовьях взрывы — речники расчищают зава-

ды. Уже все выше и выше по реке слышен рокот моторок и пыхтенье катеров. Скоро Кама снова «войдет в строй».

Так вот, по Каме-то и собирались вернуться домой ребята. Ведь если придется наведаться к Старухе в гости снова (а, что скрывать, дума об этом родилась в первый же день обратного пути), то тогда Камой будет идти вернее. И дорогу нужно разведать заранее.

Зато и намучились же!

Системой озер, соров и протоков с Согомского сора экспедиция пробиралась до Камы несколько дней. Тяжелых, многотрудных, полных приключений.

«Наше продвижение по речке Зимней трудно даже назвать плаванием,— записал в дневнике Миша Шаравин.— Речка заросла кустами, часть перегороджена завалами. Приходится перетаскивать лодки то прямо через них в обход — то по берегу, когда это возможно. Русло то и дело петляет, и редко видишь за кормой нос следующей за тобой лодки. А иногда голоса с задней лодки слышишь... впереди себя».

Была и новая встреча с медведем, на этот раз небезопасная. Хозяина тайги увидели на дереве — то ли мед искал, то ли окрестности оглядывал. Но и он, конечно, увидел гостей. Дуэль взглядами кончилась дробовым выстрелом одной стороны и страшным ревом в ответ — другой. Мишка чурбаном слетел с дерева и бросился к реке. А там Лариса рыбу чистила. Конечно, завизжала. Медведь встал на дыбы и — к ней: чего, дескать, шумишь, сам, мол, умею... Неизвестно, чем бы это кончилось, но на шум из-за кустов появился главный охотник — Валерий Печенкин в своем ярко-красном плаще. Цвет плаща привел зверя сначала в замешательство, а потом в ярость. Но, поняв, что единоборство опасно, Мишка с громким ревом бросился бежать.

Было и неприятное ЧП. На одном из привалов разожгли костер, развесили сушить одежду и вещи и пошли искать перетаск. А спустя немного времени услышали взрыв. Когда прибежали, то увидели: пожар! От костра в наветренную сторону выгорела площадка в 80—100 квадратных метров. Жарко горели

бревна избушки. Дымились обгорелые рюкзаки. Валялись остатки того, что недавно было ружьями. Взрывом «патронного рюкзака» разбросало хранившиеся в нем же документы, карты и дневники...

Подсчитали потери. Палатка, три ружья, пять рюкзаков со всем «бараклом», бинокль, фотоаппарат, топор, компас, продукты. Удалось спасти часть крупы и муки, немного сахарей и масла да еще соль. Обгорел, но для обмена был еще годен, Мишин паспорт. От дневников сохранилось немного.

Поэтому дальнейший путь был труден вдвойне: потеря продуктов, одежды и снаряжения заставляла торопиться изо всех сил. Хорошо еще, что поддержал «подножный корм» — рыба, грибы, ягоды. И когда через два дня (ох, каких нелегких!), грязные, оборванные, голодные, увидели озеро Лебезово, где в начале похода оставили моторку, то вздох облегчения был единодушным и громким. Снова дома! Хотя до «дому», до деревни Кама, еще хорошие сутки.

Что и говорить, поход был не из легких. Но был ли бы он интересным, если бы был легким?!

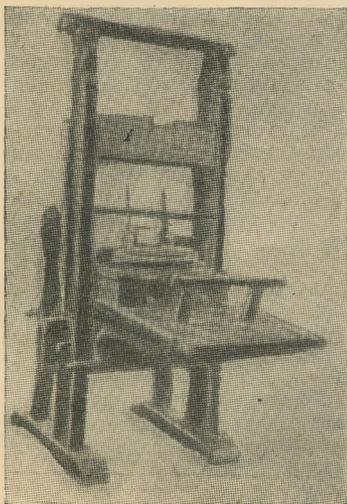
Операция «Таежный олимп»

Да, таинственную «Каменную старуху» удалось найти, но не удалось, конечно, привезти с собой, не удалось познакомиться и с другими богами, нашедшими себе приют в этих краях, собрать о них подробные сведения для ученых.

Но в чем же дело? Разве утасла страсть к новым походам, пусть еще более трудным, но не менее интересным?

Разве растрочен весь порох в туристских пороховницах? Есть он, есть! И будут еще походы, будут новые встречи с таежными идолами, будут новые открытия и находки.

И, по секрету скажем вам, будет новая операция. Операция «Таежный Олимп».

Музейные редкости

Печатный станок XVI-XVII веков

С именем первопечатника Ивана Федорова связан редкий экспонат Львовского государственного исторического музея — деревянный типографский станок. На нем, вероятно, печатались книги Ивана Федорова «Апостол» и «Грамматика».

д. в.

«Департамент государственной полиции отношением от 29 минувшего июля за № 4554 уведомил Пермского губернатора, что по докладу г. Министра Внутренних дел обстоятельств дела о состоящем под гласным надзором полиции в Перми политическим ссыльным дворянине Владимире Галактионове Короленко, отказавшемся ныне от принятия присяги на верность подданства государю императору и наследнику престола, его сиятельство изволил признать необходимым выслать Короленко, ввиду обнаруженного им враждебного настроения, в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири для водворения его на жительство во вверенном ему крае под надзор полиции...»

Вечером 15 августа 1881 года жандармы доставили В. Г. Короленку в Тобольск. Несмотря на то, что он пересылался в административном порядке, тобольские власти заключили писателя в одиночную камеру военно-каторжной тюрьмы как опасного преступника.

— Оттуда меньше видно. Мы не любим, когда о нас пишут,— объяснил полицмейстер.

Из разговора со смотрителем Короленко узнал, что 19 августа мимо Тобольска пройдет баржа с политической партией, с которой, наверное, отправят и его. Но баржа прошла, а писатель продолжал томиться в одиночке.

— На меня нашла тоска,— вспоминает В. Г. Короленко.

*Императору и Наследнику
престола, Его Величества
изволившему признать свобод-
ными воссаять Короленко,
ввиду обнаружения им
враждебного настроения,
в распоряжение генерал-губер-
натора Восточной Сибири
для водворения его на жительство
во вверенном ему
крае под надзор полиции
Величеством Своим, при этом
изволившем официально Курован
наместнику Превосходитель-
ству, в сопровождении
двух жандармов, с на-
каза на имя г. Восточ-
ного генерал-губернатора
Восточной Сибири
Секретаря Императорского
двора, с извещением*

*на которого вновь изволил не оказывать внимания
(что о том же, так как, вероятно, имел место, и
тому быть первоначально известным о состоянии партии
а для меня пересылка требуется отдельное помеще-
ние).— Позволю мне присоединить к этому про-
шению, так как Вышеописанное имеет на
судимости, как же, если бы со дня на день случилась,
оказаться в тюрьме (там, конечно, не было бы
никакого года!*

Владимир Короленко.

Тобольск, 20 Августа 1881 г.

В отчаянии он подает заявление начальнику Тобольской губернии:

«Я имел честь просить Ваше Превосходительство при личном свидании о возможно скорейшем отправлении меня в дальнейший путь и получил ответ, что не буду задержан более 2-х или 3-х дней. Господин полицмейстер сказал мне, что если на ближайшем пароходе, который должен был прийти в среду (19 августа), не окажется места, то я немедленно же буду отправлен на почтовых. Между тем пароход пришел и ушел, места, очевидно, не оказалось, и я не вижу ни малейших признаков близкой отправки. Мне предстоит неблизкий путь, теперь осень, и, без сомнения, очень много значит воспользоваться для пути настоящей погодой, не говоря уже о том, что если мне придется отправиться в какое-нибудь из отдаленных мест Восточной Сибири, то я рискую из-за нескольких дней опоздания просидеть целые месяцы в тюрьме в ожидании, пока откроется путь. Ввиду всего этого имею честь просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об ускорении моей отправки, не дожидаясь парохода, который придет только через неделю и на котором вновь может не оказаться места (что очень легко, так как, сколько мне известно, я не могу быть пересылаем вместе с уголовною партией, а для моей пересылки требуется отдельное помещение). Позволю себе присоединить к этому просьбу: известить меня о результате моего заявления, так как в моем положении нет ничего мучительнее, как томиться со дня на день тщетным ожиданием отправки (что случилось, например, в прошлом году).

Четверг 20 августа 1881 года. Владимир Короленко.

Через три дня В. Г. Короленко под конвоем жандармов был отправлен. «Пересылается далее в Сибирь»,— записал тобольский полицмейстер в ведомости.

Т. ДМИТРИЕВ

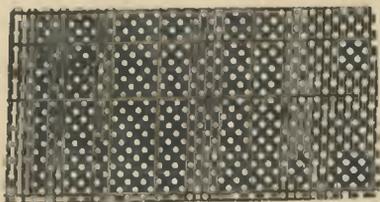
ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Свои приметы у нашей уральской зимы: снег, столбик ртути ниже нуля, меховые воротники, теплые рукавички и валенки. О цветах, конечно, и речи быть не может: они гибнут с первыми морозами. Посмотрите, какой жалкий вид у этих роз.

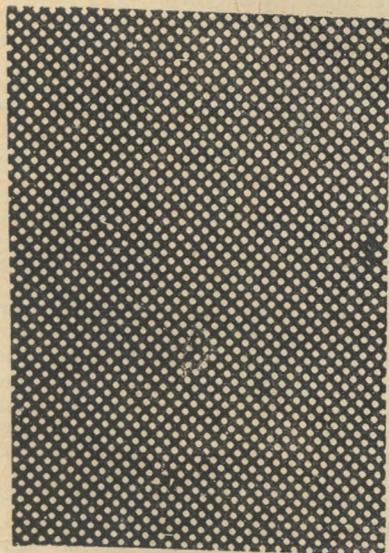
Эта веточка немного обледенела и в лучах солнца играет бликами, от которых даже на фотопленке образуются ореолы.

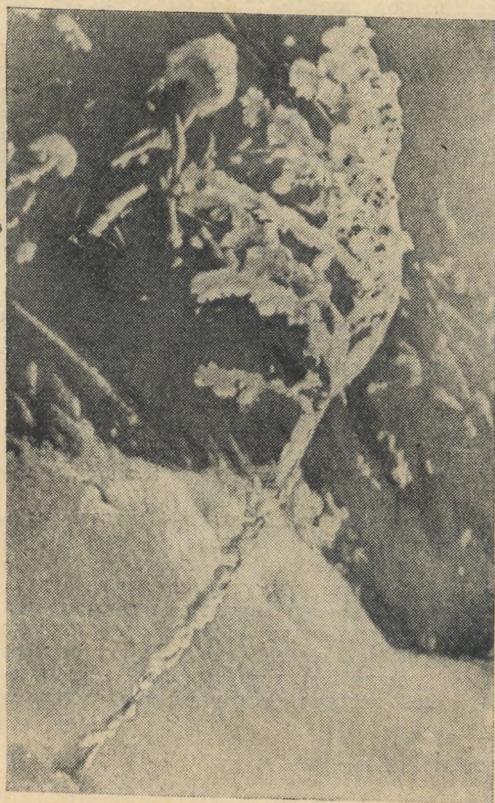
Но понаблюдайте внимательно вокруг себя. Мороз и солнце творят чудеса. Зимние цветы — одно из таких чудес. Сорвать их невозможно, а вот оставить себе на память — пожалуйста.

Ну, а здесь обычные узоры на стекле. Их форма фантастична, мастерство неповторимо.

Цветы зимы не всегда вызывают радость. Например, вот эта веточка... Трудно ей бороться с холодным ветром.

А. Рябцев

ШТУЦЕР «ФОССА»

Повесть

А. РЯБЦЕВ

Глава четвертая

№ Л 411

...Так возникло новое дело под названием «Следственное производство об убийстве неизвестного в Румбульском лесу».

Прошло дней десять, и эксперты определили, что убитым был юноша семнадцати—девятнадцати лет, ростом 166—168 сантиметров. Пролежал он в лесу три-четыре года.

Пуля, застрявшая в костях черепа, была выпущена из охотничьего нарезного ружья английской фирмы «Фосс». Калибр — 7,99 миллиметра.

Откровенно говоря, я не подозревал о существовании такой фирмы, хотя ружей на своем веку видел очень много.

Мне захотелось узнать, на чем основывался эксперт, давая заключение о марке оружия. Это привело меня в кабинет главного республиканского эксперта-криминалиста.

«Потомок доктора Ватсона», как в шутку звали мы Арсения Владимировича, принадлежал к числу тех криминалистов, для которых баллистическая экспертиза была «коронным номером».

— Вы вправе сомневаться, — сказал он. — Существует много нарезного оружия, очень схожего между собою, и ошибиться можно. Но число фирм, выпускавших и выпускающих сейчас нарезное оружие, бесконечно. К тому же, существует «бизнес»: все фирмы заинтересованы в сбыте своей продукции; они всячески рекламируют ее, рассылая проспекты. Мы же, эксперты, скрупулезно собираем

все данные и стараемся заполучить образцы боеприпасов или же их описание. Вот, взгляните.

Я подхожу к большому шкафу и с интересом рассматриваю его содержимое. Коллекция солидная: многочисленные полки сплошь уставлены низкими продолговатыми ящичками с гнездами, в которых лежат патроны и пули. На белых табличках четко выведено название оружия, его марка, калибр, размеры патрона и пули, их вес.

Каких только боеприпасов здесь нет! Вот малюсенький патрон и пуля от старинного «Монтекристо»; по соседству находится патрон от револьвера «Лефоше». Вот тупорылая пуля от «Кольта», а рядом бочкообразная, калибра 14 миллиметров — от штуцера «Томпсон», с которым еще в прошлом веке охотились на слонов, носорогов и крокодилов. Нашлось место и для патрона от знаменитого «ПТР». Из этих ружей в минувшей войне наши бронебойщики метко стреляли по немецким танкам.

Без особого труда нахожу я и ящичек с пулями калибра 7,99 и в одном из гнезд вижу в точности такую же, как у меня.

«Штуцер марки «Фосса», калибр 7,99 миллиметра», — читаю я на табличке. Рядом вижу такую же пулю, но табличка над ней гласит: «Штуцер марки «Леснер», калибр 7,99 миллиметра». В следующих двух гнездах лежат патроны от штуцеров «Гарнет» и «Вильбрунер». Хотя пули к ним несколько отличаются от двух первых, но калибр их тот же, то есть 7,99 миллиметра. Это меня еще больше пораживает.

— Арсений Владимирович, — спрашиваю я, — а имеются какие-либо различия в нарезке стволов у штуцеров «Фосса», «Леснера», «Гарнета» и «Вильбрунера»?

— Представьте, и штуцер «Фосса», и штуцер «Леснера», и штуцер «Гарнета» имеют абсолютно одинаковые по размерам нарезки. И лишь штуцер «Вильбрунер» имеет нарезки более узкие.

— Так почему же вы уверены в том, что наша пуля выпущена из штуцера «Фосса»?

— А вот почему. К нашему счастью, оружейник Фосс в своем штуцере употребил не обычную, а левую нарезку. Нам известны еще несколько марок штуцеров, имеющих также левую нарезку стволов, они и по калибру, и по размерам нарезок и их крутизне резко отличаются от «Фосса». Необходимо учитывать и то, что охотничьих ружей Фосса очень немного, так как этот фабрикант еще в тридцать девятом году переключил свою фирму на производство военного оружия...

Теперь я попытался установить личность убитого. Сделал запросы: не было ли случаев исчезновения молодых людей в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет. Указал давность — два-четыре года. Одновременно навел справки о регистрации ружей «Фосса».

Проходили дни. Ко мне поступали справки, но все это оказывалось не то: или была большая разница в возрасте, или не сходилось время исчезновения, или не соответствовал рост. Что же касается штуцера «Фосса», то я узнал, что в нашей республике нет ни одного охотника, который имел бы ружье такой марки.

¹ Окончание. Начало в № 2.

Следствие зашло в тупик, и, скрепя сердце, я приостановил дело.

Первое время мое профессиональное самолюбие сильно страдало, и я не мог забыть о своей румбульской находке. Но шли дни, недели, месяцы, возникали новые дела...

Прошло около года. Как-то я выехал в отдаленный район, чтобы помочь молодым следователям местной прокуратуры. Несколько дней знакомился с делами, по которым велось следствие, а затем стал просматривать и прекращенные. В одном из них я прочитал о несчастном случае с охотником Ильиным. Дело было пустяковое, и я читал его больше из охотничьей любознательности, чем по служебной необходимости.

Среди объяснений, протоколов допроса, каких-то справок и постановлений находился список участников этой неудачной охоты и их ружья. Я бегло просмотрел его и вдруг точно наткнулся на невидимое препятствие. Перечитываю вновь и вновь одну и ту же строчку, еще не отдавая отчета, чем она так привлекает внимание: «Чевардин И. П. 16-й к-бр «Фосса»...

«Фосса!» Хватаю папку и спешу в соседний кабинет. На лице следователя растерянность и недоумение: он не может понять, почему я так взволнован. Уяснив, наконец, для чего мне нужен Чевардин, он берется за телефон и обещает разыскать этого охотника немедленно. Действительно, через полчаса он приводит ко мне в кабинет военного.

— Капитан Чевардин,— представляется тот.

Начинаем разговор.

Видно, что напоминание об охоте крайне неприятно Чевардину. Он даже морщится, как от зубной боли.

— Неужели опять будут таскать по этому делу?

— Никто вас «таскать» не собирается,— успокоил я.— К тому же вас никто не «таскал» и раньше. Даже не допрашивали.

— Ну, мне и без этого крепко досталось от начальства, да и от жены тоже,— доверительно пояснил Чевардин.

— Расскажите, что у вас за ружье.

— Ружье как ружье. Если не считать, что оно было трехствольное.

— Как «было»?

— Да так. Ведь его у меня уже нет. Продал вскоре после той злополучной охоты. Знаете, жена чуть ли не ультиматум мне поставила: или ружье, или она...

Из дальнейшего разговора мне удалось узнать, что ружье у Чевардина было действительно фирмы «Фосса», шестнадцатого калибра. Третий ствол ружья был нарезной, но калибр его Чевардин не помнит. Купил это ружье он года полтора тому назад в комиссионном магазине, а продал своему знакомому, майору Егорову. Ружье Чевардин нигде не регистрировал, думая, что для военнослужащих это необязательно.

Через два дня я на попутной автомашине выехал в город, где жил майор Егоров. Разыскать его не составило труда.

И вот в руках у меня трехстволка фирмы «Фосса» за № Л.411. Нарезной ствол калибра 7,99 миллиметра.

Я с любопытством рассматриваю это ру-

жье: верхние стволы довольно изношены, правый у дульного среза немного раздут. Нижний, пулевой, сохранился очень хорошо: нарезы, начинаясь у патронника, завиваются справа налево крупной спиралью и, как бы устремляясь вперед, образуют у дула сплошной сияющий круг. Ложа у ружья английская, из орехового дерева очень красивого рисунка и чудесной полировки. На правой щеке хорошо заделанные, еле заметные следы четырех круглых отверстий, расположенных прямоугольником.

— Ничего не поделаешь, товарищ майор,— обратился я к Егорову,— придется ваше ружье взять на экспертизу.

Видя, как огорчился Егоров, я успокоил его:

— Если оно окажется не тем, которое я ищу, то верну его до открытия весенней охоты.

— А если «тем»?

— Ну, тогда придется повременить.

Зная от капитана Чевардина, что он вместе с ружьем передал Егорову восемь патронов к нарезному стволу, я спросил, сохранились ли они.

— Да, сохранились,— ответил Егоров и тут же передал их мне.

Вернувшись из командировки, я снова пошел к Арсению Владимировичу и просил его как можно скорее провести баллистическую экспертизу.

Через неделю акт экспертизы был у меня. Специалисты дали заключение, что пуля, изъятая из черепа неизвестного, была выстрелена из обнаруженного мною штуцера. Зная, как тщательно работают эксперты, я понимал, что ошибки быть не может.

Известные мне владельцы штуцера — Чевардин и Егоров — были вне подозрений. Оружие это попало к ним сравнительно недавно, всего около полутора лет назад, а неизвестный был убит гораздо раньше. Предстояли поиски прежних, более ранних владельцев штуцера, и прежде всего того, от кого попал он на продажу в комиссионный магазин.

Как только я предъявил свое удостоверение и сообщил о цели прихода, директор магазина тут же отдал распоряжение бухгалтеру. Прошло не более часа, как нужная накладная была найдена. Но в ней были записаны лишь марка ружья, его номер и стоимость, а вместо фамилии владельца и его адреса значилось: «Решение народного суда». К накладной было подклеено официальное письмо народного суда (соседнего с этим городом района). Суд предлагал оценить ружье, конфискованное у осужденного Скаудаса, реализовать его через магазин, а деньги сдать в доход государства. Вот и все. Другими сведениями магазин не располагал. Мне предстояло ехать туда, где состоялся суд над владельцем штуцера, каким-то Скаудасом.

На другой день я прибыл в этот населенный пункт, познакомился с архивным делом по обвинению Скаудаса и установил, что около двух лет тому назад за спекуляцию, браконьерство и незаконное хранение оружия Скаудас был осужден к трем годам.

На мое счастье, место, где отбывал наказание Скаудас, находилось недалеко, и через день я был уже там.

...У стола напротив меня сидит рослый человек и нервно мнет в руках скомканную меховую шапку. Утиный приплюснутый нос, широкий рот и маленькие, тревожно бегающие глаза под низко срезанным лбом делают лицо крайне неприятным.

Прежде чем ответить на вопросы, Скаудас переспрашивает, уточняет, а затем уже говорит, но медленно, осторожно, точно идет по тонкому и скользкому льду.

Скаудас рассказывает, что было у него двухствольное ружье шестнадцатого калибра марки «Лепаж». Около четырех лет назад, зимой, охотясь на зайцев, он встретил незнакомого человека. Разговорились. Сели отдыхать, выпили, закусили. Незнакомец стал хвалиться своим ружьем, а затем предложил поменяться, но попросил за свое впридачу две тысячи рублей. Ружье незнакомца Скаудасу очень понравилось, и он согласился на обмен, но, не имея таких денег, предложил шестьсот пятьдесят рублей и свой хороший шерстяной свитер. После небольшого раздумья незнакомец согласился. Вместе с ружьем он получил и десять патронов к нарезному стволу.

Больше с этим человеком Скаудас не встретился. Каких-либо особых примет незнакомца он сообщить мне не смог, добавив лишь, что назвался тот Антонасом, а лет ему на вид было около пятидесяти.

Показания Скаудаса мною были перепроверены самым тщательным образом. Односельчане подтвердили, что он действительно имел ружье фирмы «Лепаж», а затем где-то обменял его на трехстволку. Подтвердили и то, что у него был хороший шерстяной свитер, которого со времени появления нового ружья никто уже не видел.

Уточнил я по карте и место встречи Скаудаса с неизвестным охотником. Оно было на расстоянии двенадцати-четырнадцати километров от поляны, где мы обнаружили останки человека.

Разговоры со свидетелями, новые допросы Скаудаса ничего больше не дали. Он настаивал на своем первом показании.

Разумеется, Скаудас был весьма неприглядной личностью: жил тунеядцем, занимался браконьерством и спекуляцией. Но штуцер «Фосса» не мог сам по себе служить доказательством того, что Скаудас виновен в убийстве. Его можно было подозревать, но замкнуть цепь доказательств я был не в состоянии.

Было ясно, что раскрыть преступление можно в том случае, если удастся установить личность убитого.

Кто он?

Глава пятая ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО

Время шло. Я вел и заканчивал новые дела, а это дело не подвигалось ни на йоту.

В августе я был вызван в Москву для участия в совещании следственных работников. Там уже не в первый раз услышал о профессоре М. М. Герасимове и познакомился с его только что изданной книгой «Основы восстановления лица по черепу». До этого, зная

лишь понаслышке о работах профессора, я полагал, что как ученый-палеонтолог по отдельным костям воссоздает вид доисторического животного, так и Герасимов лишь в общих чертах восстанавливает голову человека. Но то, что я узнал на этот раз, заставило меня искать встречи с профессором.

Мне удалось дозвониться до Герасимова и получить разрешение на посещение его лаборатории. Правда, я слышал, что лаборатория Герасимова занимается работой, не имеющей ничего общего с делами наших органов, и что она не может отвлекаться на выполнение случайных заказов. И все же я решил обратиться со своей просьбой. Надежды на то, что она будет удовлетворена, у меня почти не было. Но, вопреки моим опасениям, профессор, немного подумав, ответил очень просто:

— Хорошо. Мы выполним вашу работу. Когда сможете доставить материал?.. Через четыре дня? В таком случае к концу месяца работа будет готова.

Я просто не знал, как благодарить профессора за его любезность...

Подшел назначенный срок, и я получил от Герасимова объемистый пакет с фотоснимками и описанием.

Фотографии восстановленного лица я разложил на письменном столе и разглядываю неизвестного. Это молодой человек, почти подросток. У него высокий, слегка выпуклый лоб, немного вздернутый нос, большие удлинённые глаза, запавшие щеки и заостренный подбородок. Если он действительно похож на того, чей череп пролежал в Румбульском лесу несколько лет, его должны опознать.

Я не допускал мысли, что убитого могли привезти в лес откуда-то издалека. Скорее всего он был местным жителем, и кто-то должен его вспомнить.

Размножив фотографии, я разослал их в отделения милиции, расположенные неподалеку от Румбульского охотхозяйства. А часть снимков выслал в адрес районных охотничьих обществ и просил раздать их наиболее активным охотникам. Расчет был прост: скитаясь по тем местам и встречаясь с жителями, охотники будут показывать снимки и, может быть, натолкнутся на нужного человека.

В начале октября мне позвонил прокурор одного из районов и сообщил, что некто Амберг встретился с человеком, узнавшим на фотоснимке неизвестного.

Через два дня я уже был в районном центре.

Сойдя на площади с автобуса, сразу же направился в прокуратуру и застал там интересующих меня людей, в том числе и охотника Амберга.

Думая о встрече с Амбергом, я почему-то представлял его себе немолодым, рослым, крепким человеком — эдаким выдавшим виды следопытом. И когда нас познакомили, я с трудом скрыл свое удивление: это оказался очень молодой паренек. На вид ему было лет восемнадцать. Сухощавый, невысокого роста, с приятным округлым лицом и веселыми глубокими глазами, он мало, а вернее ничем не походил на выдуманный мною портрет местного «Соколиного глаза».

Амберг работал на городской водоканале. После суточного дежурства он каждый раз мог двое суток отдыхать и все это время проводил на охоте или рыбалке.

Амберг рассказал, как он, скитаясь по излюбленным охотничьим местам, набрел на хутор, где жил некий Смилги. Дочь Смилги, посмотрев на показанную ей фотокартонку, заявила, что несколько лет назад она видела похожего человека на торфоразработках. Но кто он и откуда, она не знает. В заключение Амберг сказал, что в районе хутора Смилги чудесная охота, и если я вздумая поехать туда, он с удовольствием составит мне компанию, потому что как раз собирается в отпуск. Я поблагодарил своего добровольного помощника и попросил быстрее подготовиться к отъезду.

Машиной туда не проехать. Нам снарядами удобную бричку, на которой восседал смешливый старикан, всю дорогу рассказывавший, как он был новобранцем в царской армии.

К вечеру мы добрались до хутора Смилги.

Мне не терпелось поговорить с хозяйской дочерью. Поэтому как только Зельма (так звали девушку) освободилась от домашних дел и присела к столу, я положил перед ней несколько фотоснимков. Это были разные люди примерно одного возраста. Я попросил указать того, которого она видела. Зельма сразу же взяла снимок неизвестного, и я попросил ее рассказать как можно подробнее, когда, где и при каких обстоятельствах она встречала этого человека.

Со слов Зельмы мне удалось установить следующее. Примерно четыре года назад, летом, в выходной день она ходила на соседние торфоразработки в магазин и там заметила юношу, похожего на того, который на фотокартонке. Было ему лет семнадцать или восемнадцать. С ним была молодая женщина, очень похожая на него. Примерно через месяц там же она вновь увидела этого парня и его спутницу. На этот раз с ними находилась еще одна, тоже молодая, женщина. По ее праздничному национальному наряду Зельма определила, что она из Заречья. Тут же Зельма пояснила, что заречинскими они зовут литовцев, живущих по ту сторону реки. Больше ни молодого человека, ни его спутниц она ни разу не встречала, хотя на торфоразработках бывала неоднократно. Тогда Зельма решила, что эти люди приходили с территории леспрохоза, где она ни разу не была.

Мне было непонятно, почему Зельма могла так долго помнить лицо человека, которого видела всего два раза, да и то почти мельком. Не фантазирует ли она?

Услышав этот вопрос, Зельма слегка покраснела и, теребя передник, пояснила, что у того молодого человека были большие, какие-то очень печальные глаза и длинные ресницы...

— Он вам, наверное, тогда понравился? — решил уточнить я.

— Да... Наверное, понравился... — Сделав это признание, Зельма еще больше покраснела.

Что ж, Зельме можно было поверить. Кроме того, девушка вспомнила, что молодой человек при ходьбе припадал на одну ногу.

Это тоже было очень важно. Теперь я вновь держал в руках оборванную было нить.

Я узнал, что торфоразработки прекратились два года тому назад. Все рабочие разъехались, но часть их устроилась в леспромхоз, расположенный в соседнем районе, километрах в пятнадцати от хутора...

Амберг поехал со мной. На вопрос: «А как же с охотой?» он, беспечно махнув рукой, ответил: «Подождет. Успею на обратном пути». Видно было, что моя работа захватила его всерьез.

Миновали торфяники, пересекли большой лесной массив, и сразу же за ним показалась широкая пойма реки. Она служит естественной границей двух республик.

За мостом — большой двухэтажный кирпичный дом. Не прошло и десяти минут, как вокруг нас собрались почти все жители этого дома. Вынув фотоснимки, я объяснил, в чем дело, и роздал их собравшимся. Они пошли по рукам. Попали они и к молодой женщине в голубой косынке. Без всякого интереса смотрела она на один, другой, третий и передавала их дальше. Но вот она взглянула на четвертый снимок, и я увидел, как вмиг преобразилось ее лицо: над переносицей от напряжения собрались маленькие морщинки-лучики; в глазах зажегся огонек внимания и интереса.

Держа снимок перед собой, она быстро подошла к одному из окон и, постучав в него, громко позвала:

— Тетя Анна! Выйди на минутку!

Из дома вышла пожилая женщина, закутанная в темную шерстяную шаль.

— Тетя Анна! Вот посмотрите, на кого похож этот парень?

Та молча взяла фотокарточку и стала внимательно ее рассматривать.

— Правда, ведь он похож на того паренька, хроменького, что вместе с матерью и теткой Ядвигой ночевал у нас во время дождя? — напомнила женщина в косынке.

— Да. Кажется, похож, — не очень уверенно произнесла тетя Анна, возвращая карточку.

Мне рассказали, что три или четыре года тому назад этот парень вместе с семьей жил в соседнем хуторе у их знакомых — Матулевичей. Иногда он вместе с матерью и хозяйкой дома ходил через леспромхоз на соседние торфоразработки, где в то время были ближайший магазин и кино. Однажды, на обратном пути, они попали под ливень и ночевали у тети Анны. Узнал я и то, что эта семья у Матулевичей больше не живет — куда-то уехала.

Уточнив дорогу, мы тронулись в дальнейший путь. До хутора, как мы выяснили, было всего около четырех километров.

Хуторок оказался очень маленький, и дом Матулевичей мы разыскали без труда. Встретил нас сам хозяин, уже пожилой человек, хмурый на вид и очень неразговорчивый. Каждое слово из него нужно было тянуть, точно клещами. Зато его жена Ядвига, сравнительно молодая, подвижная, с миловидным румяным лицом и веселыми смешливыми глазами, говорила без умолку.

Внимательно просмотрев разложенные на столе фотокарточки, Ядвига взяла в руки снимок неизвестного и сказала, что человек на нем немного похож на их бывшего квартиранта Стасиса, который вместе с матерью

Еленой и отчимом Казимиром Повилонисом жил на другой половине дома.

Протягивая мужу фотокарточку, Ядвига воскликнула:

— Николас, смотри! Верно, похож на Стасиса?

Матулевич нехотя взял карточку, повертел ее перед глазами и, возвращая, пробурчал:

— Похож, как колесо на оглоблю.

— Не обращайтесь на него внимания,— затараторила Ядвига.— Он соседей своих и то узнает не каждый день.

Видя, что от угрюмого Николаса многого не добьешься, я разговорился с Ядвигой. Вот что я узнал от нее о бывших квартирантах.

Оказывается, они приехали сюда весной, примерно пять лет назад, и прожили до зимы. Муж Елены и сын работали в леспромхозе, а сама она занималась домашним хозяйством. Елена очень любила своего красивого, хотя и немолодого мужа, и в то же время крепко побаивалась его. Сыну Елены Стасису тогда было лет семнадцать. Свою любовь к сыну Елена при муже старалась не показывать. Заметно было, что отношения между отчимом и пасынком более чем недружелюбные. Елена тяжело переживала это и порою даже плакала, жалуясь хозяйке, что никак не может примирить двух близких ей людей. Однажды Елена поведала ей о том, что сына придется отослать обратно в город, к тетке, так как отношения его с отчимом ухудшаются.

В самом конце года Стасис в сопровождении Казимира пешком отправился на полустанок. Елена плакала. На другой день Казимир вернулся и рассказал, что проводил Стасиса, купил ему билет и посадил в вагон. Месяца через два или три вслед за сыном уехала и Елена с мужем.

Матулевичи подтвердили то, что у Стасиса левая нога была короче правой. Выяснил и то, что у Казимира было хорошее трехствольное охотничье ружье, которое он потом променял на другое.

Глава шестая ОПЯТЬ ПУЛЯ «ФОССА»

Была суббота. Наступал уже вечер, когда я закончил разговор с Ядвигой и ее мужем. Можно было отдохнуть до завтра.

Взяв с собой одного из местных мальчишек, мы с Амбергом отправились к ближайшему озеру постоять на вечернем перелете. Там мы пробыли до первых звезд и, довольные охотой, вернулись на хутор.

Еще в сенах мы услышали громкий разговор и веселый смех нашей хозяйки. Не успели зайти на свою половину и повесить ружья, как она вошла следом и пригласила на ужин. Мы обратили внимание на то, что Ядвига была в ярком, хорошо сшитом платье и новых туфлях: вид явно праздничный.

Войдя на половину хозяев — большую, ярко освещенную комнату, мы увидели за столом самого Матулевича, нашего возчика и незнакомого молодого человека. Позже выяс-

нилось, что это был младший брат хозяйки. На столе стояли нехитрая деревенская закуска и два больших кувшина с домашним пивом. По покрасневшимся лицам и громкому разговору можно было догадаться, что все уже изрядно отведали этого напитка.

Больше всего меня поразил хозяин: куда исчезла его дремучая, гнетущая молчаливость? Передо мной сидел совершенно другой человек. Веселые, широко открытые глаза и добродушная улыбка преобразили его.

Этот ужин для меня оказался не только приятным, но и очень полезным. Из разговора с хозяином я узнал одну интересную подробность: оказывается, Казимир был отличным стрелком. В этом Матулевич убедился, когда они вместе охотились. Но особенно он поразил его стрельбой в цель. Однажды Казимир, будучи навеселе, спросил Матулевича:

— Хочешь, я покажу тебе, как стреляет пан Ляудис?

Что это за «пан Ляудис», он не объяснил. Выйдя во двор, Казимир на двери сарая углем начертил круг размером с человеческую голову, а в середине его нарисовал крупную точку. Отойдя на полсотни шагов, он выстрелил из нарезного ствола и попал прямо в эту точку.

— Ох, и сильно било ружье у Казимира! — закончил свой рассказ Матулевич.

Эта деталь могла дать новое доказательство. Мне уже было не до ужина. Я тут же попросил Матулевича показать мне место, куда стрелял его квартирант. Напрасно отговаривали меня гостеприимные хозяева отложить это дело до утра.

Мы вышли во двор и направились к длинному приземистому сараю. Матулевич поднял фонарь и осветил дверь. Она оказалась сколоченной из толстых дубовых досок. Никакого круга на ней уже не было: смельца дожди.

Но где же пулевое отверстие? Хозяин еще ближе придвинул фонарь и ткнул пальцем. Я наконец увидел чуть заметное углубление с краями, как бы втянутыми внутрь. Открыв дверь, я на ее внутренней стороне заметил другое отверстие. Оно было несколько большего размера, с отколовшимися кусочками дерева по краям: пуля прошла сквозь доску. У противоположной стены стояла телега без колес, лежали плуги, борона и был навален разный хлам. Мысленно продолжив полет пули до этой стенки, я начал искать входное отверстие. Хозяин мне светил фонарем, но свет был слабый. Я чиркал спичку за спичкой, однако ничего рассмотреть не мог. Поиски усложнялись тем, что стена сарая была сложена из грубоотесанных еловых плах, на которых местами лежал толстый слой пыли.

Я уже решил отложить дальнейшие поиски до утра, но тут мне пришла мысль: а не следует ли использовать то, что сейчас мешает поискам? Я имел в виду крошечную темноту сарая.

Попросил хозяина достать мне прямую толстую гвоздь и небольшой фанерный ящик без крышки. Через несколько минут все это было найдено. Прежде всего я гвоздем прочистил пулевой канал, а затем, поставив фонарь внутрь ящика, показал, как его нужно прислонить к двери, чтобы свет бил прямо в отверстие. После этого я вошел внутрь и за-

Глава седьмая НОВЫЙ СОЮЗНИК

хлопнул дверь. Меня сразу же окутала чернильная темнота. За дверьми слышались голоса, шорох...

И вдруг тонкий луч ударил из круглого отверстия и яркой точкой уперся в черную стену сарая. Я поспешил к этой точке, прижал к ней большой палец и громко крикнул, чтобы вносили фонарь.

Луч света, пройдя сквозь пулевое отверстие в двери, должен был указать направление полета пули. Я не ошибся. Осветив стену, я увидел теперь чуть заметную, забитую пылью вмятину.

Гвоздем, который оказался у меня в кармане, я прозондировал ее и убедился, что он, углубившись на пять-шесть сантиметров, упирается во что-то очень твердое.

Это была пуля. Но для того, чтобы извлечь ее, пришлось предварительно выпилить из стены большой кусок дерева и расколоть его топором.

Пуля, пройдя сквозь толщу дерева, несколько не деформировалась, и на ее оболочке даже виднелись следы нарезков. По своим размерам она походила на ту, что была найдена тогда нами случайно на охоте в черепе неизвестного.

Утром, закончив свои дела на хуторе, я выехал обратно в районный центр. Оттуда отправил на экспертизу найденную пулю, а сам немедленно отбыл в тот город, где жил Стасис.

Хоть это и был небольшой городок, розыски оказались сложными. «Проживающими не значатся», — гласили справки адресного стола, где я запросил о Казимире, Стасисе и Елене Повилонис. Пришлось разыскивать по именам. Начали с Елены — имени более редкого.

В адресном столе пришлось отобрать всех женщин, носящих это имя, а затем уже исключить тех, чей возраст явно не соответствовал возрасту Елены Повилонис. Осталось пять Елен, самой молодой из которых было тридцать шесть, а самой старшей — сорок четыре года. Теперь было уже нетрудно, наведя о них справки, исключить четырех и безошибочно остановиться на пятой.

И вот у моего стола сидит Елена Жибуркене. Она недоуменно смотрит на меня и тербит цветную косынку. Она еще не стара, ей сорок два года. У нее мягкие черты лица, слегка вздернутый нос, хорошо очерченные пухлые губы и округлый подбородок. Мне начинает казаться, что я где-то видел ее. Вспоминаю слова Зельмы: «У того молодого человека были большие и какие-то очень печальные глаза и длинные ресницы...»

У Жибуркене тоже красивые глаза и длинные ресницы. Я вижу в них не только печаль, но и большую тревогу. Уточнив, что Елена Жибуркене именно та, которую разыскивал, я начал ее расспрашивать.

Мне очень хочется знать о том, что ей известно о трагедии в Румбульском лесу, но говорить об этом еще не время. Я попросил Елену рассказать о своей жизни.

Рассказывала Елена очень скупно. Приходилось все время задавать вопросы. Наконец, она рассказала все, что имело отношение к делу.

Родилась она в семье рыбака. Жили на морском побережье. В двадцать восьмом году восемнадцатилетней девушкой Елена вышла замуж за Кастуса Жибуркаса — молодого соседа, рыбака, знавшего ее с самого детства. Жили неплохо. Отец ее имел моторный бот и свои сети. Но через семь лет случилось большое несчастье: рыбаков в море застиг шторм, бушевавший целых три дня, и не вернулись на берег ни отец, ни двое его сыновей, не вернулся и Кастус. Вскоре умерла и мать Елены. Оставшись одна с пятилетним сыном Стасисом, Елена распродала свое немудрящее имущество и переехала в городок, где жила ее тетка. Этот городок, как и вся Виленская область, отторгнутая от Литвы, принадлежал в то время панской Польше. Трудно было устроиться на работу. Елена оставила сына у тетки и уехала к дальней родственнице на хутор, в соседний уезд. Там ее молодые, здоровые руки оказались кстати. Почти все, что зарабатывала у местного кулака, она отсылала тетке на содержание сына. Очень хотела, чтобы Стасис окончил школу и получил какую-нибудь специальность.

Так проходили годы.

Однажды Елена познакомилась со стар-

шим егерем богатого помещика графа Шидловского, имение которого находилось в пяти километрах от хутора. Ей нравилось, что пан Казимир — так звали графского любимца окрестные хуторяне — оказывает ей внимание. Она знала, что егерь женат, но, натосковавшись по человеческой ласке, горячо и беззаветно полюбила этого человека.

Узнав об их знакомстве, набожная старуха, хозяйка хутора, потребовала прекратить встречи. Угрожала ей гневом божьим и муками ада. Но Елена не слушала. Она была счастлива и ни о чем другом думать не хотела. Однако жена Казимира, узнав обо всем, заручилась поддержкой жены графа Шидловского и местного ксендза и добилась, чтобы хозяин уволил Елену. Попробовала она устроиться в одном месте, в другом, но везде получила отказ. Волей-неволей пришлось ей покинуть эти места. Она вынуждена была вернуться к тетке.

Казимир изредка писал ей письма, просил ждать его, иногда посылал деньги, на которые она приезжала в Вильнюс. Там они встречались два или три раза.

После установления в Литве Советской власти Казимир приехал к ней, и они стали жить вместе. Он работал грузчиком на овощной базе. Жена его оставалась на прежнем месте, но он с ней никакой связи не поддерживал.

Как только началась война и немцы оккупировали Литву, Казимир почему-то счел нужным вернуться в Шидлово, а Елене сказал, чтобы она никуда не уезжала и ждала его. Он присылал ей посылки, подарки, приезжал сам.

Вновь в городке Казимир появился уже в августе сорок пятого года. Где он был и что делал до этого в течение целого года, она не знала, так как с прошлой осени вестей от него не получала. Сразу же, как только Казимир вернулся, он заявил, что с Шидловым все кончено: жена умерла, а все хозяйство и имущество растащено местными жителями.

Понемногу налаживалась жизнь. Казимир работал возчиком на базе, она — в цветочном хозяйстве, а Стасис устроился учеником в столярную мастерскую. Казимир все время жаловался на маленькие заработки. Оказывается, у него была мечта скопить побольше денег, перебраться в ее родной рыбацкий поселок, купить моторную лодку, сети и стать заправским рыбаком. Напрасно отговаривала его Елена, рассказывала о трудностях и опасностях рыбацкой жизни. Но он настаивал на своем. Вскоре Казимир предложил Елене поехать на лесозаготовки. Он объяснил, что там можно хорошо заработать. Весной сорок седьмого года они, взяв с собой Стасиса, переехали на хутор Шилуте и устроились на квартиру у Матулевичей. Но на новом месте не понравилось сыну. Он все время упрекал мать, что его оторвали от учебы в столярной мастерской. Случались ссоры. Тогда было решено, что Стасис вернется обратно в город и будет жить у тетки. Зимним утром Стасис отправился пешком в город Гаукеле на станцию, откуда он должен был поездом доехать до Каунаса и, сделав пересадку, выехать к тетке. До поезда Стасиса провожал Казимир, которому на станции нужно было сде-

лать покупки к рождественскому празднику. Казимир вернулся на следующий день под вечер, как раз в самый сочельник. Он подробно рассказал, как купил билет Стасису, посадил его в вагон и дождался отъезда.

Писем от Стасиса не было. Елена написала тетке, и та ответила, что Стасис к ней не приезжал, а прислал письмо, в котором сообщил ей, что в город возвращаться он раздумал, так как встретил хороших людей, угоривших его ехать с ними в Якутию. Стасис якобы писал, что вернется не ранее как через три года, когда будет уже взрослым человеком.

Прочитав это письмо, Елена очень расстроилась, но Казимир несколько успокоил ее. Он заявил:

— Пусть парень самостоятельно пробьет себе дорогу, а за это время и мы устроим свою жизнь.

В феврале, по желанию Казимира, они переехали в далекий район. Беспokoясь за Стасиса и не получая от него писем, Елена часто плакала и даже упрекала мужа за то, что он безразлично относился к судьбе ее сына. В конце концов это Казимиру надоело, и в июне того же года он отправил ее к тетке, а сам завербовался и уехал в Якутию. Расставаясь, он сказал, что вернется не раньше как через три года. За это время заработает кучу денег и обязательно разыщет там Стасиса.

С тех пор Елена ни о нем, ни о Стасисе никаких сведений не имеет.

Я спросил, пыталась ли она узнать, где теперь ее сын и муж. Елена ответила, что пыталась, но безрезультатно.

Наблюдая за Еленой, я был почти убежден, что она многого недоговаривает. И мне было невыносимо тяжело смотреть на эту женщину, которая еще ни о чем не подозревала, надеялась встретить вновь мужа, дожидаться сына.

Но выхода не было.

Осторожно спрашивая, не допускает ли она какого-нибудь несчастного случая с мужем и сыном, я готовил ее к удару.

Вынув из портфеля все фотоснимки, я спросил, не найдет ли она среди них знакомого. И внимательно стал наблюдать за нею. Она бегло окинула взглядом все фотокарточки, а затем остановилась на той, что находилась в середине ряда. Это был снимок со скульптурного портрета неизвестного.

В самое короткое время на ее лице, как в открытой книге, можно было увидеть и радость матери, неожиданно узнавшей сына, и сомнение: а он ли это? И, наконец, тревогу. Когда Елена оторвала взгляд от снимка и посмотрела на меня, ее глаза, полные слез, точно кричали: «Да скажите же скорее, не мучайте. Что с ним? Где он?»

С трудом выдержав эту немую мольбу, я спросил:

— Вы узнали кого-нибудь на этих снимках?

Не поднимая глаз, Елена ослабевшим голосом ответила:

— Вот этот похож на Стасиса. Но... — она запнулась, видимо не находя нужных слов.

— Что? Похож — и непохож?

— Да... так... И похож, и непохож.

Я уже не сомневался, что убитый в Румбульском лесу был Стасисом Жибулкасом. Но меня смущало письмо Стасиса к тетке, о котором рассказала Елена. Оно было написано им уже после отъезда. Что это за письмо? И где оно сейчас?

Елена ответила, что письмо хранится у нее дома.

Вместе с Еленой я отправился к ней на квартиру. Жила она в небольшом домике у тетки. Мы оказались в светлой, очень чистой, скромно обставленной комнате. Елена подошла к комоду, выдвинула ящик и подала мне письмо.

Еще не вынув письма, я стал внимательно рассматривать конверт. Обратного адреса не было. Стояло два круглых почтовых штемпеля. На одном — название города и число: «29. 12. 47». Но на другом штемпеле краска так поблекла, что кроме букв «г» и «л» и цифры «4», мне разобрать ничего не удалось. Видимо, это был штемпель почтового отделения, откуда отправлено письмо.

Адрес на конверте и письмо были написаны химическим карандашом. Почерк слабо отработанный — так обычно пишут ученики начальных классов или взрослые, но малограмотные люди.

Содержание письма мне в основном уже было знакомо со слов Елены. Нового я в нем не нашел ничего, если не считать одной фразы: «В Каунасе я познакомился с хорошими людьми и сегодня вместе с ними выезжаю на Дальний Восток...»

Из этого можно было заключить, что Стасис, доехав до Каунаса, где ему предстояла пересадка, познакомился с какими-то пассажирами и еще до отъезда «на Дальний Восток» написал это письмо. Но в таком случае он должен был опустить его в почтовый ящик еще до отъезда, то есть в Каунасе. Но оно было отправлено не из Каунаса, так как в этом слове букв «г» и «л» не имеется. Не исключалось, конечно, что, написав письмо в Каунасе, Стасис опустил его позже, уже в пути следования от Каунаса. Так или не так — пока было неизвестно, но знать, когда и где было оно опущено, мне непременно было нужно.

Предстояло опять обратиться за помощью к экспертам. Пользуясь методом цветоразделительного фотографирования, светофильтром или фотографированием в инфракрасных лучах, они смогут узнать, как выглядел штемпель.

Мне еще предстояло выяснить, Стасис ли писал это письмо. На мой вопрос, уверена ли она в том, что письмо написал ее сын, Елена ответила: не сомневается. Хотя почерк сына она не помнит. (Елена окончила только три класса сельской школы и рукописный текст читала с трудом.)

По моей просьбе женщина разыскала и передала мне ученическую тетрадь, в которой Стасис записывал расходы своей маленькой зарплаты.

На обложке тетради очень старательно было написано: «Дневник расходов Жибулкаса сына Кастуса. Начат в марте месяце 1946 года».

Познакомившись с записями и сличив их с письмом, я увидел, что почерки разные.

Когда я спросил у Елены, есть ли у нее письма или записи Казимира, она смутилась, но ответила, что ничего подобного у нее нет. Видно было, что говорит она неправду.

Тут-то мне и пришлось рассказать Елене о находке в Румбульском лесу и спросить в конце, была ли у Казимира причина расправиться со Стасисом?

Конечно, нельзя было ждать немедленного ответа. Слишком много неожиданного и страшного узнала она. Я ушел, сказав, что все-таки должен буду вернуться утром и продолжить этот разговор.

На следующий день дверь мне открыла старушка — тетка Елены. Я вошел и увидел Елену. Она стояла посредине комнаты и, видимо, ждала меня. Лицо ее осунулось, появились морщинки, а под глазами легли темные полукружья. Наверно, она не спала в эту ночь.

Меня поразил ее взгляд, полный решимости.

Извинившись за то, что вынужден вновь беспокоить, я спросил, не хочет ли она что-

нибудь добавить ко вчерашнему. Без колебания, словно давно уже подготовившись, Елена произнесла:

— Да. Хочу...

Оказывается, настоящая фамилия ее мужа — Ляудис. Когда он после войны переехал к ней, то у него уже была фамилия Повилонис. Чем это было вызвано, она не знает. Он сказал, что так нужно, и она об этом больше никогда не спрашивала. Чем занимался Ляудис-Повилонис в городе, она не знает — ни разу там не была. Но однажды сын вернулся из мастерской сильно расстроенным. Оказалось, что один из рабочих, увидев Стасиса на улице вместе с Казимиром, спросил его на другой день, откуда он знает этого человека. Услышав от Стасиса, что это — его отчим, рабочий крепко выругался и сказал: «Знай же, что твой отчим — панский холуй и фашистская собака!».

Елена, как могла, успокоила Стасиса, говоря, что это, может быть, клевета или рабочий принял Казимира за кого-нибудь другого. На всякий случай она упростила сына об услышанном никому не рассказывать. А Казимир поставила в известность. Но он и вида не подал, сказал только, что ничего плохого для своего народа не сделал.

На следующий день Казимира якобы уволили с работы — сократили его должность. И он пожаловался Елене на свою судьбу, говоря, что теперь, как бы он ни старался, Советская власть все равно не простит ему ни службу у графа Шидловского, ни службу у немцев, и над ним все время будет висеть опасность ареста.

Как-то Казимир спросил у нее, поедет ли она с ним в Швецию, где можно будет начать новую, счастливую жизнь. Елена удивилась: кто же их пропустит за границу и как они там будут жить, не имея ни средств, ни специальности. Казимир ответил, что у него есть ценности, которые можно будет продать за границей и жить безбедно. Что же касается Стасиса, то решено было посвятить его пока только в первую часть их плана, а когда уедут на побережье, постепенно подготовить и к необходимости побега в Швецию.

Узнав о предстоящем переезде на берег моря, Стасис обрадовался и тут же заявил, что тоже станет работать с рыбаками и копить деньги для покупки моторной лодки...

Голос Елены дрогнул. Она некоторое время еще пыталась сдерживать себя. Но слезы хлынули неудержимо, и, прижав к губам платок, она умолкла. Утешать было бесполезно. Я лишь налил ей в стакан воды и терпеливо стал ждать, когда она справится с собой.

Мне нужно было еще узнать побольше о взаимоотношениях между Казимиром и Стасисом. Когда Елена успокоилась, я задал этот вопрос.

Отношения между мужем и сыном никогда хорошими не были. Ничего их не связывало. Первое время после переезда к ним Казимира он старался просто не замечать Стасиса, а тот платил ему тем же. Елена тяжело переживала это, но все надеялась, что со временем они привыкнут друг к другу.

Однажды, месяцев через пять после их переезда на лесозаготовки, Стасис заявил ей, что он вступает в комсомол и через несколь-

ко дней будет рассматриваться его заявление.

Елена стала отговаривать сына. Не потому, что имела какие-то предубеждения против комсомола, а потому, что слышала о нападениях бандитов на коммунистов и комсомольцев. Действительно, в то время еще орудовали в глухих районах республики остатки буржуазно-националистического подполья. Елена просто не хотела, чтобы Стасис подвергался опасности. Но Стасис только рассмеялся — он и в комсомол-то вступает только потому, что комсомольцы — самые активные члены истребительных отрядов по борьбе с этими бандами.

Вмешался Казимир. Он стал доказывать Стасису ненужность и даже вредность его затеи:

— Пусть в комсомол вступают русские ребята, а тебе, литовцу, там делать нечего.

Но Стасис ответил, что литовцы только тогда вздохнут свободно, когда не будет лесных бандитов, которых все равно уничтожат.

Это взбесило Казимира. Он стал кричать, что не желает жить со Стасисом под одной крышей, не хочет, чтобы «борцы за свободу Литвы» (так он назвал лесных бандитов), вздернув на сук этого «красного щенка», заодно расправились бы и с ним.

С большим трудом удалось Елене прекратить скандал.

Но вечером Казимир неожиданно стал оправдываться перед Стасисом, говорить, что плохо разбирается в политике, что тут, наверно, виновато старое воспитание. Совершенно миролюбиво Казимир заявил Стасису, что комсомол — это его личное дело. Стасис уже не маленький и может сам решать этот вопрос.

Мир как будто был восстановлен. Но недолго. Спустя некоторое время снова вспыхнула ссора: Стасис по заданию комсомольской организации выезжал на два дня в районный центр, и Казимир был крайне недоволен этим. Он лишился напарника по распиловке дров, а работа была сдельная и очень выгодная.

Последний и очень крупный скандал произошел поздней осенью. Однажды Казимир из-за чего-то придрался к Елене и ударил ее по лицу. В это время в комнату вбежал Стасис и с криком: «Фашист, не смей бить мою мать!» загородил ее собою. Взбешенный Казимир обругал его хромым щенком и велел не вмешиваться, а Стасис пригрозил, что если отчим еще когда-нибудь поднимет руку на мать, то горько пожалеет.

Через некоторое время Казимир начал договаривать, что, поскольку Стасис не может выполнять тяжелые работы и зарабатывает мало, ему было бы лучше вернуться в город и устроиться учеником в какую-нибудь механическую мастерскую. Там он, кстати, может изучить моторы и стать квалифицированным мотористом для их будущей лодки. Стасис за последнее время к плану переезда на побережье несколько поостыл, но против поездки в город возражать не стал...

— Вот и все, — произнесла Елена. Она взяла с комода пачку писем и положила их передо мной. Сверху пачки лежала небольшая

серебряная пластинка, на которой было выписано: «Верному Казимиру от благодарного графа Шидловского. 15.10.1936».

— Что это? — спросил я Елену.

— Пластинку Казимир снял со своего ружья и велел мне спрятать, — ответила она. Только теперь я вспомнил, что на правой щеке приклада штуцера имеются чуть заметные отверстия от шурупов.

Писем было четыре. В одном из них Казимир писал Елене, что почти напал на след Стасиса, но тот незадолго до его приезда отправился на Курильские острова. В других письмах Казимир сообщал о каких-то знакомых, якобы рассказывавших ему о жизни Стасиса не то на Курилах, не то на Чукотке. В каждом письме он просил Елену не отчаиваться, не терять надежды и ждать их возвращения. В последнем письме, отправленном пять месяцев назад, Казимир писал, что не позже, как через полгода, он вернется к ней и, наверное, вместе со Стасисом. Ни одно письмо обратного адреса не имело, но по почтовым штемпелям можно было узнать, что опущены они в разных городах Сибири и Дальнего Востока.

Уже прощаясь со мною, Елена сказала: — Учтите, что ни под настоящей фамилией, ни под фамилией Повилонис Казимир жить не станет. У него в запасе было несколько паспортов.

Обработав новые материалы, экспертиза дала заключение, что левая нога человека, останки которого были найдены в Румбульском лесу, действительно была короче правой на 2—3 сантиметра. Установила она и то, что письмо за подписью Стасиса было написано рукой Казимира Ляудиса. Был восстановлен и почтовый штемпель этого письма. Оказалось, что оно отправлено 24 декабря 1947 года со станции Гаукеле. Было доказано также, что пуля, изъятая из стены сарая на хуторе Матулевича, выпущена из ружья марки «Фосс» № Л.411. Точно совпали и отверстия на пластинке с отверстиями на прикладе этого ружья. Все это давало мне основание считать, что убитый в лесу был Стасисом Жибуркасом и что убит он своим отчимом Казимиром Ляудисом. Неясными оставались только мотивы убийства. Пока можно было предполагать, что Ляудис убил Стасиса, потому что боялся разоблачения. Но чем он занимался у пана Шидловского и на службе у немецких оккупантов — еще предстояло выяснить.

Глава восьмая ПО СЛЕДАМ ВОЛКА

Местечко Тружаны стоит на слиянии реки Генты и речушки Тружи. В нем всего около сорока домов, большинство из которых старинной каменной кладки. Достопримечательность Тружан — «Замок».

То, что местные жители называли «замком», представляло собою мрачного вида двухэтажное здание, сложенное из серого камня,

с башенками и узкими готическими окнами. Дом окружен высокой каменной стеной и расположен на возвышенности, на самой стрелке у слияния рек.

Прожив в Тружанах три дня, побывав в окрестных деревнях и хуторах, я собрал очень много нужных для дела сведений.

Замок в Тружанах, как и сам поселок, а также лесные массивы и земля на многие километры в округности в свое время были фамильной собственностью польских графов Шидловских. Последний из них — Станислав — стал владельцем этих исконно литовских земель в двадцать седьмом году. При этом хозяине громадный лесной массив превратился в охотничью вотчину. Все немногочисленное мужское население местечка было на службе у графа Шидловского: егерями, сторожами, лесниками и конюхами. Жители близлежащих хуторов не имели права не только охотиться в этих угодьях, но даже заходить в них без особого разрешения для сбора хвороста и ягод. Горе тому, кого ловили в этих угодьях: ребятишек драли прутьями, а взрослых крепко штрафовали.

Особенно отличался строгостями старший егеря Казимир Ляудис. Отец, дед и прадед его в свое время тоже служили у Шидловских.

Двадцатичетырехлетним солдатом армии Пилсудского ходил Казимир Ляудис походом на Советскую Россию завоевывать для панов пространство «от моря и до моря» и еле унес ноги из-под Житомира. Должностью старшего егеря Казимир унаследовал от отца, как унаследовал от него холопскую преданность своему господину и готовность преследовать всех, кто посягнет на графскую собственность. Не зная жалости и стыда, егеря не прощал никому никаких нарушений. Беспощадно взыскивал Казимир с подчиненных ему служителей барского имения, которые были снисходительны к задержанным в охотничьих угодьях.

— Волк, настоящий волк, — говорили про него. Эта кличка так и осталась за ним.

Видя усердие своего холопа, граф Шидловский всегда ставил его в пример.

Особенно возвысился в своих глазах Казимир, когда в тридцать шестом году граф Шидловский в присутствии многочисленных гостей, отмечая сорокалетие своего любимца, вручил ему хорошее охотничье ружье — штуцер марки «Фосса». На серебряной дощечке, врезанной в приклад ружья, было написано: «Верному Казимиру от благодарного графа Шидловского. 15. 10. 1936». Гости, дабы угодить хозяину, шумно поздравляли растроганного юбиляра и с интересом рассматривали подарок. А когда сама пани Эрнестина, обычно надменная, поднесла ему бокал доброго вина и милое улыбку при этом, Казимир в порыве благодарности прослезился и даже опустился на одно колено, вызвав этим дружные аплодисменты присутствующих. Этой минуты Казимир не мог забыть никогда.

В 1939 году, освобождая территорию Западной Украины и Белоруссии от гнета панских захватчиков, Красная Армия очистила от них и Виленское воеводство, а затем вместе с древней столицей Вильнюсом передала его литовскому народу.

Неизвестно, как перенес граф Шидловский утрату родового имени, но его верный пес Казимир Ляудис потерял доходного и почетного для него места переживал мучительно. В его душе росла ненависть ко всему новому, что принесла для литовского народа Советская власть. Будучи литовцем по происхождению, всю жизнь живя на литовской земле, Ляудис, однако, без содрогания не мог слышать, когда его односельчане произносили «Тружаны» вместо милого его сердцу «Шидлово». Глядя, как в барском доме, где был устроен клуб, веселится молодежь, он загорался острым желанием сжечь его со всеми, кто там был.

Вскоре Казимир, опасаясь местных жителей, сбежал, оставив жену караулить его имущество. Но как только Литву оккупировали немцы, Ляудис вновь появился. Подобно ему, вылезали из своих щелей все те, кто считал себя обиженным Советской властью, кто ненавидел ее лютой ненавистью. Стали создаваться организации для «оказания помощи» своим «освободителям». Одной из таких организаций была «Самоохрана». Члены этой банды выслеживали и передавали в руки фашистских палачей коммунистов, советских активистов, красноармейцев и командиров, выходивших из окружения...

С трехцветной повязкой на рукаве, вооруженный пистолетом и своим неизменным штуцером, Ляудис, как одержимый, рыскал по окрестным селениям. Жители Тружан хорошо помнят, как он застрелил неизвестного человека, пытавшегося вплавь перебраться через Генту. Тот достиг другого берега, и ему оставалось пробежать какие-нибудь пять метров и скрыться в лесу, но пуля негодяя настигла его...

Следы зверств Ляудиса привели меня в соседнюю деревню. Там в свое время размещалась военная комендатура и находился штаб местной «Самоохраны». Недалеко от этого местечка мне показали глубокий овраг, где при немцах расстреливали советских граждан. Оказывается, Ляудис в этих расстрелах принимал самое активное участие. очевидцы рассказали мне о том, как он выбирал пять — шесть человек, ставил их на краю оврага и, отойдя на два десятка шагов, расстреливал одного за другим, хладнокровно перезаряжая штуцер. Другого оружия для этой цели он не признавал. В конце 1944 года, незадолго до прихода наших войск, Ляудис скрылся из Тружан, но перед этим совершил еще одно подлое дело: он поджег свой дом и сарай. В огне погибла жена Ляудиса.

Вызвав представителей местной комиссии по расследованию зверств немецкой оккупации, я организовал раскопки оврага, и нам удалось установить, что в нем было захоронено пятьдесят четыре человека — мужчин, женщин и даже детей.

Да, прошлое Ляудиса не сулило ему спокойной жизни. Вот поэтому он и рыскал по стране, подделывая паспорта.

Теперь стало окончательно ясно, что не только личная неприязнь к Стасису толкнула Казимира на его убийство. Верно, Стасис не был свидетелем преступлений своего отца, но Казимир знал, что услышанные от рабочего слова Стасис не забыл и о многом может догадаться.

Прочная цепь улик замкнулась. Теперь оставалось найти самого преступника.

Глава девятая ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

...Точно волк в окладе, метался по дальним окраинам Казимир Ляудис. Страх за содеянное все время незримо стоял за его спиной. И все же он вернулся в городок, где

жила Елена, где в каждом прохожем он мог встретить разоблачителя, более опасного, чем убитый им Стасис. Но не тоска по родным местам и семейному очагу пересидели страх...

Темной августовской ночью Елена проснулась от легкого стука в окно. «Приснилось, наверное», — подумала она. Ведь так стучать мог только тот, кого и ждать-то она давно перестала. Но стук повторился, и она ясно услышала, как четко и настойчиво чередовались удары: четыре частых, два медленных.

Гулко забилося сердце, и кровь горячо ударила в виски. Что делать? Открыть? Впустить его? Но зачем он вернулся? Может быть лишь затем, чтобы расправиться и с ней, как он справился уже со Стасисом?

В третий раз услышала она тот же стук, но теперь как будто менее уверенный.

А вдруг он сейчас уйдет? Убийца ее сына уйдет безвозвратно, и его следы сотрутся.

Быстро одевшись и разбудив тетку, Елена выпустила Казимира.

Усы щеточкой и небольшая борода преобразили его. Перед Еленой стоял совершенно незнакомый человек. Только голос и глаза вошедшего напоминали о когда-то любимом Казимире.

Весь остаток ночи просидел Казимир за столом с Еленой, расспрашивая ее о жизни в эти годы и рассказывая о своей. О Стасисе, как и следовало ожидать, он ничего вразумительного сообщить не мог. На пытливые вопросы Елены отвечал односложно и неохотно, явно тяготясь неприятной для него темой. Казимир заявил Елене, что здесь он пробудет два или три дня, а затем вместе с нею отправится на побережье в ее родную деревушку. Елена спросила, как же она покинет эти места, не дождавшись сына. Казимир с явным раздражением сказал, что Стасис уже взрослый человек и не все дети до старости живут с родителями.

Было уже девять часов утра, когда Казимир, не раздеваясь, улегся на диване и попросил Елену разбудить его часа через три.

Как только Казимир уснул, Елена отправилась в местное отделение МВД.

Вскоре машина с сотрудниками милиции остановилась у домика Елены. На вопрос, где Казимир, хозяйка дома пояснила, что как только Елена ушла, Казимир вышел во двор. Что он там делал, она не знает, но минут через пятнадцать он вернулся в комнату и, взяв свой чемоданчик и плащ, ушел из дому. Сказал, что вернется к обеду.

Не вернулся Казимир ни к обеду, ни к ужину. Лишь запачканная свежей землей лопата у стенки сарая, да небольшая яма у подножья старой яблони говорили о его недавнем пребывании здесь.

Видно, не сумела Елена сыграть свою роль до конца. Точно зверь, чутьем угадав в ней врага, Казимир откопал в саду давно закрытые им ценности и спешно покинул город.

Но далеко ли мог уйти владелец штучера «Фосса», государственственный преступник? Прошло немного времени, и он был задержан. Впрочем, если бы Ляудис и не приехал в городок, рано или поздно возмездие все равно бы его настигло.

Так закончилось это дело, не сулившее поначалу никакого успеха.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Н. ГАГАРСКИЙ

Слава древнего города

Свыше семи с половиной веков стоит древний город Великий Устюг у северных рек — красавиц Сухоны и Уга. Старинные здания исхлестаны дождями, избиты ветрами. Однако и сейчас они радуют глаз своеобразием архитектуры. Правда, город не может похвалиться особыми новостройками или гигантами современной индустрии, зато славен он мастерами-умельцами, удивляющими мир своими серебряными под черной изделами. Северная чернь не имеет соперников, а секреты ее овеяны легендами.

„Умельством не торгую“

Крепкая рубленая изба прилепилась на краю города. Подслеповатые окна угрюмо смотрят в тихие воды Сухоны. По этой реке, горный нуждой, добрался до Великого Устюга незнакомый человек. Умел он вырезать замысловатые узоры на серебре, посадить краску. Скоро слава о мастере распространилась среди горожан и полетела дальше. И новгородские, а потом армянские и персидские купцы стали стучаться в двери неказистой избы в далеком городе на берегу Сухоны. Их встречал бородатый хозяин, выслушивал льстивые приветствия и, открыв тяжелый сундук, со звоном выкладывал серебро с невиданной росписью. Начинался торг. Хозяин медленно уступал, купец еще медленнее набавлял. Наконец, деньги прощупаны на зуб, испытаны «на звон», а товар бережно уложен во вместительную суму. Хозяин провожает гостя.

Но нередко бывало и так.

Расплатившись за товар, купец, подбрасывая золотые на широкой ладони, искоса поглядывал на мастера.

— А ежели того... Желая я обучиться твоему ремеслу? За деньгами не постою.

Мастер, хитро прищурившись, разводил руками:

— Кубки, чаши продаю, умельством не торгую.

Купец молча прятал в мешку золотые, нахлобучивал шапку.

— Что ж, твое дело... Как говорится, слава хороша, да денег ни гроша.

— А по мне лучше добрая слава, чем худые деньги,— не оставался в долгу мастер.

...Сказками-легендами обростала великоустюгская чернь. Мастерство передавалось из рода в род, от отца к сыну.

В прошлом веке славился знаменитый умелец Михаил Иванович Кошков. В 1877 году он взял в ученики своего внука Мишу. Восемь долгих лет обучал старый мастер смышленного паренька. А потом, наблюдая за самостоятельной работой Миши, Михаил Иванович задумчиво промолвил:

— Теперь и умереть не страшно. Умельство мое в крепких руках.

Приняв эстафету из рук деда, Михаил Павлович Чирков пронес ее через все преграды в условиях царизма и только после Великой Октябрьской революции в полную меру познал радость творчества.

Большой интерес представляет проникновение черни на Урал и в Сибирь.

Как это искусство попало сюда?

Ответить на этот вопрос помогут такие факты.

Путь землепроходцев на Восток (Ермака, Дежнева, Хабарова, Беринга и др.) неизбежно пролегал через Урал. Сам Дежнев происходил из Великого Устюга, а принимавший участие в экспедиции Беринга устюжанин Михайло

Неводчиков был мастером по черни. В конце XVI — начале XVII века сотни устюжан снялись с насиженных мест. В 1600 году часть из них поселилась в Туринске. И сейчас в селе Благовещенском, Туринского района, Свердловской области, фамилия Устюжанин не является редкостью.

Второе рождение

В советское время на месте кустарного производства выросло механизированное предприятие с многочисленным коллективом. На Парижской выставке 1937 года изделия Великоустюгской фабрики были удостоены золотой медали и диплома первой степени. Через два года шесть лучших мастеров получили почетные дипломы Нью-Йоркской выставки. 1940 год принес большие успехи на ВСВХ в Москве. Изделия устюжан покорили многочисленных посетителей выставки подлинной красотой отделки и тонкостью рисунка.

О размахе работ на фабрике можно судить хотя бы по тому, что только одни образцы рисунков составляют несколько пухлых альбомов.

В прежние времена рисунки для изделий заимствовались из старых книг. Наиболее талантливые мастера вносили свою творческую выдумку, разрабатывали сюжеты, взятые из окружающей природы и жизни родного города.

Большой след в художественном оформлении серебряных изделий фабрики оставил великоустюгский художник Евстафий Павлович Шильниковский, ученик известного офортиста В. В. Матэ. С 1935 года его творчество было целиком поставлено на службу «Северной черни». Подвиг советского народа в Великую Отечественную войну, завоевание космоса, труд во славу коммунизма нашли свое отражение в изделиях устюжан.

Пройдемся по фабрике. Вот механический цех. Здесь идет штамповка из серебра. Изделия пока не трогают глаз, они мертвы. Преображе-

ние их начинается под рукою гравера в следующем цехе.

Молодая девушка Валя Калинина склонилась над столом.

Работа гравера должна отличаться безупречной точностью. Ученики сначала продолжают время тренируются на меди и, только достигнув определенного мастерства, получают право работать на серебре. Валя трудится с подлинным вдохновением.

— Обратите внимание,— говорит она, показывая обрабатываемое изделие,— глубина рисунка совсем не одинакова. Края его сходят на нет. Чернь придаст рисунку мягкие плавные переходы от темного цвета до серебристого. Недаром у нас говорят: чернь — слово благородное.

Валя Калинина — одна из лучших молодых гравировщиц фабрики. Придирчивые судьи-художники находят ее работу безукоризненной. Рядом с ней талантливо трудятся девушки — Тамара Капустина, Зина Хлопина, Тамара Николаева.

Коллектив «Северной черни» на три четверти состоит из молодых рабочих.

Тепло отзываются на фабрике о Тамаре Владимировне Угловской, Марии Ивановне Бирючевской. Обе они не только отличные мастера-граверы, но и прекрасные учителя молодежи, стоящие во главе бригад коммунистического труда.

Под рукою гравера рисунок получает «вечную прописку» на серебре. Но чтобы «заиграть»,

изделие должно попасть в черновой цех. Чернение, пожалуй, самая ответственная операция. В небольших печах тихо гудит синевато-оранжевое пламя. На столах — незамысловатый инструмент: металлические щипцы, деревянная лопаточка, похожая на те, какими играют дети, только гораздо меньше. В сосуде, напоминающем большую пепельницу, — землисто-черная жидкость. Обычность и простота поначалу разочаровывают. Воображение рисовало таинственную лабораторию, а тут — пламя, щипцы, лопаточка! Совсем «по-земному» звучит голос мастера Марии Дмитриевны Кузнецовой.

— Смотрите,— говорит она,— ловко подхватывая щипцами ложку и накладывая в нее землисто-черную смесь, ту самую чернь, приготовление которой считалось чуть ли не колдовством.

Подержав некоторое время ложку на огне, Мария Дмитриевна вытаскивает ее, пристально всматривается в расплавленную смесь и снова погружает в пламя. Но вот, наконец, все готово. И трудно поверить, что секрет этой операции открывается только «избранным». Оказывается, до сих пор еще не найдена научно обоснованная технология приготовления черни, основанная на строгом расчете. Здесь, как и раньше, все зависит от интуиции. А она приходит в результате долгого, упорного труда. Относительно короткий срок, в течение которого старый мастер Чирков обучил свою племянницу Марию Угловскую искусству приготовления черни, произвел целую сенсацию.

Но вот чернь готова. Теперь остается нанести ее на чистое серебро — не ниже 84-й пробы, в противном случае никакого союза не получится. А затем произвести шлифовку.

Рисунок становится иссиня-черным. Заключительная операция — золочение. Она-то и вызывает к жизни непередаваемую красоту, которой отличаются изделия великоустюгских мастеров.

Чернь и только серебро... Что это? Изысканность вкуса или каприз? В последние годы стало известно, что в древности чернь была менее требовательна и рождалась с бронзой, медью и даже... с железом! В Львовском историческом музее хранится боевая гирия, весом 268 граммов, найденная в селе Зеленче Тернопольской области. Она из железа и покрыта серебряной инкрустацией, имеющей в качестве основы чернь. Специалисты относят изготовление гири к началу XIII века.

Чернь — слово благородное

Наше знакомство с «Северной чернью» заканчивается. Вот медленно открывается массивная дверь, и мы попадаем в волшебное царство красоты. Иначе не назовешь это место, именуемое сухо: склад готовой продукции. Вазы, кубки, столовые приборы... И все это искрится, играет, поражает живописностью рисунка. В красном бархатном футляре хранится набор изделий, расписанных по мотивам пушкинских поэм и сказок.

При виде этих чудесных творений рук человеческих невольно всплывают в памяти и наполняются особенным смыслом слова, сказанные Валей Калининой: чернь — слово благородное.

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ

Вамysel этой статьи возник в лесу на Северном Урале. Каждый год зимой и летом проходили через наш заповедник десятки туристских групп — от мастеров спорта до ребят-пятиклассников.

Сейчас заповедника нет. Но туристские маршруты остались прежними: из старинного села Всеволодо-Благодатское через Денежкин Камень на Сольву и Конжаковский Камень, на Кутим и Кваркуш, из Ивделя и Полуночного — на Хоза-Тумп и Вишеру. Все так же стоят на склонах Еловского Урала трехсотлетние пихты и кедры, которые видели, наверно, атамана Кольцо — Ермакова посланца к Ивану Грозному. Все так же крепко пахнут травы на горных лугах, где в плохую погоду легко заблудиться в промозглом тумане.

Опыт многих поколений таежных охотников и путешественников создал специальные приемы и правила, которые облегчают жизнь человека в лесу. Наблюдая за бытом и снаряжением туристов, мы невольно сравнивали их с амуницией и обычаями наших товарищей — охотников из местных жителей — и почти всегда не в пользу первых. А между тем перенять опыт таежников не так уж трудно.

Балаган—почти что Сочи...

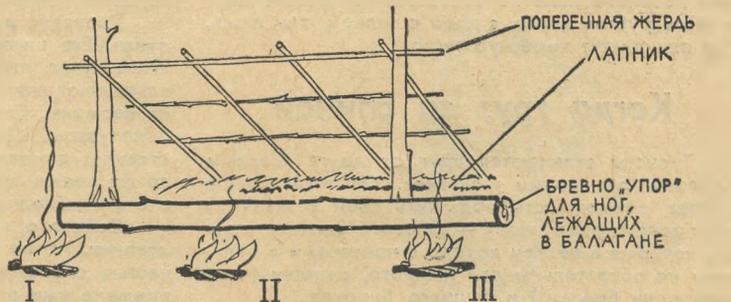
Тем, кто попадал в тайгу в непогоду, хорошо знакомо тоскливое чувство неприкаянности, когда не хочется даже шевелиться, а тем более вылезать из палатки и, морщась от едкого дыма, разжигать мокрую бересту. Ни просушить как следует одежду, ни проветрить обувь. Сыреют в рюкзаках сухари и сахар. А дожди все идут и идут...

Именно такая погода захватила нас в походе в июне. В группе было десять восьмиклассников, из них шесть — девочки. После двух ночевок в палатках — в тесноте, духоте и сырости — мы предложили ребятам построить балаган — односкатный шалаш. Именно в таких балаганах, покры-

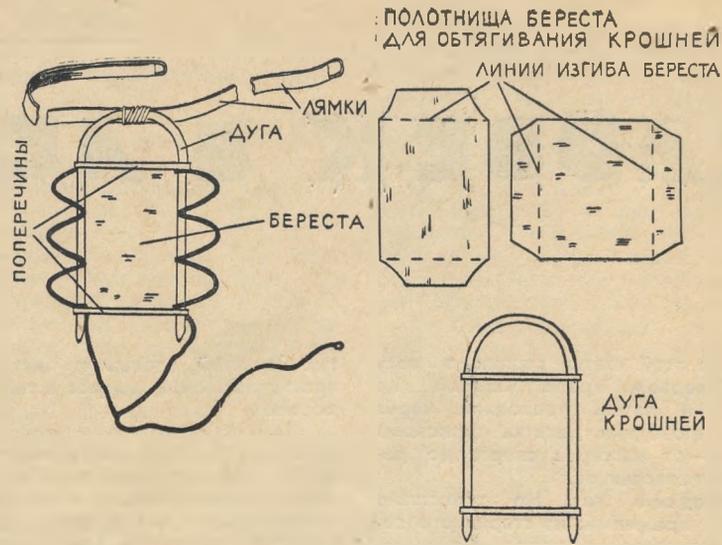
тых берестой, еловым и пихтовым корьем или просто лапником, ночуют в тайге охотники, сенокосчики.

Ребята отнеслись к идее скептически. Но перспектива снова провести ночь в сырой палатке и мокрой одежде вдохновляла еще меньше, и все дружно принялись за дело. Выбрали ровную площадку между двумя деревьями. К стволам с той стороны, где решили раскладывать костер, подкатали бревно, которое обычно служит краем постели при ночевке одного человека, а нам должно было послужить упором для ног, чтобы одеяла и лапник не сваливались ночью в огонь. На высоте примерно среднего роста к деревьям привязали перекладину из достаточно толстой, чтобы не прогибались, березы. К ней прислонили под углом несколько жердей, причем обе боковые поставили с «внутренних» сторон стволов. Нижние концы опустили на таком расстоянии от бревна-упора, чтобы на этом пространстве можно было улечься в рост. К наклонным жердям привязали две или три поперечных. Готовый остов балагана покрыли палатками, стараясь растянуть их так, чтобы они закрыли как можно большую площадь. И все-таки остов в горах, у самой земли, и боковины пришлось завешивать плащами. (Поэтому теперь мы всегда берем в тайгу брезент и, если народу мало, то подворачиваем его так, что он служит еще и подстилкой). На пол балагана наложили лапник, стараясь, чтобы в верхний слой попали мягкие ветви пихты, про которые в шутку говорят, что они теплее. И вот наш дом готов.

Пока даое строили балаган, остальные таскали лапник, разжигали костер, варили концентраты. В первый раз устройство бивуака заняло у нас часа два, но после нескольких ночевок мы управ-

I, II, III — КОСТРЫ ПЕРЕД БАЛАГАНОМ, НА КОТОРЫЕ ПОТОМ КЛАДУТСЯ ДЛИННЫЕ ДРОВА, СОЕДИНЯЮЩИЕ ИХ В ОДИН ДЛИННЫЙ КОСТЕР

Как сделать крошню.

лялись за 45 минут, если не считать заготовки дров на ночь. Это самое трудоемкое дело.

Для ночевки в балагане нужно много сухостоя, особенно хороши сухая сосна, кедр и лиственница. Ель и пихту лучше не брать: они очень сильно «стреляют», и от них иногда прогорают брезент и одеяла. В разгоревшийся жаркий костер можно класть и сырую березу.

В первое время ребята разжигали только один костер в центре. Сначала на нем готовили ужин, а потом наваливали длинные стволы, по которым огонь постепенно распространялся в оба конца. Но до лежащих с краю тепло не доходило, поэтому мы стали разводить сразу три костра — в центре и по краям, с «запасом»: чуть подальше в стороны от боковых стенок балагана. А потом накладывали на них во всю длину сухостой.

Как выбрать брезент? Размеры его легко прикинуть самим, из расчета примерно 50 сантиметров длины на каждого участника похода, а ширина — 2,2 метра. Весит он, как правило, меньше, чем обычная туристская палатка. Чтобы подробнее узнать о разных типах костров и охотничьих палаток, посмотрите первый том «Справочника путешественника и краеведа» под редакцией академика С. В. Обручева.

Нельзя забывать, что для устройства балагана на 10—12 человек приходится срубить 8—10 молодых деревьев. Поэтому вблизи городов и больших поселков надо пользоваться палатками, да и в тайге рубить деревья надо с толком, там лишь, где они растут чересчур густо.

Когда груз за спиной

Туристы отличаются друг от друга главным образом размерами рюкзаков. Опытный всегда найдет возможность облегчить свой рюкзак за счет целого ряда вещей — запасной одежды, одеял, которые в летнем походе с ночевками в балагане не обязательны для каждого, палатки (если есть один брезент) и лишнего бинокля...

Если не считать туризмом доставку людьми грузов из пункта А в пункт В по пересеченной местности, то надо стараться уменьшить вес рюкза-

зак, пусть даже ценой отказа от некоторой «комфортности». Тогда вы сможете видеть окружающее глазами человека, а не выючной лошади: от привала и до привала.

Для переноски груза за спиной в таежной и лесной зоне за несколько столетий выработался своеобразный станок — «выючное седло». В конце прошлого века им пользовались еще охотники лесного Заволжья. Сейчас он встречается только в тех районах, где сохранилась промысловая охота. На Урале, в Европейской части и в Сибири его называют крошны, или крошни, на Дальнем Востоке — фонага, или поняга. Это приспособление выполняет роль жесткого каркаса альпинистского рюкзака, но, на наш взгляд, гораздо легче и удобнее.

Уральские крошни делают из бересты или фанеры. Черемуховую дугу скрепляют поперечинами из того же материала и обтягивают двумя слоями толстой бересты, загибая ее над костром на внешнюю сторону крошней. Выкройка бересты на рисунке дана. Можно к дуге прибить и простую фанерку. Затем к ней привязывается сыромятный ремешок или прочная веревка, с помощью которой в крошню увязывают груз. К нижней перекладине рекомендуется приделать кусок брезента или клеенки — от сырости. Лямки крепятся к центру. Вы подгоняете их по своим плечам и на концах делаете веревочные петли, которые набрасываете на концы дуги.

Полезен для туриста и охотника-любителя лузан. Его шьют из шинельного или просто толстого сукна, плечи, верхнюю часть груди и спины закрывают кожей. Во всю ширину внутри делают карманы. Снизу лузан подхватывается поясом с напуском. Шьется он без рукавов, поэтому не стесняет движений, в нем не жарко на ходу, и в то же время он прекрасно защищает от дождя и снега и выполняет в походе роль рюкзака.

Сейчас о лузанах на Урале помнят только старики. Но лет 50 назад они были непременной частью снаряжения охотника, а в очень далекие времена ими пользовались в походах даже москвитяне.

Аркадия и Олег
ЛИШИНЫ

В СТРАНЕ СНЕГОВ И БУЙНЫХ ТРАВ

Тетрадь третья

В. ЛЯХНИЦКИЙ

Рисунки С. Киприна

Лошадный талант

На нашем приiske есть две лошади — Черепаха и Жук. Обе пузатые, большеголовые, гривастые, коротконогие. Не лошади, а какой-то очень дружеский шарж.

Однажды летом я приехал на отдаленную зимку. Две избушки, амбар, и тайга за забором. Привязал к ограде гнедого красавца Мураша, дал ему кусочек сахара и пошел во двор.

Двое белоголовых босых парнишек подбежали к коню, по-хозяйски проверили затяжку подпруг, забрались на пень, дотянувшись, похлопали коня по холке.

Нет такого таежника, чтоб не гордился своим конем, а мой Мураш всем коням конь: рослый, шагистый, через речку по бревнышку перейдет. Я задержался, готовясь услышать оценку ребят.

— Ничего, а до Жука далеко, — сказал старший. — Да разве ему Жука дадут? Жука беречь надо.

— И Черепаху надо беречь, — добавил младший.

— Черепаха, Черепаха. Был бы Жук — и никаких Черепах не надо.

— А ежели под уклон?

— Вот разве под уклон, — рассудительно проговорил старший и отошел.

На приiske Черепаха с Жуком были окружены особым почетом. Осенью лошадей не хватает. С конного двора отправляются обозы то в лес, то на строительство, и запрягают всех, иногда даже больных. А Жук с Черепахой погуливают на лугу, пьют ключевую водицу, захотят — забредут в конюшню и ржут, нетерпеливо копытят настил. Конюх услышит — и спешит поскорее овса принести. Все лошади получают овес по норме, а им — сколько хотят. «От пуза», как говорит дядя Матвей.

В этом году чернотропье закончилось сразу. Утром по небу заходили серые тучи. Они цепля-

лись за горы, и казалось, что вершины дымятся, курятся. К обеду тучи спустились ниже, окутали склоны долины. Пошел снег. Вечером, идя с работы домой, мы уже «топтали» дорогу. А прежде чем войти в дом, брали загодя приготовленные лопаты и отгребали снег от двери.

Наступила зима. Пушистая, теплая. После первых буранов дома стояли по пояс в снегу. Ребятам раздолье. Пришли из школы, закусили на скорую руку и — на лыжи. До позднего вечера.

А лошадям наказание. Вчера Мураш оступился с дороги и завалился в сугроб. Начал биться — поломал оглоблю и увяз так, что над снегом только дуга чернела, уши да глаза, большие, испуганные.

Дядя Матвей отаптывал снег вокруг Мураша и сокрушенно качал головой:

— Скажи ты! На вид герой, а в снегу никто. И то сказать, редкая лошадь в снегу идет. Тут особый талант нужен. Вот взять, к примеру, Жука. На вид — только на мясо, а талантище у него...

Это у дяди Матвея высшая похвала.

Через несколько дней специальная бригада прокладывала зимнюю дорогу. Впереди пошел невысокий сухопарый старик Гутов. Ему далеко за пятьдесят, но он крепок и румян. Возле крайних домов прииска он надел лыжи, оглядел долину: ни дороги туда, ни лыжни. Одни заячьи следы петляют по снежной целине.

— Все готовы? — спросил Гутов.

— Все, — ответили сзади.

— В путь! — и шагнул вперед. Легок Гутов. И лыжи у него особые — широкие, но и он по колено утонул в пушистом снегу.

За Гутовым шел Жук, без хомута, в одном недоуздке. Шерсть лоснится на упитанной спине

Первая и вторая тетради были опубликованы в № 2 и 6 за 1964 год.

и боках. Остановился Жук, глянул вперед, в сторону одинокого дома, куда вела дорога. Потом повернул голову к снежной целине, посмотрел на лыжню, на Гутова и заржал.

— Сюда! Сюда! — позвал Гутов. Он и Жук несколько лет вместе прокладывают зимние дороги и научились понимать друг друга. — Сюда, Жук.

И Жук развернулся. Встал поперек дороги. Одной ногой ступил на лыжню и тотчас отдернул ее. Так делают купальщики, пробуя, холодна ли вода. Опять завернул голову и посмотрел на остановившийся обоз.

— Сюда, Жук, сюда! — звал его Гутов.

— Да хлестните его кто-нибудь! — крикнул молодой возчик. Он впервые едет прокладывать путь и не знает порядка.

— Я тебе хлестну, — пригрозил Гутов и вынул из-за пазухи густо посоленный кусок хлеба.

Жук увидел хлеб. Вытянул шею. Верхняя губа его поднялась и прикрыла ноздри. Казалось, Жук улыбается, предвкушая лакомство. Но снег глубокий. Как добраться до хлеба?

Жук снова ступил на лыжню одной ногой и снова отпрянул. Опустил голову и долго, внимательно разглядывал снег. Потом опустился на колени, прижал уши и, вытянув голову вперед, нырнул. Буквально нырнул и поплыл. Он не доставал ногами землю. Не прыгал, как прыгают в снегу другие лошади. Большой живот служил ему лыжей. Жук огребался ногами и медленно, без рывков плыл по снегу.

— Красиво-то как, — услышал я возле себя голос Матвея. — Сколько на свете лошадей видел, а такого еще не видывал. Как лебедь.

— И правда, как лебедь, — согласился я и дивился — куда девался несуразный, пузатый Жук. Передо мной красивейшая из лошадей, грациозно перебирающая ногами и изгибающая шею в такт движению ног. Совсем как лебедь.

За Жуком, громко отфыркиваясь и часто перебирая короткими ногами, ползла на боку Черепаха. Она приминала снег, и за ней оставался след в виде глубокого лотка. По лотку спокойно шел Мураш и тащил пустые дровни. За ним шел длинный обоз.

Пройдя метров сорок, Жук останавливался и переводил дыхание. Потом глубоко вздыхал, как пловец перед стартом, и, не дожидаясь поныкания, снова плыл, буравя снежную гладь.

Но вот он остановился и завернул голову назад, в сторону обоза. Там везли пожитки, в том числе и двое саней. Их Жук и Черепаха потянут обратно по торной дороге.

— Овса! — скомандовал Гутов.

Жуку принесли торбу овса. Он отвернулся.

— Воды!

Молодой возчик принес в оцинкованном ведре чистую ключевую воду. Ее везли с собой в бочке. Лошади не пьют снеговую воду. Жук плотно сжал губы, втянул в себя несколько глотков, промочил горло и снова двинулся вперед по лыжне, проложенной Гутовым.

Кругом тишина. На пихтах навивы снега. Большие. Тяжелые. Они придавили к земле пихтовые лапы, и деревья стоят стройные, подтянутые, словно им крикнули: «Смирно!» и они замерли, вытянув «руки» по швам. На сушинах с обломанными верхушками тоже навивы, и они похожи на большие снеговые грибы.

К вечеру мы прошли почти пять километров и заночевали у костров. На третий день добра-

лись до покосов, нагрузили сено и повернули обратно. Гутов ласково трепал по шее то Черепаху, то Жука.

— Ну, приятели, — говорил он, — отдохнете денек и пойдем на базу. Не пробиться им. Придется их выручать.

— Конечно, придется выручать, — подтвердили возчики. — Где же им по такому снегу пробиться. Правда, дядя Матвей?

— Ничего не скажу, пока сам не погляжу, — ответил Матвей, но по глазам его было видно: и он сомневается в успехе тех, кто прокладывал дорогу от базы к приску.

...И все же они пробились.

При выезде из ключа на реку Жук остановился. Нашу дорогу пересекал снежный вал. А за валом — широкая траншея, прорытая бульдозером. По ней двигался тракторно-санный поезд. Первый тракторный поезд, пришедший на прииск. На санях лежали штабеля мешков с мукой, ящики. На ящиках сидели два белобрысых, закутанных мальчишки. Это они, знатоки и любители лошадей, с далекой заимки ехали в интернат, в школу. Мальчишки показывали пальцами на обоз, хлопали в ладоши и о чем-то кричали.

— Жук... Черепаха... Мураш... — долетали до нас отдельные слова.

— А этот лучше, — громко, отдельно произнес младший и показал на трактор.

— Чудак! Трактор не везде пройдет. И лошадям еще найдется работа, — перебил старший. — Правда, Жук?

Жук, услышав свое имя, налег на хомут, сдернул воз с места и пошел за трактором, качая головой при каждом шаге.

Снегопад закончился вчера утром. На склоны гор, на крыши домов намело еще метр снега. Зато солнце встало умытое, чистое, и все кругом заискрилось. От гор, от деревьев легли голубые прозрачные тени. Яркую синь неба прорезали резкие контуры белых сверкающих гор.

В обед ко мне прибежал Борис, начальник геологической партии, и крикнул с порога:

— Одевайся скорее! Идем! Лавина прошла!

— Люди?

— Двоих захватило.

— Живы?

— Ничего не знаю. Да одевайся быстрее! —

Он сорвал с вешалки полушубок, шапку, кинул их мне и, схватив за руку, увлек на улицу.

Из домов выбегали люди. Как и я, на ходу застегивали полушубки, ватные тужурки, нахлобучивали шапки. Все говорили про тех двух буровиков, что за несколько минут до обвала пошли в поселок. И не дошли.

— Сегодня все утро гремели взрывы. Пы-

тались лавину спустить,—на ходу рассказывал мне Борис.— Не смогли. Тогда те двое надели лыжи и ушли в поселок не в обход, по дороге, а напрямик. По этому склону...

Разведка велась сейчас же за приском. Гора высилась над рекой, как огромный заснеженный стог. Ее склоны — осыпи, скалы изредка кустарник. Только на плоской вершине виднелись заснеженные пихты. Оттуда, с буровых вышек, обычно доносился стук дизелей. На середине горы стояло здание компрессорной. В нем работали только летом.

— Я не вижу компрессорной! Нет компрессорной!

— И компрессорную снесло! — крикнул бежавший рядом моторист.

Мы знали, что с этой голой сопки часто срываются лавины. Геологи с осени набили по склону столбы, пытались задержать снег. Ничего не вышло.

Но где люди? Неужели погибли?

На ходу прикидываю: длина склона метров шестьсот, ширина опасного участка метров двести, глубина снега не меньше двух метров. Значит, четверть миллиона кубометров сорвалось сегодня с горы и завалило долину реки Усы.

Неровная бугристая поверхность спустившейся лавины похожа на фантастический лунный ландшафт. Торчат небольшие снежные пики, нагромождение глыб слежавшегося снега присыпано белой зернистой крупкой.

Мы ходили по снегу. Вглядывались. Искали следы — хотя бы оторванную пуговицу, клочок одежды. Но — ничего.

— Гого-го-о! — кричали мы и, распластавшись, припадали ухом к холодным глыбам. Пытались услышать ответ.

Неужели уже мертвы? А, может быть, без сознания?

Снежный поток перелетел долину Усы. Уперся в ее левый затаеженный склон и даже поднялся на него. Деревья наклонились в гору. Одни — чуть-чуть. Другие — почти легли. Но часть снега, видно, потом скатилась обратно, и некоторые деревья наклонены в долину. И стоит этот засыпанный лес, как пьяный.

Мы ходим по нему. Кричим. Из кузницы уже притащили железные прутья. Длинная шеренга людей выстраивается и шаг за шагом прощупывает снег, прокалывая его прутьями до самой земли.

Смеркается, а обследована едва десятая часть обвала. Уже в потемках мы с Борисом идем на гору. В свете фонарей видны темные полосы. Земля чуть припорошена снегом. Торчат кусты, камни, осенняя желтая трава. Местами снег точно слизан, и неровные борозды исполосовали землю, будто ее кто-то пахал. Утром здесь было несколько метров снега.

Далеко внизу движутся светлячки фонарей, светят факелы и костры. Это продолжают поиски. Другие работы остановлены. Все люди в долине ищут пропавших.

Мы останавливаемся, переводим дыхание.

— Ведь на всех подходах к этой горе стояли щиты, а на них — предупреждение: «Не ходить! Лавина!» Нет, пошли, — сокрушается Борис и светит фонариком, ищет среди камней. Чего ищет? Разве здесь, на этой круче, могло что-нибудь задержаться?

— Мы тоже идем зря, — я показываю вверх. Луна осветила гору и нависшие карнизы снега.

— Да, пожалуй, зря. Уйдем. Смотри, — Борис показывает на площадку. — Здесь была раско-мандировка...

— Не может быть, — и оглядываюсь. Здесь стоял и вертикальный паровой котел. Большой. С двухэтажный дом. Фундамент цел, а котла нет. Тридцатимиллиметровые болты, крепившие котел, лопнули, словно нитки. Дальше была компрессорная. Где она? Цела? Кажется, и ее не стало. Машу с отчаяния рукой и зову Бориса:

— Пойдем вниз.

— Подожди.

Компрессорную с осени готовили к неожиданным. От скалы на крышу здания устроили навес, крепкий, на рельсах и балках. Он наклонен в сторону реки и по идее должен служить для снежного потока вроде трамплина.

— А, черт с ней, с компрессорной! — громко говорит Борис. — Люди погибли. Люди... Пойдем!

И тут, словно из-под земли, раздается человеческий голос. Он кажется не то приглушенным, не то далеким и звучит в ночной тиши, как шепот:

— Борис Степанович... Борис Степанович...

Борис вздрагивает и недоумевающе смотрит на меня. Трет лоб. Ему кажется, что он сходит с ума и ждет, что скажу я. Но и я отчетливо слышу:

— Борис Степанович... Борис Степанович...

Не сговариваясь, мы бросаемся к тому месту, где раньше стояла компрессорная. Голос несется отсюда. На ее месте гряда снега, но трамплин цел. Значит, цела и компрессорная.

— Борис Степанович, мы тут! — и раздаются гулкие удары молотком по пустой бочке.

Здесь, прямо в скале, сделана маленькая пещера, где лежат инструменты. Мы хватаем лопаты и копаем. Сбрасываем полушубки, копаем. Сбрасываем шапки. Наконец, прокопана узкая щель к окну. Выбиваем стекло.

— Живы, живы, чертушки! Милые! — кричит Борис, помогая вылезти из окна своим буровикам. — Живы! — хлопает он каждого по спине, обнимает и целует. — Да как же вы так?

— Все утро взрывы вели, — оправдывался механик, — но спустить лавину не удалось. Крепко сидел снег. Ну, мы и решили двигаться наискось по склону в поселок. Катились с горы с ветерком. Иван мне и кричит: «Зайдем в компрессорную инструмент взять». И только зашли, а лавина как загремит!..

— Надо же случиться такому совпадению, — качает головой Борис. — Вы с горы — и обвал. Да, брат, не зная броду, не суйся в воду.

Алексей-победитель

Я чиркаю спичку, поджигаю фитиль и кричу: — Падай! Гори-и-и!.. — и, швырнув заряд далеко вперед, прячусь за стволами пихтушки. Бах-х... бах-х... бах-х...

Белые снежные фонтаны взлетают в воздух. Горное эхо вторит, множит звуки, и кажется, будто тысячи взрывов сотрясают сейчас хребты. С ветвей сыплется снег. Он лезет за ворот, мешает дышать. Протираю запорошенные глаза, поднимаюсь и вижу зайца. Он, видно, не чувял беды и бежал по поляне, да угодил под взрыв. Перепугался. А может быть, его и контузило малость. Он бежит как-то странно, кругами. А голову держит так, как пристяжная в тройке.

— А-т-ту его, а-т-ту! — кричит рядом дядя Матвей и хлопает в ладоши. — А-т-ту...

Но заяц, видно, оглох от страха. Он несется прямо на нас. Уши прижал. Увидел меня и метнулся высоко вверх. Я зажмурился, присел. Со всем рядом промелькнули заячьи лапы.

— Не убил тебя заяц? — смеется дядя Матвей. — Скажи, какой оглашенный.

— В другой раз, начальник, бери с собой горчицу и вилку, — смеется Алексей Рыжов, мой проводник и товарищ. Один на один он зовет меня по имени. Если нас трое — начальник. Четверо и больше — товарищ начальник.

Алексей — местный житель. У него бронзовое лицо, чуть раскостые смеющиеся глаза, тонкие, улыбочивые губы и твердая рука. Когда со мной Алексей и дядя Матвей, то, кажется, нас не трое, а пятеро, и мы все можем.

— А ну начинай, начальник, снова. Пух, пух, — опять смеется Алексей.

— Только зайца не обещаю.

— Ладно. Заяца я поймаю и сам.

Снова поджигаю шнуры. Снова белые снежные фонтаны взлетают выше закуржавелых пихт и берез.

— Не получается. Не созрела лавина, — говорю я.

— Поспела, начальник. Совсем поспела, — уверяет меня Алексей.

Здесь, по речке Березовой, после каждой метели срывается снег. Участок небольшой, метров сорок в длину и чуть побольше вверх. Но много ли надо, чтоб завалить человека. Завтра здесь пойдут люди. Мы должны предупредить несчастье и спустить лавину. Должны.

И снова летят в снег самодельные гранаты...

— Нет, не поспела, — спорю я с Алексеем. — Когда созреет, то достаточно из ружья выстрелить или кашлянуть...

— Кашлять будешь, пока снег не растает, — смеется Алексей. — Мой отец никогда не кашлял, а лавины падали, как подбитые белки. Правда. Дай попробую по-отцовски. Он так проводил обозы.

— Алексей, не надо рисковать, — прошу я.

— Не надо? Там, на порогах, я тебе не говорил не надо... — И замолчал. Смотрит мне в глаза. Ждет.

Я — начальник. Я могу сказать строго: товарищ Рыжов, отставить. И он послушается, но больше никогда не пойдет со мной в тайгу. Не будет товарищем.

Молчу. Алексей плотно застегивает плащ. Нахлобучивает капюшон, обвязывает себя под мышками тонкой крепкой веревкой и подает ее мне.

— На, держи конец. Крепко. Слабину дашь или отпустишь — моя душа хвостиком замахает. Понял? — и назвал меня по имени: Владка.

У него в носки лыж продеты небольшие ремненные петли. Он привязывает к ним вторую веревку потоньше и конец веревки отдает дяде Матвею.

— Как крикну, или лавина пойдет — тяните в полную силу.

Алексей нагнулся, отстегнул пяточные ремни лыж. Теперь они держатся на ногах на одних носочных ремнях.

— Пошел!.. — сам себе скомандовал Алексей, наклонил голову и что есть силы устремился вперед. Он бежит без курчeka¹, большими прыжками. Размахивает руками. Полы плаща развеваются, точно крылья, и Алексей похож на большую птицу, пытающуюся подняться в воздух. Чудится: еще взмах, еще прыжок — и он полетит. Но нет. Алексей бежит у подножья голого склона, с которого срываются обвалы, а мы стоим за пихтами и, как говорят моряки, травим веревки.

За Алексеем остается глубокий след — лыжня. Она подрезает снег. Теперь снег без опоры. Он висит. «Быстрой, Алеша, быстрой, — мысленно тороплю я. — Тебе осталось сделать еще шагов пять — и ты в пихтаче. Там спокойно. Из пихтачей не пойдут лавины...»

Чуть слышное шипенье раздалось в воздухе. Словно рой мух пролетел или алмаз стекло разрезал: жи-и-и!..

— Гха! — крикнул Алексей. Подпрыгнул и, раскинув руки, плашмя упал на снег. Я слышал команду. Я тащил веревку. Склон окутался туманом. Все впереди шипело, колебалось, ползло, дрожало, и в этом свистящем снежном тумане мелькали то распластанное тело Алексея, то его

¹ Курчек — небольшая продолговатая деревянная лопатка с длинной ручкой, вроде весла. При спуске с горы на лыжах курчком тормозят и рулят. На ровном месте разгребают снег. При стрельбе втыкают в снег и используют в качестве упора.

лыжи. Алексей походил на глассер, бешено мчавшийся вперед. Голова втянута в плечи, и от них в разные стороны поднимаются снежные веера.

Лавина сорвалась. Лавина мчалась. Она тащила Алексея вниз, но веревка не пускала его. Я был центром окружности. Веревка — радиусом. Алексей описал четверть круга и вылетел на неподвижный снег.

— Ну как, поспела? — спросил он, подходя к нам и, как всегда, улыбнулся. На бронзовых скулах заиграл румянец, в черные смоляные брови набило снегу, и они стали белыми, как у деда мороза.

«Вон оно что, — подумал я. — Значит, вчера на Разведочной горе не совпадение получилось, а буровики, спускаясь на лыжах наискось, подрезали лавину, и она, потеряв опору, полетела вниз. И если б не компрессорная...»

Через два месяца на реке нашли и откопали котел. Он лежал в смерзшемся зернистом снегу и был целехонек. Даже манометр, даже водомерное стекло целы. Он пронесся более полукилометра среди скал и камней в мягкой снежной

подушке. Но какая сильная эта подушка, если сумела сорвать котел со стальных болтов!

И какой сильный духом этот маленький Алексей, если подчиняет себе лавины.

Б. Я р о в о й

ГЛОБУС

*Зелено-красно-синий глобус
На перекошенной оси
На стройку в списанный автобус
Мальчишка рыжий приносил.*

*И до конца рабочей смены
Сигналом старого руля
Малыш настраивал антенны:
— Земля! Ал-ло! Земля! Земля!*

*А вся Земля — рукой потрогай —
В кругах заманчивых широт
Лежала ласковой и доброй
В углу сиденья, словно кот.*

*Мальчишка брал ее руками,
Как что-то хрупкое берут,
И долго синими глазами
Сверял по компасу маршрут.*

*Читал названия селений
По обе стороны пути.
Пытался ехать на оленях,
Пешком до полюса дойти.*

*Но на оси вращался глобус...
Через арктические льды*

*Привел мальчишка свой автобус
Из детства
В степи Кулунды.*

НА ПЛОТУ

*Рыжими сосульками вразлет
Волосы бегут из-под фуражки,
И слетает капельками пот
На рукав застиранной тельняшки.*

*Держит загорелая рука
Над горящей солнцами протокой
Синими кружочками луга,
Пойманные в старенький бинокль.*

*Волны поднимаются до пят,
Катятся барашками под ноги.
Ничего! — что мачты не скрипят
И в пути не встретятся пороги.*

*Он стоит (упрямый капитан!)
На плоту, сколоченном из бревен.
А луга, плывя за краснотал,
Выгибают радугами брови.*

*И зовут, зовут его мечту
За моря, в заветренные дали...
Все мы на каком-нибудь плоту
Первые походы начинали.*

Мы жаждали романтики. Но ее не было в этом благоустроенном уральском городке. Зато сразу начались неприятности. В первый же зимний день Мухтар отморозил нос. Потом он потерял класс. Пошел показывать элементы рельефа и потерял. Ребята вернулись довольные: вместо географии они целый час катались с горы. Мухтар смог выбраться из тайги только к вечеру и сорвал еще два урока.

В результате — сердитое замечание завуча и неожиданный лозунг: «Все — на лыжи!»

Освоение лыжной науки мы начали с наведения блеска на свой внешний вид. Учтите, нам было всего по 23 года. Я надевал элегантный спортивный костюм, сплошь состоящий из «молний». Мухтар отправился на первую лыжную прогулку в роскошном коричневом свитере из верблюжьей шерсти, коротких голубых штанах и красных гетрах.

День, как по заказу, — мороз и солнце. А о горе, на которую нам вздумалось подняться, и говорить нечего — великолепна!

— Эге, есть где разгуляться джигитам, — обрадовался Мухтар и упал.

Поднявшись, он вытолкнул изо рта комок снега и бодро объявил:

— Крутизна склона — пятьдесят градусов. Высота над уровнем моря — триста сорок метров.

— Ребята, глянь-ка, марсиане, — вдруг донесся до нас тонюсенький голосишко.

Это явились на гору мальчишки. Ихто как раз и не хватало.

— Тише вы. То учителя... новенькие.

— Тогда все, — вполголоса продолжил кто-то. — Сейчас будут сосны сшибать!

«Ну уж дудки, — решили мы, — не дождетесь! До утра здесь стоять будем».

Но тут нам на помощь пришел мальчуган в куртке, подпоясанный широким офицерским ремнем.

— Меня Гошей зовут, — объявил он, ковыряя снег палкой. — В этом месте спускаться с горы нельзя. Внизу наносы.

— Зачем пугаешь, — нахмурил брови Мухтар.

— Не верите? — Гоша сморщил нос, фыркнул и направился к спуску.

— Стой! — прокричал Мухтар. — Остановись!

Расставив широко руки, он пытался поймать упрянца... и рухнул в снег. А Гоша укатил.

Он оказался ловким, этот Гоша. Но на равнине его встретила снежная стена. Лыжи встали. Выброшенный из валенок, мальчуган взвился вверх и, кувыркаясь, упал в кусты ольховника.

— Еду спасать, — строго сказал я, забывав, что нахожусь на высоте в триста сорок метров над уровнем океана.

— Нет, спасать должен я, — возразил Мухтар. — Виноват я.

И он попытался преградить мне путь. Но лыжи мои уже скользили к краю площадки, а останавливать их ни я, ни Мухтар не умели. И все же мой отважный

товарищ вырвался вперед. Он был прекрасен, как витязь в тигровой шкуре. Я видел его вскинутые вверх руки, гордо поднятую голову, сильные плечи. Как жаль, что потом все это смешалось. Четко виднелись только лыжи. Они катились свободно и непринужденно.

Откопали нас мальчишки.

— За скорой помощью сбегать? А? — наперебой спрашивали они с самым серьезным видом. А в глазах плясали смешинки...

Сейчас трудно объяснить, чем руководствовались мы, направляясь снова к горе.

У Мухтара вид был аховый. Лицо бледное, ни кровинки, а губы шепчут строки из песен Абая.

Сияют в небе солнце и луна —

Моя душа печальная темна:

Мне в жизни не найти другой любимой,
Хоть лучшего, чем я, себе найдет она.

Так со стихами великого казахского классика на устах и сверзился он вторично с горы.

Я съезжал, наоборот, деловито и молча. Поэтому мне удалось добрый десяток метров стоять на лыжах. Стоять, пока кто-то не дернул меня за ногу.

Очнулся я на руках у Мухтара. Он тряс меня, требуя не забывать о своем педагогическом авторитете и держаться гордо, как подобает джигиту.

Собравшись с силами, мы опять полезли в гору. Потом дружно падали, вставали, чтобы упасть снова и снова.

Мальчишки сначала со смехом, а затем с изумлением глядели на нашу безнадежную борьбу с горой. Часа через два их сердца не выдержали.

— Дяденьки! Нам пора домой. Ну поехали же...

Тогда мы отступили, но организованно, настолько организованно, что не забыли пригрозить горе новым штурмом.

И сразу же оказались в плотном кольце. Нас, шатающихся от усталости, со всех сторон поддерживали угловатые мальчишечьи плечи.

— Ничего не понимаю, — развел руками Мухтар, — за что такие почести?

Я оглянулся. Сугроба, которым нас пугали мальчишки, у подножья горы не было. Мы срыли его начисто, проявив самое настоящее безумство, безумство храбрых. А перед ним человечество всегда благоговело.

А. ФИЛАТОВ

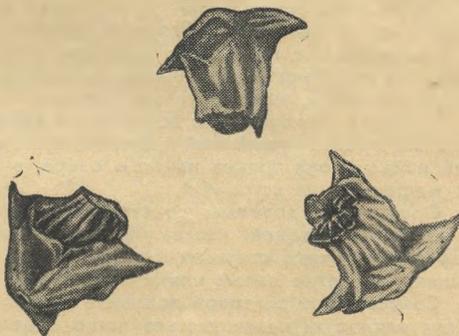
ЖИВОЕ ИСКОПАЕМОЕ

Если мысленно перенестись в далекое геологическое прошлое Урала, например на 250 тысяч лет назад, то перед нашим взором откроется картина конца третичного периода. На территории Урала и Приуралья растут богатые широколиственные леса из дуба, граба, вяза, липы и клена. На опушках деревья обвивают виноградные лозы. Повсюду многочисленные пресные озера, голубые нити рек. В озерах и речных старицах масса рдестов, наяда, лилий и других водных растений.

По окаменелым остаткам растений, по сохранившимся спорам и пыльце ученые смогли наглядно воссоздать картину растительности далеких геологических эпох.

Шло время, менялся климат земли. Многие древние растения вымерли, другие отступили на юг, где сохранились до наших дней, претерпев изменения. Но некоторые сумели приспособиться к изменившимся условиям — остались на прежних местах и входят в современную флору в качестве живых свидетелей далекого прошлого, живых ископаемых.

Одно из таких примечательных и очень редких для территории Южного Урала растений — водяной орех.

Плоды ореха.

Ископаемые остатки его в виде окаменелых плодов и пыльцы находили во многих районах Западной Европы, Урала и Сибири. Но живых экземпляров, несмотря на длительные поиски, на территории Башкирии отыскать долгое время не удавалось. Это редкое растение, наконец, было обнаружено недавно в озере Упканны-Куль.

Озеро находится в Уфимском районе, в полутора километрах от деревни Нимислярово. Это старица реки Уфы, длиной более 2 км и шириной до 75—90 метров.

Упканны-Куль и его окрестности очень живописны. Берега сильно заросли. Кое-где образовались значительные по площади и глубине трясины. Поэтому, наверное, оно и получило в народе название «Упканны-Куль», что в дословном переводе обозначает «провальное озеро». В северной и южной части озеро мелководно, глубина всего лишь 1—2 метра. Именно в этих местах особенно обильно растет водяной орех.

Это очень интересное растение как по своему внешнему виду, так и по биологическим особенностям. Собранные в розетку листья водяного ореха — ромбические, слегка округлые — напоминают листья березы, но со вздутыми воздухоносными черешками (благодаря им они и держатся на поверхности воды). В розетке листья имеют различную длину черешков и расположены так, что не перекрывают друг друга. Цветы небольшие, бокальчатые, беловато-розовые.

Разнообразны по форме и плоды водяного ореха. Их называют еще чилимом, рогулькой, водяным каштаном, или чертовым орехом.

В озерах Упканны-Куль встречается два вида водяного ореха — уральский и алтырский. Уральский найден пока только на этом озере, в других местах его не встречали.

Орех любит водоемы со стоячей или медленно текущей водой, поэтому растет обычно в озерах или речных старицах, берега которых защищены от ветра лесом или кустарниками.

Созревает он в первой половине сентября; к концу месяца черешки листьев легко отделяются от растения, которое, лишившись воздушных плавательных пузырей, опускается на дно.

Весной оболочка ореха разрушается, выбрасывает росток, и в конце мая на воде появляются новые листовые розетки. Примерно через месяц начинается цветение.

Водяной орех — весьма ценное пищевое растение. В сухом ядре его содержится более 3 процентов жира, 12,5 процента протеина, много усвояемых безазотистых веществ и крахмала и

около 3 процентов сахара. Полезные свойства растения известны с глубокой древности. При раскопках, относимых по возрасту к палеолиту, на месте бывших заторфованных озер были обнаружены слои скорлупы водяного ореха толщиной до 15 см, а также каменные жернова для обработки плодов.

Водяной орех идет в пищу в сыром, жареном и вареном виде, из него также готовят муку. В Китае, Индии, Пакистане и Японии культура этого растения разводится со времен седой древности. Урожай составляет 10—16 тонн на га водной поверхности.

В далеком прошлом водяной орех был обычным обитателем почти всех водоемов. Нынче он встречается очень редко. Чем объяснить его исчезновение? На этот вопрос ученые пока не могут дать определенного ответа. Одни полагают, что это связано с зарастанием водоемов. Другие указывают на исчезновение некоторых животных, которые переносили орех из одного водоема в другой.

Но ведь это мог бы сделать человек — переселяя плоды из одного озера в другое и тем способствуя распространению этого ценного растения. При этом нужно помнить, что плоды ореха, находясь без воды, быстро теряют всхожесть, поэтому переносить их нужно в ведерках или в банках.

Упканны-Куль — ценный памятник природы Южного Урала. Это крайняя северная, и пока единственная в Башкирии, точка произрастания водяного ореха. Озеро с его флорой и фауной подлежит строгой охране.

Возможно, что водяной орех встречается на Урале и в других водоемах. Если увидите его где-нибудь, то сообщите нам по адресу: г. Уфа, ул. Полярная, 8, Ботанический сад Института биологии Башгосунiversитета.

Е. В. КУЧЕРОВ, Г. К. БАЙКОВ, Г. В. ПОПОВ — научные сотрудники Ботанического сада Института биологии Башгосунiversитета

„ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА“

Осенью прошлого года одиннадцатиклассники 36-й свердловской школы создали клуб «Полярная звезда».

Многие поступили в этот клуб, занимались старательно, приобретали навыки, необходимые туристу-следопыту. Команда «Полярной звезды» заняла первые места на городских и областных соревнованиях.

Очень серьезно ребята относятся к следопытской работе.

Сейчас на счету туристов 36-й школы много интересных дел. Они не просто путешествуют по родному краю, а изучают его природные богатства, животный и растительный мир.

В отряде есть специалисты по ботанике, биологии, геологии...

О том, как создавалась «Полярная звезда», мы и расскажем вам сегодня.

* * *

Из двенадцати суток, проведенных в пути, пять суток лил дождь. Мелкий, однообразный, надоедливый. Рюкзаки намокли и стали тяжелыми. Дорогу размыло. Ноги скользили по глине, словно по льду. Но Алеша Лошкарев шутил, а Наташа Полканова затягивала все новую песню. Ее тут же подхватывали все. Словом, нытиков не было.

Реж, Ватиха, Мурзинка, Верхняя Алабашка, Нейво-Шайтанск. И вот Алагаевск! Конец маршрута! Отсюда домой, в Свердловск!

В вагоне стали подсчитывать трофеи: сортировали растения, осматривали собранные минералы. Ася Стукач с Васей Демидовым на Ватихе нашли горный хрусталь (Вася — заядлый геолог. Он и учебную практику проходит в горном институте). Красивый аметист обнаружили в Мурзинке Боря Попов с Алешей Лошкаревым.

— Значит, так, — говорили ребята, — подаем в бюро первооткрывателей заявки: на слюду и горный хрусталь, на черные турмалины, на хромиты и вермикулит...

...На перроне суматоха. Кто-то кричит радостно, кто-то размахивает над головой букетом цветов.

— Как съездили?!

— Выполнили задание? Привезли коллекцию? Наташа Михайлова, окруженная встречающими, огорченно разводит руками:

— Выполнить-то выполнили, но не привезли. Забрали нашу ботаническую коллекцию в Осташкинский музей. Оказалась лучшей на слете.

Витя Худорожков потрясает свертком.

— А ну, угадайте, что здесь? Кубок! Мы

завоевали первое место по спортивному ориентированию. И еще девять грамот!

Так возвращалась команда 36-й свердловской средней школы со Всероссийского слета туристов, который проходил в Калининской области.

...В школьном зале ребята отчитывались о проделанной работе. Остальные, слушая туристов, завистливо молчали: «Разве мы сможем так? Вон они сколько знают: и по ботанике, и по зоологии, и по топографии, и по геологии».

А Галина Борисовна, преподаватель географии, вздыхала: уйдут из школы одиннадцатиклассники, и не удержать нам первого места.

Не удержать?

Вечером собрались на совет и решили: «Удержим!» Создадим в школе свой клуб. Избрали президентом Борю Попова и вице-президентом — Алешу Лошкарева. Остальные девять — члены правления.

На доске объявлений появился броский плакат: «Всем! Всем! Всем! Кто с нами пойдет в однодневный поход на Скалы Петра Гронского?»

Желающих собралось немало. В первом же походе началась учеба. Новичкам показали, как разжечь костер, где найти в лесу «сушину» или смоляной пень, как лучше поставить палатку, собрать и составить гербарий.

С тех пор так и повелось — как воскресенье, так поход. И на Чертово Городище, и к Семи Братьям, и еще, и еще...

Теперь уж и в школе и дома никто не волновался, что в походе нет взрослых — на старшеклассников можно положиться!

Постепенно вся школа «заболела» туризмом.

Каждый знает, мы туристы,

Мы из школы тридцать шесть,

Мы сильны, ловки и быстры,

В школе клуб туристский есть.

А правление клуба ввело регулярные занятия уже прямо в школе. Появились секции геологов, фотографов, зоологов, топографов.

* * *

Приближается конец учебного года. Уйдут из школы одиннадцатиклассники. Но клуб по-прежнему будет работать. У ребят большие планы на лето: надо обязательно побывать на Ватихе. Там немало старых шахт, где можно отыскать аметисты и топазы. Хорошо бы сходить в Верхнюю и Нижнюю Алабашки. Там в копиях встречаются марионы. Да мало ли других интересных мест!

Г. СТОРОЖЕНКО

Летопись края

Недавно на полках Публичной исторической библиотеки в Москве разместилось 1288 одинаково толстых томов. Ни один библиофил не назовет издания, вышедшего когда-либо в России в таком объеме. Авторы его — тысячи людей.

Был в России человек, всю свою жизнь мечтавший об издании «Настольной энциклопедии». Жил он в Петербурге, но часто его можно было видеть в других городах России: повсюду он собирал материалы для своего будущего труда, встречался с букинистами и издателями, посещал толкучие рынки и книжные лавки.

Имя этого энтузиаста — Михаил Дмитриевич Хмыров.

В огромном собранном материале ученого немало сведений об истории Урала. Это — вырезки из центральных и местных губернских газет, из журналов: «Сын Отечества», «Современник», «Отечественные записки», указы, манифесты, рескрипты, редкие рукописные документы или копии с них, литографии, рисунки, схемы, карты.

Материалы коллекции рассказывают о жизни нашего края на протяжении более ста лет, с 1765 по 1870 год. В них интересные факты о промышленном производстве и сельском хозяйстве Урала, народном образовании и первых театральных представлениях, внешнем облике городов и их быте, о развитии судоходства на Каме и Белой, о прокладке дорог через Уральский хребет.

Вот на одной странице статья известного историка и географа, исследователя Урала Б. Н. Берха «О следах русских древностей в Пермской губернии». Она извлечена Хмыровым из восемнадцатой книжки журнала «Сын Отечества» за 1819 год. А рядом пожелтевшая

вырезка из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» № 50 за 1864 год, где сообщается о машине для изготовления кирпича, изобретенной в Перми.

Особенно ценны в собрании Хмырова многочисленные сведения о разведке земных недр и первых разработках полезных ископаемых на территории современной Башкирии, Свердловской, Челябинской и Пермской областей.

Коллекция Михаила Дмитриевича Хмырова — своеобразная летопись края, очень нужная и интересная для следопытов.

А. НИКИТИН

Автографы героев книги

— Ты сегодня, — сказал дядя Алпатову, — постриги свои лохмы и почистись немного к вечеру: у нас будет фестиваль.

— Фес-ти-валь?

— Ну да. Гости соберутся, и директор приедет. Директор — умнейший человек. Все нонче будут, и немец. Ты по-немецкому как?

— Слабо.

— Я попа позвал. По закону тоже плохо?

— Плох и по закону.

— Держись поумнее. Безобразием нашим не хвались.

— Каким безобразием?

— Обыкновенным безобразием, что бога нету, что царя не надо. Тебя с волчьим билетом выгнали. Все это, знаешь, они пьяные, наверно, все будут ниспровергать, а ты не встревайся.

В этом отрывке из автобиографического романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь» дана сценка, предшествующая поступлению Алпатова — Пришвина в Тюменское реальное училище. Любопытно, что все названные здесь лица, со всеми их странностями и особенностями, ярко раскрытыми в произведениях, существовали, и каждый даже оставил свой автограф на одном из экземпляров книги.

Такая своеобразная коллекция автографов есть у заслуженного врача РСФСР С. Ка-

Следопыты
СООБЩАЮТ

рнацевича, живущего в Тюмени. Это изданная в 1901 году книга с подписями учителей Тюменского реального училища, в котором в разные годы учились Пришвин и Карнацевич: автографы директора училища И. Слоцова (его писатель в своем произведении назвал «Черномором»), законоучителя И. Лепехича — «толстый протопол Иоанн» и других.

Давно отошли в прошлое те дни. Но целехонько здание бывшего реального училища (сейчас в нем сельскохозяйственный институт), где в конце прошлого века учился Пришвин.

Тюменцы хранят память о писателе.

Ю. РЯБОВ

Гора уходит в землю

Между старым и новым Дегтярском (Свердловская область) протянулась на два километра гора Караульная. С нее открывается сказочный вид на горные цепи Урала. В ясную погоду видны Ревда и Первоуральск.

У подножья Караульной уже полвека стоят копры шахт, в которых глубоко добывают медную и серную руду. Четверть века действует крупнейшая из них «Капитальная» № 2. Ее широкие выработки ушли вглубь до 370 метров. Они в несколько этажей в разных направлениях густо изрезали фундамент Караульной. Руду выдали на поверхность, а гора с 1953 года стала медленно опускаться в землю. Вначале она становилась ниже на 5—30 сантиметров в год, а в прошлом году ушла на 1,3 метра.

Всего Караульная опустилась за десять лет примерно на 4,5 метра. Погружение продолжается.

Г. ГРИГОРЬЕВ

Следопыты
СООБЩАЮТ

МУЗЕЙНЫЕ РЕДКОСТИ

Письменный стол Державина

В Государственном музее Татарии (Казань) хранятся письменный стол, кресло и чернильница поэта Державина. Стол очень оригинальный. В нем много ящиков. Вместо ножек — четыре шкафика. Два правых и два левых соединены полками для книг. Часть поверхности стола поднимается на особые подставки и превращается в конторку, удобную для письма стоя и сидя. Кресло, по желанию хозяина, превращалось в кровать.

Любопытна и чернильница. Это особый ящик с гнездами — для двух письменных приборов. Посредине медный штатив с рамой для подсвечников. Рама устроена так, что свет можно подвинуть на любое расстояние.

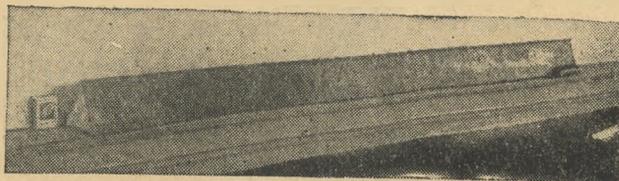
Вещи поэта были переданы в 1845 году в Казанский университет, а отсюда в наше время перешли в музей, где создан специальный «Уголок Державина».

Рельсы первой русской «чугунки»

Рельсы первой русской чугунной дороги можно увидеть в Алтайском краеведческом музее. Она была построена на Алтае предшественником известных тагильчан Черепановых Петром Козьмичем Фроловым в 1806—1809 годах. Дорога соединяла Змеиногорск и Корбалиху. По ней ходили вагонетки, передвигавшиеся с помощью лошадей.

Нашли рельсы в 1952 году, были они в прекрасном состоянии. Обнаруженное рядом чугунное колесо пострадало от времени гораздо больше.

Д. ВЛАДИМИРСКИЙ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПОХОД

И. ТАРАБУКИН

Рисунки А. Курилова

— Хватит телячьих нежностей! Да здравствует романтика трудных дорог! — Этим возгласом Петьки Копылова закончилось бурное обсуждение предстоящего похода. Уже надоевший автобусный маршрут «Школа — районный Дом культуры» был единогласно отвергнут. Решили пойти на лыжах к сторожке лесника, а после ночевки — по заросшим лесом холмам к деревне Палкино. В Палкино — встреча с колхозными ребятами. Здорово! В путь отправляется десять наших лучших лыжников.

Наутро все они были готовы к приключениям. Десять пар лыж и девять пар восторженных глаз. Почему девять? Потому что уже после собрания Геней Толстиков, хилый, сутуловатый юноша, специалист по проведению всевозможных мероприятий, задумчиво заметил:

— А хорошо ли, что отряд возглавит Петр Копылов? Опять он что-либо выкинет...

В чем-то он был прав. С Петькой такое бывало. Как-то он предложил на спор забраться на крышу по водосточной трубе. Вызванная по тревоге пожарная команда еле сняла его с карниза третьего этажа... После консультаций в учительской решили, что вместо Копылова руководителем отряда будет учитель географии Николай Аполлонович. Правда, у него одышка, но при ней прогулка по свежему воздуху, говорят, даже полезна. Сам Николай Аполлонович возражать не стал.

— Романтика — прежде всего! — согласился он с директором школы.

— Интересно, — шмыгнула носом зав. сектором культмассовой работы Оля Синичкина, — а кто перед палкинскими ребятами выступать будет? Не Васька ли Смирнов с Борисом? Так ведь они,

кроме футбола, признавать ничего не хотят! Целые дни мяч пинают. Только и слышишь: пиналь-ти да пиналь-ти... Предлагаю включить в состав группы дуэт сестер Шубиных и нашего баяниста Евгения Павловича!

Но тут жена баяниста буфетчица Сонечка категорически заявила, что поедет вместе с Евгением Павловичем. Одного его отпускать почему-то было нельзя.

— И притом, кто вас кормить будет? — заявила она.

Кормить нас в дороге действительно было некому. Пришлось согласиться.

В полдень, когда, закинув за плечи рюкзаки, участники похода выстроились у ворот интерната, выяснилось, что Светлана Петунина никогда на лыжах не ходила. Вы спросите, при чем тут Петунина? При том, что ее назначили в поход вместо Ани Ивановой, как круглую отличницу, и еще потому, что ее портрет был недавно напечатан в журнале. Для представительности это была совершенно необходимая кандидатура, так сказать лицо школы!

Отказалась встать на лыжи и буфетчица Сонечка. Да и как бы она пошла на лыжах, нагруженная двумя термосами с какао и картонкой подогретых пирожков?

Пришлось вызывать автобус.

Наконец мы тронулись в путь. На автобусе по лесу? — Зачем по лесу?! Как всегда, по шоссе, в районный Дом культуры. Не в первый раз едем!

— Это даже лучше, — рассудительно сказал Геней Толстиков, усаживаясь возле шофера. — В Доме культуры идет фильм «Нехоженными тропами». Романтика! Можно будет организовать обсуждение!

В лесах Южного Урала, где много лип, в дуплах встречаются ульи диких пчел. Вкусен мед, всяк до него охоч, но многочисленная крылатая, сердитая, беспощадная охрана оберегает его не на жизнь, а на смерть. Попробуй сунься!

И все-таки находятся отчаянные смельчаки. Вот, к примеру, бурый медведь и лесная куница. Первый упрямым да терпением берет.

Куница хитрее топтыгина. Поздней осенью она забирается в дупло. Пчелы, конечно, бросаются на разбойницу. Но «воровка» выскочит, покатается по снегу, пока всех пчел с себя не скинет, и снова в дупло. Глядишь, и доберется до меда.

Некоторые куницы поступают иначе: прогрызут большую дыру в улей, пчелы заковенуют от холода, тогда доступ к меду открыт.

В одном улье его бывает до 60—100 килограммов. В таком месте собирается целая группа куниц. Наевшись досыта, зверьки далеко не отходят. Этим-то и пользуются опытные охотники. Добыв куницу, они обязательно смотрят, нет ли у нее в желудке меда? Если есть, то разыскивают поблизости улей и часто удачно.

щими о делах на производстве. За доли секунды они решают, что надо сделать, чтобы завод давал продукции больше и дешевле, посылают команды механизм.

Конструкторы дали машинек командиру поэтичное имя — «Днипро».

За успешное внедрение ее в жизнь коллектив инженеров выдвинут на соискание Ленинской премии.

Где был первый каток?

Большинство читателей, конечно, назовет Норвегию, Швецию или Голландию.

Самые древние в мире коньки нашли в Казахстане, возле озера Боровое. Ученые считают, что находке около трех тысяч лет.

Судя по зеркальному блеску коньков, древний владелец их упорно тренировался. Сделаны «ледобеги» из голенной кости лошади.

Ученые, к сожалению, не могут сказать, на какую дистанцию производили забеги

конькобежцы в 12 веке до нашей эры, какое время (рекордное!) они показали.

Пульверизатор на станке

Тот, кто ходит в парикмахерскую, десятки раз видел, как с помощью пульверизатора после стрижки или бритья парикмахеры освежают клиентов одеколоном.

Недавно пульверизатор применили в машиностроении — при обработке металлических деталей.

Детали точат, шлифуют, фрезеруют... Во всех случаях инструменты сильно нагреваются, а металлическая стружка даже «синеет» от высокой температуры.

И вот оказалось, что если из пульверизатора направить на режущий инструмент струю специальной жидкости, то деталь и инструмент быстро охлаждаются.

Применяя пульверизатор, можно тем же инструментом изготовить деталей в 5—6 раз больше, чем обычным способом.

Машина — командир

Когда речь заходит о вычислительных машинах, мы представляем большие чистые залы, заполненные длинными рядами сложной аппаратуры, бесконечные бумажные ленты, испещренные тысячами цифр.

Но уже появились у нас машины, которые умело и быстро решают сложные задачи, что ставят перед ними ежеминутно, ежесекундно заводы и фабрики. Сотнями проводов связаны такие машины с датчиками, сообщаю-

Внимание, спелеологи!

Одна из карстовых шахт находится в пяти километрах от станции Кукшик Южно-Уральской железной дороги, близ реки Ай, на ровной, платообразной местности, среди редких березовых рощиц. Местные жители называют ее — «Бездонная яма». Но шахта отнюдь не «бездонна» и сравнительно неглубока.

Впервые на дно ее спустился свердловский спелеолог Александр Козлов. Смелого «пещерника» вытаскивали из провала товарищи. Промеры показали, что глубина карстовой ямы — 47 метров. Поэтому и назвали ее «Шахта 47». Длина «шахты» в поперечном сечении 5—7 метров, ширина — 2—3.

О второй «карстовой шахте» известно только из литературных источников. Находится она в Башкирии, на реке Белой, в нескольких километрах от деревни Иргизла. Камень, брошенный в провал, летит долго, отскакивая от стенок. До сих пор в «шахту» никто не спускался: район далекий, и трудно доставлять снаряжение.

В. ЩЕПЕТОВ

В НОМЕРЕ:

Что нового предложили в последние месяцы прошлого года книжные издательства нашего края читателю-следопыту? Книг-то, в общем, вышло немало, но достать их не всегда удается: книги, изданные в одной области, редко попадают в книжные магазины другой, даже соседней области. А среди них встречаются очень интересные, достойные книжной полки следопыта. Вот например:

Дейч Г. Рассказы о Ленине и ленинской «Искре». Свердловск. 143 стр. 43 коп.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, какого труда стоило В. И. Ленину создать газету «Искра», с каким риском ее привозили в Россию, какую огромную роль сыграла она в истории Коммунистической партии.

Никитенко К. Витя в тигровой шкуре. Свердловск. 62 стр. 7 коп.

Это сборник коротких веселых рассказов недавно скончавшейся молодой писательницы, хорошо известной читателю по книгам «Толбага — долина дружбы» и «Наследство Феди Грая»

Чкар А. Притоки большой реки. Свердловск. 60 стр. 8 коп.

Повесть о приключениях колхозных ребят в дни летних каникул.

Астафьев В. Весенний остров. Пермь. 263 стр. 61 коп.

В книге собраны рассказы о ребятах, о природе Урала и Сибири. Разделы сборника: «Корни таежные», «Наши друзья», «Разные истории», «Страницы детства», «Дыхание родной земли»

Волосков В. Операция продолжается. Библиотека приключений и путешествий, вып. 21. Пермь. 182 стр. 33 коп.

Увлечательная приключенческая повесть о работе сотрудников госбезопасности в годы Великой Отечественной войны.

Матвеев В. Золотой поезд. Библиотека приключений и путешествий, вып. 20. Пермь. 200 стр. 35 коп.

Это повесть о знаменитом поезде, спасавшем золотой запас молодой Советской страны от белогвардейцев, рассказанная одним из участников этого рейса.

Метков слово. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В. Н. Серебrenников. Пермь. 360 стр. 1 р. 13 к.

Это интересный сборник народных песен, игр, пословиц, поговорок и загадок, собранных за многие годы одним из старейших уральских собирателей народного творчества В. Н. Серебrenниковым, ныне покойным.

В. П. Бирюков. Записки уральского краеведа. Челябинск. 144 стр. 27 коп.

«Записки» В. П. Бирюкова, замечательного уральского краеведа — это своеобразная «краеведческая копилка», где собраны его интересные воспоминания о встречах с выдающимися людьми, о находках редких рукописей и книг, о собранных им автографах и письмах А. П. Чехова, А. М. Горького, И. Д. Шадра и других.

И. Сотников. Чудо-камень. Уфа. 167 стр. 28 коп.

Повесть о юных геологах, открывших месторождение редкого минерала нефрита на Южном Урале.

А где же достать книги, если их нет в вашем книжном магазине? В этом случае рекомендуем выписать их из того города, где они изданы, через «Книгу — почтой».

МОЯ КОМСОМОЛЬСКИЙ СЕКРЕТАРЬ. М. Найдич. Поэма	1
ХОЗЯЙКА ПОЕЗДА. Е. Константинова	3
УТРЕННЯЯ ПЕСЕНКА. О. Фокина. Стихотворение	5
ПОДШИПНИК-ДОЛГОЖИТЕЛЬ. А. Кычакова. Уральская марка	5
СПУТНИКИ. Н. Широков. Очерк	6
У МОСКОВСКОЙ ЗАСТАВЫ. Фототека «Следопыта»	11
ДОБРЫЕ РУКИ. В. Стариков. Рассказ	12
ХЛЕБ. В. Петров. Стихотворение	13
КОМИССАР ОСОБОЙ. С. Неустров	14
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	15
«НАГРАЖДАЮТСЯ ПОСМЕРТНО». В. Еременко	16
РЫБЬЕ ЦАРСТВО. В. Утков. Главы из повести	17
МАШИНЫ СОЗДАЮТ РЕКИ. М. Днанова и Е. Костина	24
НАД ТАЙГОЙ. А. Мотырев. Репортаж	26
ГОРНЫЙ МЕД. Э. Молчанов	27
РУЧЕЙ ЗОЛОТОЙ. С. Барченко. Рассказ	28
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	34
В ГОСТЯХ У КАМЕННОЙ СТАРУХИ. Ю. Курочкин. Очерк об одном походе	36
МУЗЕЙНЫЕ РЕДКОСТИ	45
ПЕРЕСЫЛАЕТСЯ ДАЛЕЕ. Т. Дмитриев	46
ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ. Е. Бирюков. Фоторепортаж	48
ШТУЦЕР «ФОССА». А. Рябцев. Приключенческая повесть. Окончание	50
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ. Н. Гагарский. Очерк	62
ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ. А. и О. Лишины. Советы следопыту	65
В СТРАНЕ СНЕГОВ И БУЙНЫХ ТРАВ. В. Ляхницкий. Тетрадь третья	67
ГЛОБУС НА ПЛОТУ. В. Яровой. Стихотворения	71
БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ. А. Филатов. Рассказ	72
ЖИВОЕ ИСКОПАЕМОЕ. Е. Кучеров, Г. Байков, Г. Попов	74
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА». Г. Стороженко	75
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	76
МУЗЕЙНЫЕ РЕДКОСТИ	77
РОМАНТИЧЕСКИЙ ПОХОД. И. Тарабукин. Юмореска	78
БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ	79
КНИЖНАЯ ПОЛКА «СЛЕДОПЫТА»	80

ОБЛОЖКА Н. ЧЕСНОКОВА,
ФРОНТИСПИС Н. МООСА.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
Г. Стороженко

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 15/II 1965 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. Уч.-изд. л. 11,13.
НС 30001. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 8.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

Еще поля под снегом дремлют,
Еще далек весенний гром,
Но чаще ездит за деревню
К своим гектарам агроном.

Земля знакомая... И все же
Такие тайны бережет,
И так загадками тревожит,
Что вновь на поиски зовет.

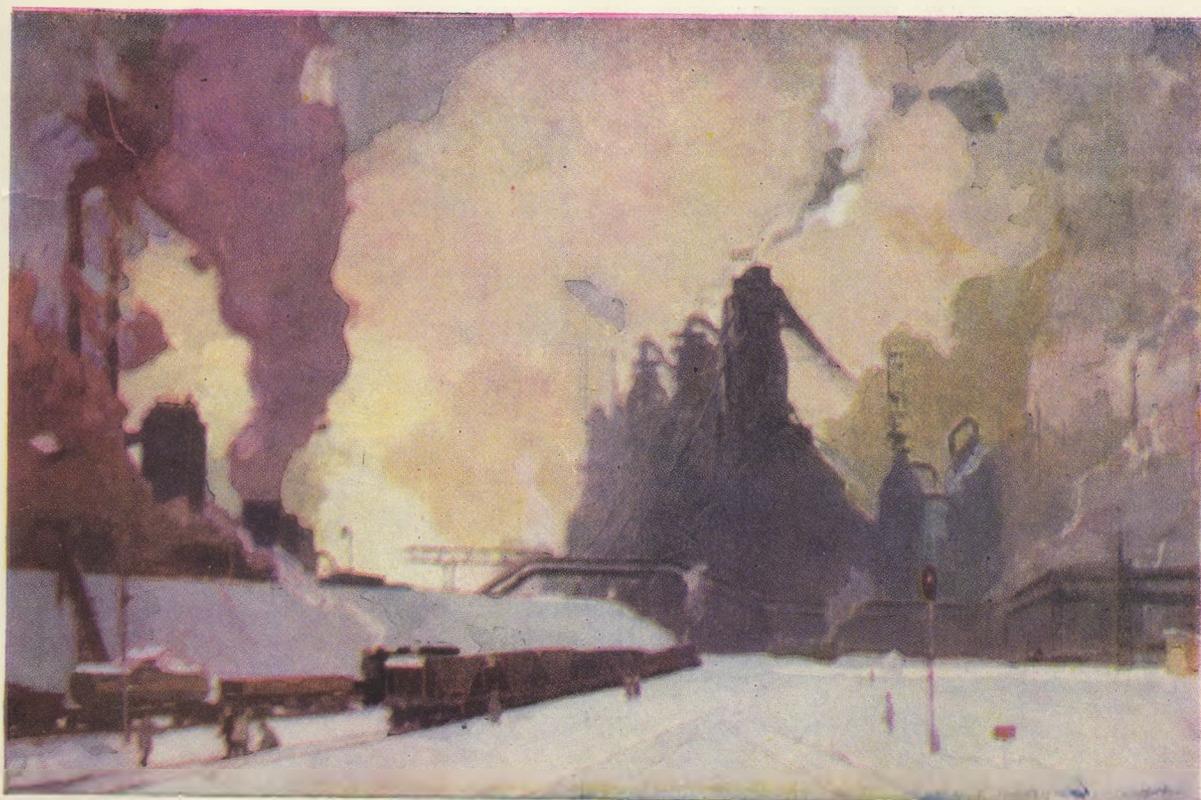
30 коп.

73413

С ВЫСТАВКИ

УРАЛ

“СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ”

П. БОРТНОВ (Нижний Тагил)

КРАСНЫЕ ОРЛЫ

Р. ЗАДОРИН (Нижний Тагил)

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

С ВЫСТАВКИ
УРАЛ
"СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ"

А. ЕГИДИС (Нижний Тагил)

ДОМЕНЩИК

С ВЫСТАВКИ
Урал
"СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ"

Н. ЧЕСНОКОВ (Свердловск)

ОЛЕНЕВОДЫ

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

3
1965

УРАЛЬСКИЙ Следит

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БИВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следовитские
Д Е Л А

